

ЙОЗЕФ ОПЛЕРБЕРГ ГЮНТЕР БАУЭР
БРУНО СЮТКУС

СНАЙПЕРСКАЯ «ЭЛИТА» III РЕЙХА

ОТКРОВЕНИЯ УБИЙЦ

**Бруно Сюткус
Йозеф Оллерберг
Гюнтер Бауэр
Снайперская «элита» III Рейха.
Откровения убийц (сборник)**

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6981797

Йозеф Оллерберг. Снайперская «элита» III Рейха. Откровения убийц: Яуза; Москва; 2014

ISBN 978-5-906716-06-4

Аннотация

ТРИ БЕСТСЕЛЛЕРА ОДНИМ ТОМОМ! Шокирующие мемуары трех немецких Scharfschützen (снайперов), на общем счету которых более 600 жизней наших солдат. Исповедь профессиональных убийц, сотни раз видевших смерть через оптику своих снайперских винтовок. Циничные откровения об ужасах войны на Восточном фронте, где не было места ни рыцарству, ни состраданию. Им довелось воевать на различных направлениях, и судьбы их сложились по-разному. Объединяет их одно – все они были расчетливы и безжалостны, обладали нечеловеческой выдержкой, позволявшей часами выслеживать цели и выходить победителями из снайперских дуэлей; все они выжили в самых страшных боях Восточного фронта, заплатив за это чудовищную цену – превратившись в законченных убийц.

Содержание

Гюнтер Бауэр. Смерть сквозь оптический прицел	4
Глава первая. Призывная повестка	4
Глава вторая. Аннексия Судет	9
Глава третья. Вторжение в Польшу	13
Глава четвертая. Я становлюсь учеником профессионального снайпера	33
Глава пятая. Штурм Эбен-Эмаэля и вторжение в Западную Европу	46
Глава шестая. Операция «Меркурий»: вторжение на Крит	54
Глава седьмая. Операция «Барбаросса»	75
Глава восьмая. Операция «Тайфун»: рывок к Москве	81
Глава девятая. Долгая и холодная зима	87
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Йозеф Оллерберг Снайперская «элита» III Рейха. Откровения убийц

Гюнтер Бауэр. Смерть сквозь оптический прицел

Глава первая. Призывная повестка

Сентябрь, 1937

В тот день я, как всегда, был в булочной, принадлежавшей нашей семье. Вместе со мною там работали моя мать Анна и моя беременная жена Ингрид. Нам с Ингрид было обоим по восемнадцать лет. Мы поженились всего двумя месяцами раньше.

Я помогал моей матери вести дела в булочной уже несколько лет, и, когда я повзрослел, это стало нашим общим семейным бизнесом. Мать была рада, что часть ее забот я переложил на свои плечи.

В булочную вошли две пожилые женщины. Они долго рассматривали разные пирожные и печенье, тихо обсуждая между собой, что им лучше купить. В конце концов они определились с выбором и сделали покупку. На выходе им услужливо придержал дверь почтальон, направлявшийся к нам.

– Я принес тебе призывную повестку, Гюнтер, – сказал он войдя.

Услышав эти слова, я почувствовал, что в один миг моя жизнь круто перевернулась. Я знал, что еще два года назад в Германии была восстановлена всеобщая воинская обязанность, но относился к этому как-то отстраненно, не представляя, что это коснется меня самого.

Почтальон протянул мне маленький желтый конверт, на котором было напечатано мое имя и адрес.

– Спасибо, Вальтер, – сказал я и протянул ему пирожное: – Угощайся.

Взяв пирожное, почтальон улыбнулся:

– Спасибо, Гюнтер, – приподняв шляпу, он раскланялся с моей матерью и Ингрид и вышел из булочной.

Лицо моей матери сразу стало очень озабоченным, она посмотрела на меня с тревогой.

– Мама, все будет хорошо, – я попытался успокоить ее и заставил себя улыбнуться.

– Твой отец погиб на войне, – вздохнула она.

– Но мы сейчас ни с кем не воюем, – возразил я.

Раскрыв конверт, я начал читать повестку. В ней сообщалось, что в трехдневный срок я должен явиться на призывной пункт и что, если я не сделаю этого, меня ждет арест. Кроме того, в повестке был указан адрес моего призывного пункта, который, как оказалось, находился в нескольких километрах от нашей булочной.

Три следующих дня пролетели очень быстро. Все это время мать без конца давала мне разнообразные советы, которые, как думала она, могли помочь мне избежать армейской службы:

– Скажи им, что ты только что женился. Скажи им, что у тебя вот-вот родится ребенок...

Впрочем, сама она очень боялась, что ни один из этих доводов ничего не изменит. И мать несколько раз за эти три дня повторяла мне:

– Гюнтер, умоляю тебя, не пытайся строить из себя смельчака, если когда-нибудь окажешься на войне. Твой отец был храбрецом, и его нет с нами. А ты должен вернуться домой целым и невредимым.

Ингрид передалась тревоги моей матери. Однажды вечером, когда мы были вдвоем, ее лицо стало очень серьезным и грустным. Она сказала, едва сдерживая слезы:

– Пообещай мне, что ты вернешься, Гюнтер.

– Конечно, вернусь! – ответил я с напускной веселостью. – Но тогда уж и ты тоже пообещай, что будешь меня ждать.

Она пообещала и поднесла мою руку к своему животу:

– Скажи нашему ребенку, что ты обязательно вернешься.

Я поцеловал Ингрид в живот и, улыбнувшись, произнес, обращаясь к тому, кто был внутри:

– Малыш, это говорит тебе твой папа. Я обещаю вам с мамой, что я вернусь. Мы снова будем вместе, и все у нас будет хорошо!

Ингрид провожала меня до самого призывного пункта. Когда я подошел туда, я увидел длинную очередь из молодых людей. Некоторые из них стояли со своими женами, подругами и матерями. В толпе было даже несколько маленьких детей, которых привели проводить отцов.

Я встал в очередь. Ингрид не хотела уходить и сжимала мою руку.

– Не волнуйся, нас, скорее всего, просто отправят охранять границу, – сказал я, не веря до конца в правдивость своих слов.

В те дни многие предчувствовали, что Германию ждут тяжелые испытания. Жизнь в стране круто переменялась всего за несколько последних лет. С приходом Гитлера к власти в 1933 году началось насаждение нацистской идеологии. Несогласие с правящим режимом постепенно подавлялось все жестче и жестче. В конце концов дошло до того, что даже невинная шутка о Гитлере или его партии могла привести к аресту. Впрочем, я сам был слишком молод тогда, чтобы задумываться о таких вещах. Единственное, мне бросилось в глаза, что примерно за два года до того, как я получил призывную повестку, нашу булочную перестали посещать несколько евреев, которые прежде были постоянными клиентами. Но в ту пору я не придавал этому особого значения. Возможно, этим людям удалось сбежать из страны, либо же их постигла гораздо худшая судьба.

Я сам никогда не был нацистом. Но хорошо помню, что к середине тридцатых годов германский народ разделился на их сторонников и тех, кому оставалось только молчать и бояться. Нацисты были везде. Даже около призывного пункта несколько из них прохаживались в черных рубашках со свастикой на рукаве и раздавали пропагандистские листовки. Когда одну из них протянули мне, я взял ее, вежливо улыбнувшись. Мне были не нужны лишние проблемы.

Вскоре подошла моя очередь. Я крепко обнял жену:

– Ингрид, все будет хорошо. Я скоро вернусь, верь мне!

Она едва не расплакалась и в который раз сказала, что очень любит меня и будет ждать. Мы поцеловались, и я вошел в коридор призывного пункта. Ингрид смотрела мне вслед, но дверь была на пружине и захлопнулась сразу, как только я вошел.

В коридоре тоже была очередь, которая вела к массивному столу. Над столом возвышался тучный сержант. Он забирал у призывников повестки и задавал каждому из них ряд формальных вопросов.

Когда я наконец оказался возле стола, сержант спросил у меня мое имя, адрес, возраст, вес и тому подобное. Задавая вопросы, он не делал пауз. Его голос звучал монотонно, а лицо ничего не выражало. Он даже показался мне не человеком, а некой машиной.

Все происходившее дальше также напоминало конвейер. В следующей огромной комнате мы прошли медкомиссию, по очереди переходя от одного врача к другому. После этого еще один сержант протянул мне на подпись документ, согласно которому я призывался в армию на четыре года. Мне ничего не оставалось, кроме как поставить свою подпись.

Вскоре после этого каждому из нас были выданы личные солдатские книжки, которые мы должны были постоянно носить с собой. Кроме того, мы получили специальные бланки, в которых каждый из нас должен был указать имена и адреса ближайших родственников, а также написать, чем он занимался в предыдущие годы и какими навыками владеет. Исходя из этого впоследствии определялась наша воинская специальность.

Мне не пришлось в голову ничего лучше, кроме как написать, что я работал в булочной, а также что я владею навыками меткой стрельбы. Стрелять из винтовки я научился еще в школьном кружке. Преподаватель говорил, что я самый меткий мальчик из всех, с кем ему приходилось заниматься. И это действительно было так.

Когда мы заполнили все бумаги, нас выстроили во дворе позади призывного пункта. Там уже стояли армейские грузовики. Мы погрузились в них, и нас отвезли на вокзал. Вскоре мы уже сидели в поезде, который увозил нас прочь от родного Гамбурга. Впрочем, наш путь продолжался всего несколько часов. А потом мы выгрузились на станции, где нас снова ждали армейские грузовики.

Уже начинало темнеть, когда мы приехали в тренировочный лагерь. Нас выстроили на плацу перед казармами. Сержант Краусс, который в дальнейшем отвечал за нашу подготовку, произнес речь, общий смысл которой сводился к тому, что он сделает из нас настоящих бойцов, которые будут стоять на страже интересов Германии, фюрера и народа. После этого нас разместили в казармах, где нам предстояло жить в течение последующих трех месяцев.

...На следующий день нам выдали униформу. В нее входили серо-зеленая полевая куртка, серые штаны, высокие, доходившие до колен, сапоги и овальный солдатский медальон, состоявший из двух половинок. Медальон нужно было носить на цепочке на шее. Кроме того, мы получили ремни и каски.

Погоны на моей полевой куртке были чистыми, без нашивок, как и положено у рядовых. На куртке было два наружных кармана и один внутренний, сделанный специально, чтобы каждый из нас мог положить в него свою личную солдатскую книжку, что я сразу и сделал.

Надпись на бляхе моего ремня гласила: «С нами Бог!» Помимо этого, на ремне размещалось три патронных сумки, в каждую из которых помещалось по десять патронов. Также на ремне я должен был носить со стороны спины слева выданную мне складную пехотную лопатку. Еще мне выдали вещмешок, фляжку и жестяную кружку. В общем, все как и полагается. Но было среди вещей и то, что сначала показалось мне совершенно бесполезным, – противогаз, фильтры к нему и таблетки, которые нужно было принимать в случае газовой атаки. Зачем все это нужно в мирное время? На секунду мне вспомнились опасения моей матери. Но еще через несколько мгновений все дурные мысли вылетели у меня из головы. Молодость есть молодость.

Вот что мне не понравилось по-настоящему, так это армейская стрижка. Я, конечно, и сам любил постричься коротко. Но нас, новобранцев, постригли практически совсем наголо.

Дальнейшая моя жизнь в тренировочном лагере состояла из бесконечных марш-бросков на значительные расстояния, в том числе и с полной выкладкой, разнообразных физических упражнений, теоретической подготовки и занятий на стрельбище.

Наш сержант практически сразу заметил, что я стреляю очень метко, и через некоторое время он сказал мне, что после базовой подготовки меня направят в снайперскую школу.

В нашем взводе оказалось двое парней, вместе с которыми я учился в начальной школе. Это были Антон Келлер и Михаэль Гаус. В школе мы не особо дружили, но в тренировочном лагере сразу стали друзьями.

Михаэль, как и я, сразу зарекомендовал себя очень метким стрелком. Подобно мне, он был среднего телосложения, выносливым, быстрым. Его взгляд всегда был сосредоточенным и серьезным.

Антон выглядел его полной противоположностью – голубоглазый блондин, двухметровый здоровяк, занимавшийся до армии борьбой и боксом. Улыбка никогда не сходила с его лица, он очень любил посмеяться, для этого ему достаточно было услышать малейшую шутку. Точно так же, шутя, он совершал изнурительные марши с полной выкладкой и выполнял тяжелейшие физические упражнения.

Конечно, Антон стрелял гораздо хуже нас. Но нам с Михаэлем очень хотелось, чтобы его тоже зачислили в снайперскую школу, и мы всячески старались помочь ему овладеть умением меткой стрельбы. В конце концов через несколько недель результат был достигнут. Антон попадал в цели по-прежнему хуже, чем мы с Михаэлем, но гораздо лучше, чем остальные. И сержант сказал, что Антон тоже будет зачислен в снайперскую школу.

В ходе базовой подготовки нас учили ориентированию на местности, применению различных типов оружия, а также тому, как правильно рыть окопы, противостоять танкам и что делать в случае газовой атаки.

За время подготовки мы учились бросать гранаты, стрелять из карабина K98k, винтовочного гранатомета, 80-миллиметрового миномета.

Карабин Mauser K98 был достаточно тяжел. Он весил около четырех килограммов. Нам, новобранцам, после многокилометровых маршей казалось, что на плече у каждого из нас висит просто невообразимая тяжесть. Зато этот карабин был оснащен магазином на 5 патронов. Он был очень удобен для стрельбы. При закрытии затвора пустая обойма автоматически выбрасывалась из пазов. Прицельные приспособления включали в себя мушку и V-образный целик, регулируемый по дальности в диапазоне от 100 до 2000 метров. При чем мушка устанавливалась на основании в дульной части ствола в поперечном пазу, и она могла перемещаться влево и вправо для смещения средней точки попадания. Благодаря этому можно было добиться очень хорошей точности стрельбы на значительные расстояния.

А вот винтовочные гранатометы, конечно, нельзя было назвать последним словом техники. Этот тип гранатометов применялся немецкой армией еще в Первую мировую войну. Конечно, у нас были гораздо более совершенные образцы подобного оружия. Но впоследствии мне стал ясен главный недостаток всех дульных гранатометов. Дело в том, что, подготовив гранату для выстрела, ты уже не можешь выстрелить из винтовки обычным патроном, пока не выстрелишь или не снимешь со ствола гранату. Зато винтовочные гранатометы очень мало весили и были действительно эффективными в боях.

80-миллиметровые минометы сразу показались нам очень грозным оружием. В дуло их ствола пролезал кулак. Они могли стрелять минами весом более трех килограммов на расстояние более двух километров. Я сам тогда с ужасом представил, что будет, если я когда-нибудь окажусь в зоне огня подобного оружия. Впрочем, впоследствии мне пришлось пережить на войне и гораздо более страшные вещи.

Однако во время базовой подготовки мы все были еще достаточно беззаботны. Некоторые из нас, которых сержант считал подходящими для этого, осваивали особые виды оружия, такие, как огнеметы и пулемет MG-34.

MG-34 был первым в истории единым пулеметом, который вплоть до 1942 года официально являлся основным пулеметом не только пехоты, но и танковых войск Вермахта. MG-34 мог использоваться как в качестве ручного пулемета на уровне пехотного взвода пехоты, так

и в качестве станкового на уровне батальона. При этом данный пулемет стрелял такими же 7,92-миллиметровыми патронами, что и карабин K98k.

Помимо всего этого, нас также учили, как сражаться в рукопашном бою с помощью винтовочных прикладов и саперных лопаток.

Когда три месяца базовой подготовки подошли к концу, я вместе с Антоном и Михаэлем был направлен в снайперскую школу. Там мы провели еще полтора месяца. Здесь наши тренировки состояли преимущественно из стрельбы. Мы учились вести прицельный огонь со значительных расстояний, пользуясь оптическим прицелом.

Кроме того, нас обучали выбору приоритетных целей. Прежде всего мы должны были поражать вражеских снайперов. Затем артиллерийских наводчиков и офицеров. Следующей нашей целью должны были становиться артиллеристы, минометчики и пулеметчики. А уж в самую последнюю очередь от нас требовалось стрелять по обычным солдатам-пехотинцам.

Помимо этого, нас учили маскироваться на местности, используя естественные средства, такие, как ветки, листья и даже грязь. Но, честно говоря, последующее участие в войне научило меня способам маскировки гораздо лучше, чем обучение в снайперской школе.

Но что самое ценное – инструктор научил нас незыблемому правилу, от которого зависит выживание снайпера, хотя оно и не всегда применимо в боевых условиях.

– Запомните, – повторял он без конца. – Если вы сделали выстрел, то должны тут же сменить позицию. В противном случае любой из вас тут же превратится в легкую мишень для снайпера противника.

После завершения снайперского обучения я получил свой первый отпуск. Это позволило мне на две недели вернуться домой.

Мать и Ингрид были ужасно рады моему приезду. А я был горд собой, ведь над левым локтем у меня красовался шеврон из серебристого галуна на темно-зеленом треугольном клапане. Дело в том, что после окончания снайперской школы мне было присвоено звание – ефрейтор. Более того, поскольку армейская служба оплачивалась, то я вернулся домой с некоторой суммой денег. Большую часть из них я отдал Ингрид, оставив лишь немного себе на пиво.

Двухнедельный отпуск прошел головокружительно быстро. И я снова прощался с матерью и Ингрид, снова садился на очередной поезд. На этот раз местом моего назначения была военная база под Берлином. Там я и провел несколько последующих месяцев.

Ингрид родила сына в июне. Как я и хотел, она назвала его Куртом. Ему не успел еще исполниться месяц, как я получил второй отпуск. Сначала я даже немного боялся подойти к нашему крохе, лежавшему в люльке, таким маленьким он мне казался, хотя и весил почти четыре килограмма. Но, безусловно, я был очень рад, что у меня родился сын, что у меня есть любящая жена, что моя мама стала бабушкой... Но отпуск заканчивался, мне пора было возвращаться в строй.

Успокаивая мать и Ингрид, я сказал им, что еду просто охранять Берлин. Наверное, я и сам верил в это тогда. Я не знал, что история неумолимо движется к грандиозным и страшным событиям, одним из участников которых мне суждено было стать.

Глава вторая. Аннексия Судет

Сентябрь, 1938

После Первой мировой войны Судетская область входила в состав Чехословакии и составляла едва ли не треть всей площади страны. На территории этой области проживало 3,5 миллиона этнических немцев. Уже в начале 1938 года Гитлер постоянно заявлял в своих речах о том, что немцев в Чехословакии всячески притесняют. В те дни я не раз слышал по радио и читал в газетах о том, что судетские немцы живут в невероятной бедности и подвергаются гонениям со стороны чехов, а также что именно в Судетской области самый высокий во всей Европе процент не только по числу самоубийств, но и по детской смертности.

Вскоре после того, как в марте 1938 года Австрия без единого выстрела была присоединена к Германии, немцы, жившие в Судетской области, стали требовать провести референдум, на котором население Судет смогло бы решить само, оставаться ли этой области в составе Чехословакии или войти в состав Германии. Однако референдум так и не был проведен. Более того, правительство Чехословакии вскоре ввело войска в населенные немцами районы и объявило военное положение на их территориях.

Живя в Германии, мы постоянно слышали в те дни пропаганду о том, что Гитлер это так не оставит и сделает все, чтобы судетские немцы перестали терпеть бесчинства чехов и снова жили «в одном доме с нацией». И действительно, 29 сентября 1938 года в Мюнхене было составлено соглашение, подписанное на следующий день премьер-министром Великобритании Невиллом Чемберленом, премьер-министром Франции Эдуардом Даладье, премьер-министром Италии Бенито Муссолини и самим Адольфом Гитлером. С этого момента Судетская область была формально передана в состав Германии.

Я оказался в составе войск, которые должны были войти на территорию Судет. В одном грузовике со мною ехали Антон, Михаэль и еще семнадцать других снайперов. Все вместе мы составляли особый снайперский взвод.

Наш грузовик двигался позади колонны легких танков. Каждый из нас не выпускал из рук свой карабин. У нас были обычные армейские карабины K98k, дополненные штык-ножами и оптическими прицелами. Впрочем, наши оптические прицелы лишь с большой натяжкой можно было назвать подходящими для снайперов. Эти прицелы давали только 2,5-кратное увеличение, чего было явно недостаточно для прицельной стрельбы со значительных расстояний.

Некоторые из моих сослуживцев пытались разговаривать друг с другом и даже шутить. Но это плохо получалось. Сказывалось нервное напряжение. Командовавший нашим взводом сержант Бергер заранее предупредил нас, что если в операции возникнут осложнения, то самая непростая работа будет возложена именно на нас. Сначала все мы восприняли это с юношеской бравадой. Но чем дольше продолжался путь, тем сильнее нас охватывали неприятные предчувствия. Я сам очень боялся, что меня могут ранить. А вдруг меня ранят так, что врачам придется отрезать мне руку или ногу? Как я тогда смогу помогать матери и Ингрид, вернувшись домой? О том, что кого-то из нас могут убить, у меня – да, скорее всего, и у всех остальных – даже мысли не было. Мы ведь еще ни одного боя не видели, не понимали, что на войне убивают по-настоящему. Тем не менее неприятно было на душе. Мои друзья Антон и Михаэль тоже молчали, глядя в пол.

Сержант Бергер ехал верхом на лошади позади нашего грузовика. Он был родом из Австрии, ему было уже за сорок. Он успел еще в Первой мировой поучаствовать. Его лицо казалось очень спокойным, и это вселяло в нас уверенность в подобной ситуации.

Через некоторое время наш грузовик неожиданно остановился. Я высунулся из кузова и увидел, что сержант Бергер подъехал к кабине водителя, чтобы выяснить причину остановки.

Примерно через минуту я понял, в чем было дело. Наш грузовик начал объезжать заглохший посреди дороги танк. В течение следующих двух часов пути, выглядывая из кузова, я насчитал еще около десяти сломавшихся немецких танков, которые не могли продолжать движение. А ведь это были новейшие машины наших конструкторов! Увиденное неприятно поразило меня. Что будет, если подобное случится во время боя? Впрочем, я держал свои мысли при себе.

Прошло еще несколько часов, и мы пересекли границу Чехословакии. Когда мы въехали на территорию Судетской области, я ожидал, что нас будут встречать с цветами. Во всяком случае, до этого нам не раз рассказывали о том, что именно так встречали немецкие войска, входившие в Австрию.

Однако в Судетах жители не бросали цветы немецким солдатам. Конечно, многие местные немцы с радостью встречали нашу войсковую колонну. Но периодически мы замечали и хмурые, недовольные взгляды. Причем так на нас смотрели не только чехи, но иногда и судетские немцы. Это заставило меня задуматься. Нам ведь говорили, что все немцы в Судетской области ждут нас как избавителей. В действительности оказалось, что многим из них в Чехословакии жилось вовсе не так плохо, как описывал Гитлер. Я окончательно убедился в этом за то время, пока находился в Судетской области в составе оккупационных войск. При этом, конечно, многие судетские немцы на самом деле хотели, чтобы их территории снова вошли в состав Германии, но обусловлено это в большинстве случаев было скорее идеологическими мотивами, чем пресловутыми притеснениями со стороны чехов.

Естественно, тогда, в молодости, я сформулировал все это для себя вовсе не так четко. Но мне было ясно, что между действительностью и словами властей есть значительная разница. Однако я не говорил об этом даже Антону и Михаэлю. Я не был борцом по натуре, не был оппозиционером. Я был обычным, нормальным человеком, и мне были не нужны неприятности.

Вопреки нашим дурным предчувствиям, в Чехословакии мы не встретили никакого вооруженного сопротивления. Более того, за время моего нахождения там в составе оккупационных войск также не произошло никаких инцидентов.

За этот период я получил даже короткий отпуск домой. Впрочем, даже дома я очень осторожно рассказывал об увиденном. И дело не в том, что я не доверял матери и Ингрид. Но они невольно могли сболтнуть лишнее, а это навлекло бы беду не только на меня, но и на них. Единственное, я как-то раз между делом обмолвился о том, что прицелы на наших карабинах мало пригодны для снайперской стрельбы. И, что самое удивительное, мои близкие помогли мне решить эту проблему.

В последний день перед возвращением в армию я получил два подарка: от матери и Ингрид. Первый из них представлял собой небольшой медальон, в котором было две фотографии – Ингрид и нашего ребенка. А вот второй подарок заставил меня буквально открыть рот от удивления. Это был цейссовский оптический прицел шестикратного увеличения. В то время подобные прицелы еще не производились для штатного армейского стрелкового оружия. Но мать посоветовалась с боевым другом моего отца, и тот помог ей выбрать такой оптический прицел для охотничьих карабинов, чтобы его можно было без проблем установить на мой карабин K98k. Впоследствии оказалось, что этот оптический прицел действительно идеально подходил для снайперской работы. Боюсь, что моей бедной матери пришлось истратить на него значительную часть своих сбережений. Но она действительно очень любила меня, как и я ее.

С мыслями о доме мне было нелегко возвращаться в строй. Тем не менее присяга обязывала меня, и через несколько дней я уже был на нашей военной базе в Судетах. Там я получил обратно свой карабин. Мне потребовалось совсем немного времени, чтобы закрепить на него новый прицел. Я установил его достаточно высоко, чтобы иметь возможность в случае необходимости вести огонь, не пользуясь оптикой. После этого я решил пристрелять свой карабин. Выяснилось, что с новым прицелом я могу без труда поражать мишени на расстоянии более трехсот метров, а то и гораздо дальше. Это привело меня в восторг, хотя я еще до конца не представлял, насколько ценным окажется подобный прицел в боевых условиях.

В Судетской области я пробыл еще несколько месяцев. А 15 марта 1939 года я снова оказался вместе со своим взводом в кузове армейского грузовика. Гитлер решил подчинить себе основную часть территории Чехословакии. Немецкие войска вошли в Прагу огромными колоннами, состоявшими из танков, бронетранспортеров, грузовиков и другой техники.

На этот раз наш боевой дух был предельно высок. Мы были уверены, что все пройдет без сучка без задоринки, поскольку знали: чехи – не бойцы! Однако увиденное превзошло даже наши самые смелые ожидания. Чехи встречали нас в Праге, вскидывая руки в германском армейском салюте и крича: «Хайль Гитлер!» Меня это крайне поразило. Я не верил, что все здесь чисто. И я оказался прав. У Михаэля был друг, который служил в войсках СС. Так тот за рюмочкой шнапса вскоре проболтался Михаэлю. Мол, чехи были предупреждены, и если бы они не салютовали так яростно, то их бы ждала очень незавидная судьба. Думаю, как раз эсэсовцы тогда бы и приняли самое активное участие в расправе над чехами.

Надо сказать, войска СС в Германии считались элитными. По большому счету, они действительно были таковыми. За последующие годы войны я не раз убеждался, что ребята из СС могут сделать невозможное там, где войска Вермахта оказываются бессильны. Как солдаты эсэсовцы были почти безупречны, и за это их нельзя было не уважать. Но был еще один строгий критерий отбора в эти войска – беззаветная преданность Гитлеру и соответствующим идеалам. Лично я от этих идеалов всегда был далек, хотя мое отношение к Гитлеру и изменилось через некоторое время в лучшую сторону, но без фанатизма. Наверное, этим и объясняется, что за всю войну я так и не сошелся близко ни с кем из эсэсовцев.

Подобно Судетской области, столица Чехословакии сдалась нам без кровопролития. Что удивительно, впоследствии я узнал, что у чехов была неплохо развита военная промышленность. Однако после происшедшего все их заводы, производившие оружие, перешли в руки немцев.

Мне до сих пор непонятен и удивителен тот факт, что чехи, обладавшие танками, артиллерией, противотанковыми орудиями и разнообразным стрелковым оружием, не оказали нам никакого сопротивления. В результате все их оружие также перешло к Вермахту. Впрочем, нас, солдат, подобный исход более чем устраивал. У нас ведь и потерь не было, и героями себя ощущали: как-никак даже без боя нам враг сдается.

В Праге я пробыл еще пять с половиной месяцев. Все это время я писал домой по несколько раз в неделю. Я очень скучал по своей семье и переживал, что первый год жизни моего сына не проходит у меня на глазах. Однако я утешал себя тем, что моя служба идет более чем спокойно. Прага в те дни была вполне приветливым для нас городом. А когда нас отпускали в увольнения, мы могли даже позволить себе пофлиртовать с прекрасными пражанками. Впрочем, я любил свою жену, и поэтому у меня лично дальше флирта дело не заходило. Но, так или иначе, я надеялся, что остальной срок моей службы пройдет столь же легко.

Надо сказать, для подобных надежд у меня были все основания. В мае 1939-го Гитлер подписал соглашение с Италией, в результате чего эта страна стала официальным союзником Германии. Немного позднее, 23 августа 1939 года, был заключен пакт о ненападении между Германией и Россией. Через несколько дней после этого я узнал, что наша дивизия

окажется в числе войск, которые войдут в Польшу. Это не вызвало у меня никаких опасений. Я был уверен, что там повторится то же самое, что было в Чехословакии. Единственным неудобством был приказ, запрещающий говорить кому бы то ни было о предстоящей операции.

Соответственно, мне очень сложно было написать последнее перед этой кампанией письмо домой. Я написал его в общих словах. Сказал, что служба моя идет так же хорошо, как и прежде, и что я очень скучаю по матери, Ингрид и нашему маленькому ребенку.

Ночью 1 сентября 1939 года я находился в грузовике, который ехал по территории Чехословакии, но неумолимо приближался к польской границе. До рассвета оставалось еще несколько часов.

Глава третья. Вторжение в Польшу

Сентябрь, 1939

Наша колонна стояла примерно в двадцати километрах от польской границы. Ровно в четыре часа утра мы начали двигаться в сторону Польши. Сидя в грузовике, мы шутили о том, насколько ретиво поляки будут салютовать и кричать: «Хайль Гитлер!» Но через некоторое время я заметил, что лицо сержанта Бергера (на этот раз он ехал вместе с нами в кузове грузовика) выглядит вовсе не столь беззаботным, как наше настроение. Это вселило в меня неприятные опасения. Через некоторое время мы услышали где-то в воздухе рев моторов.

– Это польские самолеты, – сухо пояснил сержант.

– А что, у них еще и самолеты есть? – удивился Антон, продолжая беззаботно улыбаться.

Михаэль был настроен столь же оптимистично. А мне как-то не по себе стало. Но тем не менее я себя в руках держать умел. А одного из наших снайперов вдруг паника охватила ни с того ни с сего. Он даже вскочил со своего места, потом снова сел. Я тогда подумал, что сержант Бергер сейчас на него заорет. Но это, естественно, ни к чему хорошему не привело бы. А сержант наш был стреляным воробьем, он сказал:

– Это хорошо, что хоть кого-то из вас охватывает страх. Страх поможет вам быть осторожными и сохранит вам жизнь, если все пойдет не так хорошо, как прежде. Только не забывайте, что трусы умирают первыми. Контролируйте свой страх.

Возможно, речь сержанта Бергера была и не столь пафосной, но общий смысл сказанного был именно таким, и я запомнил его слова именно так. И знаете, это очень помогло мне во всех последующих боях.

Тем не менее большинство из нас тогда не придавало значения словам сержанта. Мы ехали в Польшу, чтобы быть победителями. В грузовике снова раздавались шутки.

В 4.50 мы пересекли реку Одру, по которой проходила польская граница. Впереди нас шли танки, за нами тянулись другие дивизии. Конечно, из грузовика я не мог даже приблизительно оценить численность войск. Но рев моторов нашей техники был очень сильным, и у меня возникло ощущение, что против Польши брошены значительно более серьезные силы, чем при вторжении в Чехословакию.

Когда мы пересекали границу, я подумал о том, что сейчас поляки откроют огонь. Но этого не произошло. Они то ли не ждали нас, то ли не собирались сопротивляться...

Тишина, заглушаемая только ревом моторов, казалась бесконечной. Я не знаю, сколько это продолжалось. Возможно, час, а может быть, и два. Но затем вдруг где-то вдали раздалась орудийные залпы и выстрелы из стрелкового оружия.

– Поляки скоро вместо «Отче наш» будут повторять: «Хайль Гитлер!» – Антон запнулся, едва успев договорить свою шутку.

Грохот выстрелов и взрывов раздавался все ближе. Не успели мы опомниться, как сержант Бергер заорал приказ:

– Всем на выход! Открыть огонь по полякам!

Мы начали спешно выпрыгивать из грузовика. Рассвет только начинался. Но и в полусумраке я смог разглядеть поляков, которые вели огонь по нашей колонне. Они использовали как прикрытие неровности местности, деревья и несколько крестьянских домов, находившихся поблизости. Поляков было очень много, но, видимо, наше появление застало их врасплох, и поэтому они не успели даже вырыть окопы. У них только и было что несколько выкопанных наскоро пулеметных ячеек. Здесь надо сказать, что помимо стрелкового оружия у врагов были пулеметы и легкие противотанковые пушки. Но, что самое интересное, позади основных сил поляков я увидел множество людей на лошадях. Еще когда мы ехали

в грузовике, сержант говорил нам, что у поляков есть кавалерия, которая считается у них элитным родом войск.

Людей на лошадях было очень много. Возможно, целый кавалерийский полк. Но они в нерешительности стояли на месте и не спешили устремляться в атаку. Я думал об этом впоследствии: а что еще они могли сделать? Кидаться с саблями на танки было бы смешно. У нас, конечно, ходила такая байка, будто польские уланы пытались с саблями нашу бронетехнику атаковать. Но, мне кажется, это всего лишь байка, я сам ни разу такого не видел.

Тем не менее польская пехота вела по нам очень плотный огонь. Их пулеметы не замолкали, их пушки сумели подбить два или три наших танка.

Нам пришлось прятаться за нашей бронетехникой. Это спасло не всех. И уже раздавались крики раненых немецких бойцов. Естественно, появились и первые убитые. Я не думал об этом. Я даже забыл о том, что я снайпер. Я просто беспорядочно стрелял в сторону поляков. То же самое делали и остальные ребята из моего взвода.

Так продолжалось несколько минут, пока сержант Бергер не заорал на нас:

– Вы снайперы или кто? А ну-ка, уничтожьте польских пулеметчиков!

Услышав такой окрик, я сразу пришел в себя. Через несколько мгновений в перекрестье моего прицела появился человек, стрелявший по нам из пулемета. Я нажал на спусковой крючок. Сквозь оптический прицел я увидел, что к пораженному мной поляку подскочил еще один солдат, а другой поляк занял место павшего товарища, чтобы вместо него вести огонь из пулемета. Этого нельзя было допустить, и мне ничего не оставалось делать, как передернуть затвор и снова нажать на спусковой крючок. Так продолжалось еще несколько раз. У меня единственного во взводе был оптический прицел, позволявший убивать врагов на таком расстоянии в рассветных сумерках. Я впервые в жизни убивал живых людей. Но я не думал об этом. Следующей моей целью стали артиллеристы, которые стреляли из противотанкового орудия по нашей бронетехнике. Первому я попал точно в грудь, а потом убил и ранил еще нескольких из них. А еще через десять-пятнадцать минут бой затих. Наши танки сделали свое дело, они подошли вплотную к позициям врага, и поляки обратились в бегство.

– Мы победили! – кричали ребята из моего взвода.

А меня рвало, я думал о том, что впервые в жизни от моей руки погибли люди. Ко мне подошел сержант Бергер. Он сказал:

– Ладно, Гюнтер, ты должен был пройти через это. Двадцать лет назад меня тоже рвало, когда я впервые убил человека. Но ты спас своих товарищей. А это самое главное. Запомни: если ты пожалеешь врага, это может стоить жизни твоему другу или даже тебе самому. Ты ведь даже не за Гитлера здесь воюешь, не за Германию, а за своих друзей и за самого себя. – Последние слова сержант Бергер произнес шепотом, так что я был единственным, кто мог их услышать.

Знаете, я потом не раз думал об этом во время войны и после нее. Я уверен, что он был прав.

За время боя мои друзья Антон и Михаэль также сумели подстрелить нескольких поляков. Но они переживали это легче, тем более что они сумели убить все-таки меньше людей, чем я. А я один только убил пять или шесть человек, да и ранил, наверное, не меньше. На лицах Антона и Михаэля была растерянность, но не более того. В моем взводе все остались живы, но несколько из наших ребят были ранены. Вокруг них тут же засуетились медики.

– А вы поможете раненым полякам? – задал я наивный вопрос.

– Извини, парень, но твои поляки уж на твоей совести будут! Нам приказали помогать только немцам, – ухмыльнулся мне один из медиков. Видимо, он уже услышал, что я проявил особенную меткость в этом бою.

Меня снова затошнило, но я сдержался. Рядом со мной стоял Михаэль. Посмотрев на него, я понял, что его тоже покорили слова медика. Но Михаэль молчал.

Осмысливать происшедшее было некогда. Раздался приказ преследовать отступающих поляков. Мы устремились вперед, переступая через тела врагов, через трупы наших товарищей. Некоторые из поляков были еще живы и не прекращали стонать. Мы с Михаэлем едва не споткнулись о тело польского солдата, который истошно орал, оставшись без обеих ног.

– Ему никто не поможет, он будет долго мучиться, – тихо сказал Михаэль и направил на поляка свою винтовку.

После нескольких секунд колебаний Михаэль выстрелил. Меня снова затошнило. Но в той ситуации поступок Михаэля был действительно проявлением милосердия. Посмотрев на него, я увидел, что Михаэль весь трясется.

Наши танки гнали польскую кавалерию и остатки пехоты до самого пригорода Калица. При этом пулеметы танков не умолкали. Мы следовали за танками и тоже периодически делали выстрелы. Время от времени какой-нибудь отряд отступающих поляков занимал по пути более-менее удобные для обороны позиции, и тогда завязывался короткий бой. Но они были обречены. Они ничего не могли сделать против лавины наших танков. В результате весь наш путь к городу Калицу был усеян трупами лошадей и людей. На окраине мы получили приказ остановиться. Тут же я услышал рев самолетов. Наши бомбардировщики летели бомбить город.

Поговорив с нашим лейтенантом, сержант Бергер сказал нам:

– Мужики, теперь вы можете отдохнуть, пока наша авиация окончательно не уничтожит польскую артиллерию в северной части города. – Он улыбнулся: – Вы вполне заслужили хотя бы короткий отдых.

Мы все уселись прямо на траву. Однако наш сержант не хотел, чтобы у поляков был хоть малейший шанс застать нас врасплох. Поэтому четырех из нас он выставил в караул. Я оказался в числе этой четверки. Мы устроились за валуном на небольшом холме, находившемся рядом с местом, где расположился взвод. В бинокль мне был отлично виден пригород Калица. Я рассматривал одноэтажные дома, которые выглядели гораздо менее добротными, чем у нас в Германии. Что-то заставило меня подумать о собственном доме, о семье. Моему сыну шел уже второй год, а я даже не видел, как он делал первые шаги. Я вспомнил Ингрид. Я снова вспомнил слова матери о том, что я не должен быть излишне храбрым, должен беречь себя. Все это заставило меня отвлечься от мыслей и сосредоточиться на наблюдении. Это было самым правильным, если я хотел остаться целым.

Пригород Калица был безлюден. В небе над городом по-прежнему кружили самолеты, грохот взрывов не смолкал. Полякам, очевидно, было совсем не до того, чтобы атаковать нас. Я понял, что скоро мы начнем штурмовать город.

Однако, видимо, произошла какая-то заминка. Возможно, это было связано с вышедшими из строя танками. Впрочем, я могу лишь предполагать. Простых солдат не посвящали в подобные вещи. Но, так или иначе, сержант Бергер через некоторое время отдал нам приказ окапываться. При этом основная часть взвода рыла окопы, а четыре человека по-прежнему дежурили на случай атаки поляков. Те, кто работал лопатой, периодически менялись с теми, кто дежурил.

Когда все было готово, я разместился в одном окопе с Антоном и Михаэлем. Мы обсуждали подробности пережитого боя. Антон не переставал восхищаться тем, как быстро поляки отступают под натиском нашей техники. Нас с Михаэлем также устраивал подобный расклад, хотя наше настроение и не было столь беззаботным.

Через некоторое время Антон заговорил о том, какой я молодец, что уничтожил столько поляков.

– Я впервые в жизни убил живых людей, – только и смог ответить я на это.

– Надо к этому относиться легче, – сказал Михаэль, хотя по его лицу было видно, что он тоже относится к этому не слишком легко.

Антон начал горячо убеждать нас:

– Это же вражеские солдаты! Поляки хотели истребить всех немцев, которые жили в Польше. Мы просто опередили их.

После Чехословакии я уже не слишком доверял подобной пропаганде. Но я не стал переубеждать Антона. Во-первых, это было опасно, ведь меня мог услышать и кто-нибудь еще. Во-вторых, я знал, что моему товарищу будет, безусловно, легче, если он будет думать так, как он думает.

Через некоторое время сержант Бергер объявил нам, что полевые кухни отстали от войск и ужинать нам придется сухими пайками. Мы начали доставать их из своих рюкзаков. Наш сухой паек состоял из 750 граммов хлеба, 45 граммов масла или жиров, 120 граммов сосисок (сырых или консервированных), а также рыбных консервов, сыра и 200 граммов джема или искусственного меда. Кроме того, нам ежедневно выдавали по 7 сигарет или по 2 сигары и по одному небольшому пакетику леденцов.

Мы поужинали, запивая еду водой из полевых фляжек, которые висели у нас на поясе. Ночью меня не назначили в караул, но, когда объявили отбой, я думал, что все равно не смогу заснуть. Мне казалось, что у меня перед глазами без конца будут крутиться убитые мной поляки, а также вражеский солдат, оставшийся без ног, которого застрелил Михаэль. И действительно, я некоторое время думал обо всем этом. Но вскоре усталость взяла свое, и я уснул без снов. Замечу, на войне мне никогда не снились бои. Видимо, в человеческом мозге есть какой-то механизм, который в подобных ситуациях помогает человеку хотя бы во сне отдыхать от войны. Бои и смерти начали мне постоянно сниться только несколько лет спустя.

Утром нас разбудил голос сержанта Бергера.

– Подъем! – кричал он, переходя от окопа к окопу.

Когда я вылез из своей траншеи, то увидел, что к лагерю уже подъехал грузовик полевой кухни. На завтрак нам выдали картофель с овощами и сосиски, те же самые, как в сухом пайке, только горячие. Мы все сразу с радостью набросились на теплую еду. Помимо нее мы также получили по чашке горячего эрзацного кофе. А еще мы смогли наполнить водой наши опустевшие фляжки, и нам выдали сухие пайки на несколько последующих дней.

Пока мы завтракали, наша артиллерия, которую за ночь стянули к Калицу, начала артподготовку. Антон был весел. Он считал, что после вчерашней авиабомбардировки и сегодняшней артподготовки поляки сами побегут сдаваться к нам в плен.

– Да, так было бы лучше для них самих, – согласился с ним Михаэль.

Однако у меня самого на душе было вовсе не так спокойно. А что, если поляки решат продолжить сопротивление? Это означало, что нам придется вести бои в городе, где от противника нас будет отделять всего несколько домов, а возможно, еще и меньшее расстояние. В подобной ситуации снайпер рискует жизнью ничуть не меньше, а возможно, даже больше, чем обычный солдат. Тем не менее я собрал свою волю в кулак. А то, что я заранее был готов к худшему, сослужило мне хорошую службу во время последующего боя.

Перед началом атаки каждому из нас выдали по семь патронов. Все мы были поражены столь малым количеством. Я сам за прошлый день израсходовал более двадцати патронов, а ведь далеко не все мои товарищи тратили их столь же экономно. Впрочем, причин для беспокойства пока не было, у каждого из нас оставался еще определенный запас патронов, выданных нам перед началом операции. У меня самого вместе с семью новыми получалось в результате около сорока патронов.

Танковая дивизия объехала город с восточной стороны и исчезла за горизонтом, двигаясь в северо-западном направлении. Я понял, что входить в Калиц нам придется без поддержки танков. Что ж, я уже был готов к этому.

Мы продвигались, перебегая от здания к зданию. Поначалу мы вовсе не встречали противника на своем пути. Но через несколько минут, во время очередной остановки, я вдруг увидел винтовочные стволы, торчащие из окон дома, находившегося метрах в пятидесяти от нас. Я заорал:

– Ложись! – И спешно рухнул на землю.

Многие ребята из моего взвода тут же последовали моему примеру. Но некоторые продолжали двигаться вперед, указывая пальцами на меня, словно я был сумасшедшим. Через считанные секунды поляки обрушили на них буквально град пуль.

Враги стреляли из нескольких соседних домов. Выйдя из оцепенения, я открыл ответный огонь. Расстояние было очень небольшим, а поляки вовсе не ожидали, что им придется столкнуться со снайперами. Я просто наводил перекрестие своего оптического прицела на голову очередного врага и нажимал на спусковой крючок. Словно в кино, почти после каждого моего выстрела по поляку из окна выпадала его винтовка. Остальные ребята из моего взвода также начали стрелять по врагам. Еще через минуту нас поддержали огнем пулеметчики из соседнего взвода. Когда я израсходовал уже второй магазин, наконец появились наши минометчики. Мины, выпущенные из их 80-миллиметровых минометов, обрушились на здания, в которых засели поляки. Загрохотали взрывы.

В очередной раз сменив магазин, я позволил себе бегло оглядеться по сторонам. Я увидел, что среди моих товарищей уже появились убитые и раненые. Некоторые были ранены в живот, они корчились на земле и стонали. Но их стонов было неслышно за грохотом боя. Одному из наших пулеметчиков пуля вошла в горло прямо на моих глазах, когда он пытался вставить новую ленту в свой MG-34. Этот боец упал, хватая себя за горло и дергаясь в конвульсиях. Другой боец, находившийся рядом, лишь взглянул на него и, видимо, решив, что тут уже не поможешь, подполз к его пулемету, вставил ленту и открыл огонь по полякам.

Когда наши минометы практически разнесли на кирпичи и щепки здания, в которых прятались польские солдаты, интенсивность вражеского огня значительно ослабла. Я понимал, что имевшегося у меня количества патронов мне явно не хватит, если дальше все будет продолжаться в том же духе. Поэтому я решил рискнуть и подполз к нескольким из наших убитых, чтобы забрать оставшиеся у них патроны. В результате я изрядно пополнил свои запасы и даже поделился частью из них с Михаэлем.

Наш полк продолжал продвигаться в глубь города. Все чаще нам на пути попадались горящие и уже выгоревшие здания. Это было результатом бомбежки и утренней артподготовки. Улицы были окутаны дымом. Я кашлял от скопившейся в воздухе гари.

Большинство уцелевших домов стояло без крыш и без стекол в окнах. На развороченных бомбами и снарядами тротуарах валялось множество трупов. В основном это были поляки – как из военных, так и из гражданского населения. Большинство из них было убито осколками.

Мне на пути попалось то, что осталось от польского пулеметного гнезда. Там было месиво из тел двух или трех поляков. В их пулеметную ячейку угодила бомба или снаряд, и на месте ячейки осталась воронка.

Выстрелы и взрывы раздавались со всех сторон. Поляки отступали под нашим натиском. Но некоторые из них оставались на позициях, чтобы прикрывать отход товарищей. Тем не менее мы продолжали упорно продвигаться в глубь города.

По пути мы забежали в здания, чтобы осмотреть их и не дать возможности польским солдатам ударить по нам с тыла. В одном из домов я увидел двух испуганных женщин. Они были напуганы до того, что не могли даже плакать. А на плачущих женщин мы натыкались постоянно. Они словно ждали, что мы в любую секунду начнем их убивать или насиловать. Некоторые из них были с детьми, некоторые из них были ранены. А одна женщина даже

накинулась на нас с кулаками. Мы оттолкнули ее. Но никто из нас даже не ударил ее. Мы не были варварами, мы все были удручены увиденным.

Однако бой продолжался. И чтобы выжить, нельзя было брать в голову подобные вещи. Когда наш взвод продвинулся к центру Калица, мы услышали грохот тяжелых пулеметов.

Поляки хорошо укрепились в этой части города и продолжали держать здесь упорную оборону. Немецкие пехотинцы из других взводов, ища укрытия, начали занимать дома, окружавшие центральный район города. Я продвигался вперед, находясь рядом с Михаэлем, Антоном и сержантом Бергером. Когда мы достигли дома, который был уже занят нашими, я увидел немного впереди, в узком проходе между домами, лежавшие рядом трупы немецких солдат. Их было около десяти. Вероятно, их всех неожиданно накрыло пулеметным огнем.

Сержант Бергер приказал одному из наших стрелков подползти туда и разведать ситуацию.

– Там пулеметное гнездо. – Доклад стрелка подтвердил наши опасения.

– Как далеко? – уточнил сержант Бергер.

– Около двухсот метров.

Сержант перевел взгляд на меня и Антона.

– Разберитесь с этим, – приказал он.

Что ж, приказ есть приказ.

– Антон, за мной! – сказал я другу.

И мы поползли, держа перед собой свои карабины. Когда мы подобрались к трупам и увидели направленные прямо на нас стволы двух польских тяжелых пулеметов, мне стало по-настоящему страшно. Но я успокоил себя тем, что наша униформа ничуть не отличается от униформы убитых и это должно нас хоть как-то маскировать.

– Надо стрелять одновременно, – шепнул мне Антон.

– Хорошо, – ответил я, мгновенно оценив разумность его решения. – Я – в левого, ты – в правого.

Мы осторожно высунули стволы своих винтовок, установив их на трупы. Это был самый опасный момент. Если б поляки заметили блики от наших оптических прицелов, нам обоим был бы конец. Но, к счастью, этого не произошло. Мы с Антоном навели перекрестия прицелов на пулеметчиков.

– Раз, два, три! – мы оба одновременно нажали на спусковые крючки. Моя пуля вошла в верхнюю часть лба польского пулеметчика. Я целился на несколько сантиметров ниже, но не учел расстояние до цели. Тем не менее враг все равно был уничтожен. Выстрел Антона был не менее точным.

– Мы сделали это! – закричал он.

– Не отвлекайся! – заорал я, стреляя по другому польскому бойцу, который хотел подскочить к пулемету вместо павшего товарища. Следом прогремел выстрел Антона. Он промахнулся. Возможно, дело в том, что его оптический прицел был значительно хуже моего. Впрочем, оставшийся в живых поляк после этого не стал предпринимать попыток подползти к пулемету, а в панике побежал прочь. Антон настиг его следующим выстрелом.

Мы переглянулись. У нас обоих горели глаза и было полно адреналина в крови. Мы сумели ликвидировать опасность, исходившую от пулеметного гнезда.

– Следи за улицей! – бросил я Антону, а сам обернулся.

Сержант Бергер смотрел на нас из-за угла здания. Кивком я дал ему понять, что задание выполнено. Он кивнул мне в ответ, и наш взвод снова начал продвигаться вперед.

Когда сержант Бергер поравнялся с телами немецких солдат, убитых польскими пулеметчиками, он отломал половинки от их солдатских медальонов. (Немецкие солдатские медальоны состояли из двух половинок, одна из которых должна была оставаться на теле убитого, а другая забиралась для занесения бойца в списки погибших.)

– Придурки желторотые! Что ж они всем скопом, не глядя, поперли... Хотя бы матерей своих пожалели, – не сдержался сержант. Несмотря на грубые слова, было видно, что ему очень жалко убитых.

Но через миг его лицо снова было суровым и напряженным. Сержант Бергер достал бинокль и внимательно осмотрел простирившуюся перед нами улицу.

– Эти черти засели в тех двух соседних бетонных зданиях, – сказал он, продолжая наблюдение. – Их будет не так-то просто оттуда выкурить. У них есть пулеметы...

«Что же нам делать?» – вертелось у меня в голове. И тут я увидел офицера в чине капитана, направлявшегося прямо к нашему сержанту. Вместе с офицером было около восьми пехотных взводов. Он начал расспрашивать сержанта Бергера о ситуации на нашем участке.

Выслушав его доклад, капитан сказал:

– Сержант, вы хорошо поработали. А смогут ли ваши снайперы прикрыть нас, если мы попробуем взять эти бетонные здания?

– Да, капитан, – ответил Бергер.

– Отлично. Убивайте каждого поляка, который отважится высунуть хотя бы голову!

– Так точно. – На лице Бергера на мгновение проступила озабоченность.

А еще через мгновение он повернулся ко мне и к стоявшим рядом со мной Антону и Михаэлю:

– Ну что, ребята, покажем врагам, как умеют сражаться германцы?

– Мы сделаем все, что от нас зависит, – за всех ответил Антон, улыбнувшись.

И нам с Михаэлем вдруг передался его оптимизм. Наш взвод пополз вперед. В качестве прикрытия я решил использовать ту самую ячейку, которую вырыли польские пулеметчики. Михаэль и Антон устроились за углом дома неподалеку от меня.

Посмотрев через свой оптический прицел на окна бетонных домов, в которых засели поляки, я сразу увидел вражеского стрелка. Он целился из винтовки в одного из наших бойцов, подползавших к зданиям. Дорога была каждая доля секунды. Я навел на врага перекрестие оптического прицела и нажал на спусковой крючок. Теперь этот поляк больше не представлял опасности. Однако чем ближе немецкие взводы подбирались к бетонным зданиям, тем интенсивнее оттуда раздавались винтовочные выстрелы и пулеметные очереди. Я без устали выискивал новые цели и нажимал на спусковой крючок. То же самое делали и остальные снайперы.

Между тем взводы капитана продолжали штурм. И уже в здания полетели мины, выпущенные из их минометов. Из окон повалил дым. Через некоторое время я уже не мог найти себе цель в окнах домов. Видимо, бой завязался внутри зданий. Тем не менее мы должны были оставаться на своих местах и продолжать искать цели, а также быть готовыми к любому непредвиденному развитию событий.

На этот раз все закончилось благополучно. Минут через пятнадцать к нашему сержанту прибежал связной от капитана. Оба бетонных здания были благополучно взяты. Теперь мы могли занять в них позиции, в случае если бы поляки предприняли контратаку. Однако в этих зданиях оказалось не так много польских солдат, как ожидал капитан. Это означало, что основные бои за город у нас еще впереди. И до конца дня мы продолжали продвигаться вперед, точно так же прикрывая взводы капитана, которые штурмовали все новые и новые занятые поляками здания. При этом я панически боялся, что у меня закончатся патроны, и при каждой возможности забирал их из патронных сумок убитых.

Сержант Бергер внимательно наблюдал за каждым из нас. После взятия очередного здания он подошел ко мне и сказал:

– Ты хороший солдат, Гюнтер. Я первый раз вижу, чтобы молодой снайпер был таким метким. Я рад, что ты служишь под моим началом.

Подобная похвала, услышанная от сурового сержанта Бергера, могла вскружить мне голову. Однако судьбе было угодно остудить мой пыл и заставить вести себя осторожно и осмотрительно. А осторожность и осмотрительность, как известно, главные качества, которые позволяют выжить снайперу.

Это произошло во второй половине дня. Когда я просматривал окна очередного здания, занятого поляками, я вдруг увидел вражеского солдата со снайперской винтовкой. Это было для меня полнейшей неожиданностью. Я почему-то даже не думал о том, что у поляков тоже могут быть снайперы. Не успел я опомниться, как его пуля перебила ремень моего шлема, оцарапав мне щеку. Инстинктивно я рухнул на землю. Какое-то шестое чувство подсказало мне, что я должен изображать из себя убитого, иначе стану таким на самом деле. Я пролежал неподвижно несколько минут, которые показались мне бесконечными. За это время я вспомнил Ингрид, маму и своего маленького сына. Я вспомнил о том, что снайпер не должен делать больше одного выстрела с одной и той же позиции. Но ведь в тех боевых условиях соблюдать это правило было попросту невозможно. Я подумал о том, как много я еще не успел сделать в жизни. Я молил Бога, чтобы вражеский снайпер не решил на всякий случай выстрелить в меня еще раз.

Потом я услышал растерянный голос Михаэля:

– Гюнтер, ты живой?

Я осторожно приподнялся. Вскоре здание было взято, и я узнал, что польский снайпер убил двоих ребят из моего взвода. Нас охватила такая ярость, что нам хотелось самим расправиться с ним. Но в захваченном здании не удалось найти даже его снайперской винтовки. Возможно, польскому снайперу каким-то образом удалось сбежать. А может, он просто снял оптический прицел со своей винтовки, спрятал его и выдал себя за обычного солдата.

Так или иначе, я понял, что у противника тоже могут быть снайперы. Значит, если я хотел выжить, я должен был находить их первым и первым стрелять в них без промаха. Конечно, это проще сказать, чем сделать. Но я получил хороший урок.

К вечеру основные силы поляков, остававшиеся в центре города, были окружены. Они сдались. И их, разоруженных, вывели на южную окраину Калица. Остальные районы города к этому моменту были уже взяты. Таким образом Калиц был захвачен нашей дивизией.

Я наблюдал, как из города выходили беженцы, нагруженные своими скудными пожитками. Это были женщины с детьми и старики. Их было так много, что казалось, будто Калиц покидают сразу все его жители. Наше командование выставило посты на выходах из города. Бойцы, дежурившие на этих постах, должны были следить за тем, чтобы вместе с беженцами из города не сбежали польские солдаты, которым тем или иным образом удалось избежать сдачи в плен.

Между тем в город въехали грузовики полевых кухонь. У нас был просто роскошный ужин, состоявший из жареных колбасок и картофеля. А если учесть, насколько мы проголодались за день, можете представить, с какой жадностью каждый из нас набросился на еду.

На ночь наш взвод разместился в одном из больших бетонных зданий. Это был жилой дом, но к нашему приходу в нем не было ни одного из жильцов. Во всех комнатах валялись разбросанные вещи. Это явно говорило о том, что прежние обитатели собирались очень поспешно. Нам с Антоном и Михаэлем посчастливилось найти в нем буханку хлеба и половину головки сыра, а также бутылку вина. Мы неплохо отметили то, что все втроем остались живы после боев за Калиц. Я собирался написать письмо к Ингрид, но никак не мог решить, стоит ли ей рассказывать хотя бы в общих словах о том, как проходят бои. В конце концов я решил оставить написание письма на завтра и лечь спать. После прошлой ночи в окопе было так здорово лечь в обыкновенную мягкую постель. Мне снился родной дом, во сне я был счастлив.

На следующее утро мы снова получили завтрак на полевой кухне, и нам снова выдали всего по семь патронов. После этого вся наша дивизия снова заняла кузова грузовиков, и мы поехали на северо-восток. Нашим местом назначения был польский город Кутно. К этому моменту к нему уже было стянуто несколько других дивизий, и город был осажден.

Мы ехали в грузовике весь день. С самого начала пути Антон начал расхваливать мою меткость, которая позволила мне убить или серьезно ранить так много поляков. Остальные ребята смотрели на меня с восхищением и уважением. Возможно, вчера моя меткость спасла жизнь кому-то из них. Однако я сам, после того как меня чуть не убил польский снайпер, боялся, что излишнее восхищение и похвалы притупят мою бдительность. Поэтому в ответ на похвалы я говорил, что мои успехи во многом обусловлены хорошим оптическим прицелом и, возможно, элементарным везением.

– А ты молодец, не зазнаешься, – похлопал меня по плечу Михаэль.

Остальным ребятам, видимо, тоже понравилось, что я не выпячиваю свои достижения. Во всяком случае, было заметно, что все они относятся ко мне очень хорошо.

За время дороги некоторые из нас прислонялись к стенкам кузова, и благодаря этому бойцам удавалось в сидячем положении придремать на пару-тройку часов. Мне не хотелось спать. Но я тоже закрыл глаза и сделал вид, что дремлю.

Мне нужно было понять, что со мной произошло. Два дня назад меня рвало, после того как я впервые убил живых людей. Теперь же я смирился или почти смирился с тем, что мне придется делать это постоянно. Неужели человек может так измениться за каких-то два дня? Неужели я стал холодным, жестоким убийцей? Эти мысли не давали мне покоя. Но потом я вспомнил слова сержанта Бергера: «Если ты пожалеешь врага, это может стоить жизни твоему другу или даже тебе самому». За два прошедших дня я убедился, что это действительно так. И это, только это одно заставило меня смириться с тем, что я стреляю по живым людям. Я должен был убивать, чтобы спасти свою собственную жизнь и жизни других. Иного выбора у меня не было. Осознав это, я успокоился.

После того как стемнело, мы ехали еще около часа. Наконец наш грузовик остановился. Мы еще не достигли Кутно. Но командование решило, что нам следует выспаться перед завтрашними боями. Посреди дороги остановилась целая колонна наших грузовиков. Мы наскоро выкопали неглубокие окопы и спали в них.

Утром нас снова ждал горячий завтрак из все тех же сосисок. Нам снова выдали по семь патронов, пополнили наши сухие пайки, и мы поехали дальше.

Город Кутно являлся одним из основных объектов, которые требовалось захватить в ходе операции. Мы теперь находились всего в нескольких часах езды от него. По мере нашего приближения к городу до нас все отчетливее доносились звуки боя.

Когда нам оставалось еще около часа пути, мы услышали оглушительный грохот артиллерийских орудий. Он не смолкал до конца нашего пути и был столь интенсивным, что нам стало ясно: под город стянуты действительно огромные силы.

Наконец мы увидели и сами артиллерийские орудия. Это были немецкие 105-миллиметровые пушки. Их было больше сотни, и они безостановочно вели огонь.

Наш грузовик остановился возле расположения артиллеристов. По команде сержанта мы вылезли из кузова. Я сразу огляделся по сторонам. Между артиллерийскими частями и городом стояли две танковые и одна пехотная дивизии. Пехотная дивизия уже успела окопаться. Более того, можно было предположить, что они находились здесь уже достаточно долгое время, поскольку среди их окопов зияли воронки от снарядов. Конечно, они могли появиться и в результате недолета немецких снарядов. Но, скорее всего, это было работой польской артиллерии. На краю города виднелись сожженные танки. Около полутора десятков из них были немецкими, причем среди них были как легкие, так и средние танки. Однако большинство уничтоженной техники было польской. Рассматривая подбитые польские танки через

бинокль, я сбился со счета. Их было, наверное, около сотни. Причем среди них также были как легкие, так и средние танки. Впрочем, я был вообще удивлен, что у поляков есть бронетехника подобного рода.

Несколько офицеров из командования нашей дивизии на бронированном автомобиле выехали в штаб проведения операции. У нас было время, чтобы наскоро перекусить своими сухими пайками.

– Как думаете, сержант, нас сейчас бросят на штурм? – спросил я Бергера.

– А для чего еще бы нас сюда везли? – невесело усмехнулся он. – Но на этот раз у нас, по крайней мере, будет танковая поддержка.

Между тем я увидел в небе несколько немецких бомбардировщиков. Они несли на город свой смертоносный груз, и вскоре к разрывам снарядов присоединился оглушительный грохот взрывающихся бомб. Впрочем, на этот раз я уже не оболящался. Я знал, что поляки все равно не отдадут город без боя.

Примерно через полчаса бронированный автомобиль возвратился в нашу дивизию. Наши офицеры поспешили к командиру дивизии, чтобы получить приказы. Затем эти приказы были доведены до сержантов. И уже через десять минут сержант Бергер выстроил наш взвод.

– В городе укрепились польские пехотные части и артиллерия, – рассказал нам сержант. – Они окопались по всему городу, у них полно противотанковых орудий. Наши танкисты уже попытались взять Кутно, но были отброшены поляками. Теперь город попытаются взять силами пехоты. Вместе с нами пошлют несколько танковых взводов.

Мне в очередной раз стало не по себе. Впереди нас ждал бой, который окажется, возможно, еще более тяжелым, чем предыдущий. Я подумал о том, что мне самому довелось расти без отца. Неужели моего маленького сынишку Курта ждет такая же судьба? «Я не допущу этого, – сказал я себе. – Я сделаю все, чтобы враги не смогли убить меня. Я буду без жалости стрелять в любого из них, если это понадобится для того, чтобы выжить».

Между тем сержант Бергер объявил, что до начала атаки еще двадцать минут, но за это время мы должны продвинуться как можно ближе к городу, заняв места в окопах других немецких частей.

Артобстрел продолжался. Следуя за сержантом Бергером, я вместе с Антоном и Михаэлем подполз к траншее, которую занимали трое молодых солдат. Мы спустились к ним. Я оглядел ребят. Они были рядовыми немецкими пехотинцами, но все трое казались настолько юными, словно они только что окончили школу. Двое из них курили сигары, те самые, которые каждому из нас выдавали по две штуки в день.

Один из курильщиков, светловолосый и голубоглазый, посмотрев на нас, втянул в легкие слишком много дыма и закашлялся. Было видно, что он начал курить совсем недавно. Возможно, именно для того, чтобы казаться взрослее. Откашлявшись, он заговорил с нами:

– Ну что, ребята, готовитесь к первому бою?

– Нет, мы уже в двух боях побывали, – ответил Антон и гордо улыбнулся.

– Не может быть! Ну вы молодцы! – Все трое разом переглянулись. – А нас вот уже два дня держат здесь позади танков.

– Навоюетесь еще, – сказал им сержант Бергер.

– В нашем взводе уже есть убитые, – хмуро произнес Михаэль. – А нам самим просто повезло, что нас не зацепили польские пули.

– Повезло?! – недовольно воскликнул второй курильщик. – Немецкие солдаты могут обойтись и без везения. Наше вооружение во много раз превосходит польское. Видели бы вы, что здесь было вчера! Поляки подняли в воздух кучу своих самолетов. Но это были развалюхи времен Первой мировой. Прилетело всего несколько наших «Мессершмиттов», и польские самолеты в считанные минуты были разбиты в щепки!

Тут заговорил и третий молодой солдат:

– С танками произошло то же самое. Чтобы подбить один наш танк, полякам пришлось терять по десять своих!

Сержант Бергер окинул всю троицу неодобрительным взглядом:

– Безусловно, наша техника лучшая в мире, и, уж конечно, она превосходит польскую. Безусловно, за нами численное преимущество, и наши солдаты значительно лучше польских. Все это означает, что мы несомненно победим. Но не надо думать, что поляки сдадутся легко. Так было бы лучше для них самих, но они не понимают этого. Мы уже потеряли нескольких ребят. А те, кто недооценивает противника, как правило, одними из первых пополняют списки погибших.

После его слов повисло молчание. Наш сержант начал рассматривать в бинокль пригород Кутно. Между тем ребята начали нам рассказывать о том, что вчера их обстреливала польская артиллерия. У них был приказ оставаться на позициях. Но некоторые из солдат все равно выскочили из окопов и побежали. Именно их и настигла шрапнель.

– Тогда мы убедились, что оставаться в окопах действительно безопаснее, – подытожил парень, который заговорил с нами первым. – Впрочем, несколько снарядов угодило и прямо в окопы, – он указал рукой на воронки.

После этого он снова затянулся сигарой и снова начал кашлять.

– Но потом наша артиллерия и самолеты заставили заткнуться польских артиллеристов, – закончил он, откашлявшись.

Через несколько минут наша артиллерия смолкла, и мы услышали приказ идти в атаку. Несколько наших танков устремились вперед, и мы побежали следом за ними. Мы продвинулись в глубь города примерно на сотню метров, и поляки, прятаясь в пригородных зданиях, открыли по нам огонь. Несколько солдат, бежавших сразу следом за танками, тут же рухнули, срезанные пулеметной очередью. Поляки вели огонь из тяжелых пулеметов, винтовок и даже из артиллерийских орудий. Один из снарядов упал неподалеку от меня, и я увидел, как во все стороны полетели куски тел двух или трех солдат, которые находились рядом с местом падения снаряда.

Это все произошло так быстро, что никто из нас не успел опомниться. Мой инстинкт выживания заставил меня стремительно рухнуть на землю. Я увидел, что то же самое сделали еще несколько бойцов. Однако основная масса солдат продолжала бежать вперед. Я поспешил установить на позицию свою снайперскую винтовку и начал искать цель. В одном из окон я увидел тяжелый пулемет, из которого велся огонь по нашим ребятам. Я навел перекрестие своего прицела немного выше пулемета, именно там должен был находиться стрелявший. Я нажал на спусковой крючок. Мне показалось, что на некоторое время пулемет затих. Но через несколько секунд я увидел, что он снова стреляет. Возможно, я промахнулся, а возможно, пулеметчика подменил его товарищ. Так или иначе, я снова нажал на спусковой крючок. После этого пулемет затих навсегда. Глядя в оптический прицел, я продолжил выискивать польских пулеметчиков. В результате за несколько минут мне удалось заглушить еще два пулемета.

Между тем наши танки продолжали продвигаться в глубь города, стреляя по полякам из своих пушек и пулеметов. Стены некоторых польских домов рушились на глазах, когда в них попадали танковые снаряды. Впрочем, после работы нашей артиллерии и бомбардировщиков в городе и без того было полно разрушенных домов. Наши минометчики и пулеметчики, вооруженные MG-34, также беспрестанно вели огонь по врагу. От грохота боя можно было буквально оглохнуть.

Когда у меня заканчивался уже третий магазин патронов, я заметил, что вокруг меня огонь поляков стих. Я внимательно осмотрел через оптический прицел окна окружающих

домов, но не нашел ни одного польского солдата. Поняли это и другие бойцы, находившиеся неподалеку от меня. Они устремились дальше в глубь города, где по-прежнему раздавались выстрелы и взрывы. А я подполз к нескольким телам убитых немецких солдат, чтобы быстро пополнить свой запас патронов.

Когда я склонился над одним из павших, он, к моему удивлению, вдруг застонал:

– Помогите!

Рядом не было ни одного медика. Стонущий солдат был ранен в голову. Я не мог определить, насколько серьезна его рана. В любом случае мне следовало остановить кровотечение. Я достал медпакет из кармана раненого и перебинтовал ему голову. После этого мне ничего не оставалось делать, кроме как повесить свою винтовку себе на шею, а раненого взвалить на плечи и потащить к ближайшей траншее на выходе из города. Нести его было очень тяжело. Кроме того, я очень боялся, что споткнусь и поврежу при падении свой оптический прицел. И, конечно, в этой ситуации я уже не думал о том, чтобы искать какие-то укрытия по мере движения, а значит, был хорошей мишенью для польского снайпера, если бы таковой оказался поблизости.

Но все обошлось. Я дотащил раненого до первой траншеи. Там были медики. Они сразу засуетились вокруг него. А я устремился снова в глубь города, туда, где слышались звуки боя.

Я двигался короткими перебежками от здания к зданию. Осматриваясь по сторонам, я понял, что в Кутно было разрушено значительно больше домов, чем в Калице. По крайней мере, здесь, в пригороде, осталось очень мало уцелевших зданий. На улицах везде валялись осколки кирпичей, трупы лошадей, разбитые повозки и человеческие тела.

Мне нужно было найти мой взвод. Наконец я увидел трехэтажное здание, из окон второго этажа которого торчали стволы винтовок, стрелявших в сторону центра города. Я решил, что это немецкие солдаты стреляют по полякам. Впрочем, все могло быть совершенно иначе. Готовый ко всему, я осторожно подполз к входу в здание.

Над входом висела какая-то вывеска на польском языке. Дверь была закрыта. Сначала я хотел ее приоткрыть, но потом подумал, что за ней наверняка стоит часовая, который, даже если он немец, может выстрелить, испуганный неожиданностью моего появления.

– Здесь есть немцы? Я свой! – заорал я и тут же спрятался за угол рядом с дверью.

В этот момент мое сердце было готово выпрыгнуть из груди. Однако через несколько секунд я с облегчением услышал немецкую речь:

– Да, здесь солдаты Вермахта. Открой дверь и покажи себя!

За дверью я увидел немецкого солдата, стоявшего на вершине лестницы, шедшей прямо от входа и направлявшего на меня свою винтовку. Увидев мою униформу, он рассмеялся:

– А я уже боялся, что кто-нибудь из хитрых поляков научился нашему языку. Проходи наверх!

Поднявшись по ступеням, я увидел троих снайперов, засевших в комнате напротив окон. Все они были из какого-то другого взвода. Четвертый, который впустил меня, также был снайпером. Это было ясно, поскольку на его винтовке также был оптический прицел.

– Я потерял свою часть. – Я назвал номер взвода, роты, полка и дивизии. – Вы не знаете, где они? Боюсь, что меня обвинят в дезертирстве.

Произнеся эти слова, я подумал, что на самом деле могу оказаться в неприятной истории. Трое снайперов продолжали вести огонь из окон, не отвлекаясь на меня. Впустивший меня сначала пожал плечами, потом улыбнулся:

– Оставайся с нами до конца боя, мы подтвердим, что ты был с нами. – Он протянул мне руку: – Меня зовут Феликс.

– Гюнтер, – представился я.

Его рукопожатие оказалось довольно сильным.

Я направился к свободному окну, чтобы также открыть огонь по полякам. И в этот миг пуля вошла точно в глаз одному из сослуживцев Феликса.

– Твою мать! – Феликс тут же подскочил к нему и сразу понял, что здесь уже ничем не помочь. Остальные снайперы спешно повалились на пол. Никто из них не успел заметить польского снайпера, а значит, он мог перестрелять их всех, пока они искали бы его.

– Нам нужно сменить позицию, иначе мы все будем покойниками, – сказал я.

Остальные согласились со мной. Феликс отломал половинку солдатского медальона убитого. Я потянулся к его патронной сумке, но тут же уловил неодобрительные взгляды остальных.

– Нам выдают всего по семь патронов в день. Я должен как-то пополнять свои запасы. Но на этот раз я, наверное, зря... – произнес я, смутившись.

– Нет, все правильно, – сказал Феликс. – Убитому патроны больше не пригодятся, а мы без них пропадем.

Я разделил поровну патроны погибшего снайпера. При этом я невольно периодически поглядывал на его залитое кровью лицо с зияющей дырой на месте левого глаза. Я сам в любой момент мог повторить такую же незавидную судьбу. Наверное, о том же подумали и другие снайперы. Во всяком случае, с одним из них случилась истерика. Он дрожал, забившись в угол комнаты. Феликс подполз к нему и отхлестал по щекам. После этого парень вроде как пришел в себя. И мы все вместе осторожно покинули здание.

Используя в качестве прикрытий здания и руины домов, встречавшиеся нам на пути, мы двигались в северо-восточном направлении, приближаясь к центру города. Через пару улиц мы увидели немецкий взвод, занявший позиции позади зарослей декоративного кустарника. Ребята наблюдали за польским танком, который двигался по направлению к ним. Рядом с танком бежали несколько польских пехотинцев. Враги, вероятно, не заметили немецкий взвод, прятаящийся за кустарником, и поэтому никто из них не открывал огонь.

В руках одного из бойцов немецкого взвода я увидел массивное противотанковое ружье. Он прицелился в танк и выстрелил. Раздался такой грохот, словно от одновременного выстрела из пяти обыкновенных винтовок. Через свой оптический прицел я увидел, как в лобовой броне танка возникла дыра.

Поляки тут же открыли огонь. Затарахтел танковый пулемет. Действуя автоматически, я навел свой прицел на смотровую щель пулеметчика и нажал на спусковой крючок. В первый раз я промахнулся. Моя пуля, видимо, отрикошетила от брони. Я выстрелил снова, снова. После моего третьего выстрела танковый пулемет замолк.

Между тем другие снайперы и ребята из пехотного взвода уже уничтожили часть поляков, сопровождавших танк. Остальные вражеские пехотинцы спрятались за танком и продолжали вести огонь по нам. Я не знаю, почему молчала танковая пушка. Возможно, выстрел из противотанкового ружья уничтожил именно того, кто должен был стрелять из нее. Возможно, польский танк был не совсем исправен.

Я решил попытаться попасть в польских солдат, прятаящихся за танком. Но тут один из наших бойцов выбежал из-за укрытия и швырнул в танк гранату. Он выскочил так неожиданно, что поляки не успели сообразить, и он благополучно прыгнул обратно в укрытие.

– Ложись! – заорал сержант, командовавший пехотным взводом.

Мы все вжались в землю. И в ту же секунду прогремел взрыв. Танк загорелся, и через несколько секунд прогремел еще один взрыв, гораздо более мощный. Видимо, взорвался боекомплект танка.

Было очевидно, что все, кто находился внутри танка, погибли. Та же судьба постигла большинство поляков, прятаящихся за танком. Однако двое или трое из них были ранены.

Один из них потянулся к своей винтовке. Наши пехотинцы, разгоряченные боем, тут же перестреляли их всех.

Оторвав глаз от прицела, я посмотрел вокруг себя и увидел солдата, который стрелял из противотанкового ружья. Он был мертв. Вся его грудь была изрешечена пулями. Это явно было работой танкового пулемета. Я подошел ближе и увидел, что лицо убитого залито кровью. Она, вероятно, хлынула у него изо рта, перед тем как он умер.

Сержант, командовавший взводом, подошел к убитому и отломал половинку его солдатского медальона. Еще один солдат, возможно, друг погибшего, подошел к нему и наскоро пробормотал заупокойную молитву. Больше никому не было дела до убитого. Тогда к нему подошли Феликс и двое других снайперов.

– Может, нам стоит взять его противотанковое ружье? – предложил я.

Феликс поднял с земли ружье погибшего солдата и хмыкнул:

– Ого, сколько весит! Здоровое, как пушка!

Я взял противотанковое ружье у него из рук и осмотрел.

– Калибр ствола – те же восемь миллиметров, что и в наших винтовках, – удивился я. – Почему оно бьет так мощно, что прошибает броню?

Феликс к этому моменту уже вертел в руках огромный патрон для противотанкового ружья.

– Посмотри, – сказал мне он. – Калибр здесь тот же, что и в винтовке, но пуля гораздо массивнее и пороха больше в несколько раз.

Между тем снайпер, у которого сдали нервы, когда мы были в доме, рассматривал убитого и снова нервно трясся.

– Что ты, как баба, дрожишь? – заорал я, чтобы отрезвить его.

– Неужели вокруг нас теперь постоянно будут убитые? – глухо сказал он.

– К этому быстро привыкаешь, – ответил я нарочито бодро.

В голове мелькнуло: «Неужели я сам уже привык?»

Противотанковое ружье в самом деле оказалось очень тяжелым, но я взял его с собой, равно как патроны к нему. Их у убитого оставалось целых девятнадцать. Он успел сделать всего один выстрел.

Вслед за пехотой мы продолжали продвигаться от дома к дому. Свой карабин K98k я держал в руках, а противотанковое ружье висело у меня на плече. Оно создавало массу неудобств при передвижении, но я рассчитывал, что это ружье еще сослужит мне хорошую службу. Забегая вперед, скажу, что в принципе так и случилось, но всего один раз, а натягался я с ним будь здоров...

Вскоре мы приблизились к массивному кирпичному трехэтажному зданию. Судя по внешнему виду, в нем прежде размещалась школа. Однако теперь оно было полно польских солдат, которые вели огонь из окон первого и второго этажей. Крыша и третий этаж здания были практически полностью разрушены снарядами и бомбами, все стекла в нем были выбиты, но, несмотря на это, оно выглядело достаточно крепким.

Впрочем, я не мог рассмотреть его слишком хорошо. Я занял позицию на расстоянии около трехсот метров от него. А дома, находившиеся рядом с этим трехэтажным зданием, были охвачены пожаром, и из-за дыма было тяжело что-либо разглядеть.

Немецкие пулеметчики работали по зданию очень плотно. После их очередей от стен школы то и дело откалывались кирпичи. Однако каждые несколько минут кто-нибудь из наших пулеметчиков оказывался убитым. Мне стало понятно, что у поляков есть снайпер.

Я сказал об этом Феликсу. И мы все вчетвером начали рассматривать окна школы через свои оптические прицелы в поисках позиции снайпера. Сквозь дым было очень плохо видно, но я заметил, что в одном из окон разрушенного третьего этажа периодически мелькает

вспышка на конце винтовочного ствола и почти одновременно с этой вспышкой замолкает какой-нибудь из немецких пулеметов. Конечно, именно там и прятался вражеский снайпер. Он был так уверен в своей безопасности, что не трудился даже менять позицию. Я шепнул Феликсу:

– Снайпер на третьем этаже среди руин. Видишь вспышки на конце ствола? Давай выстрелим разом, чтобы наверняка!

И через несколько секунд мы одновременно нажали на спусковой крючок. После этого польский снайпер замолк. Наверное, мы убили или сильно ранили его.

Я стал выискивать новую цель и увидел в одном из окон вспышки, периодически возникавшие на конце ствола пулемета. Пулеметчики были не видны мне, и я сделал несколько выстрелов, ориентируясь на вспышки. Это не принесло никакого результата. Наверное, пулемет был установлен под углом к оконному проему, и пулеметчики находились где-то сбоку. Я сделал несколько выстрелов, целясь немного левее и немного правее вспышек на конце пулеметного ствола. Однако результат по-прежнему был нулевым. Я не понимал, как такое могло произойти. И вдруг при очередном порыве ветра дым напротив этого окна на несколько мгновений рассеялся, и я увидел, что пулемет на самом деле установлен под углом к оконному проему, а пулеметчики устроились за кучей мешков, которые, вероятно, были наполнены песком. Что ж, в этом случае было вполне естественно, что мои пули застревали в этих мешках, не причиняя вреда полякам.

Я быстро отложил свою снайперскую винтовку и взял в руки противотанковое ружье. На нем не было оптического прицела, и я был вовсе не уверен, что попаду из него с такого расстояния. Тем не менее следовало попытаться. Я тщательно прицелился в то место, где за мешками с песком должен был находиться пулеметчик, и нажал на спусковой крючок. Меня словно ударило лошадиным копытом по плечу, столь сильная отдача была у противотанкового ружья. В моих ушах звенело. Однако вражеский пулемет затих, и это было самым главным.

Я продолжал выискивать цели в окнах, то же самое делали и другие снайперы. Простые пехотинцы и пулеметчики также не переставали вести огонь по школе. И вскоре я понял, что в окнах обращенной к нам стороны здания не осталось ни одного поляка.

Я ожидал, что наша пехота начнет штурм здания. Но этого не произошло. Прождав несколько минут, я решил выяснить, что происходит. Я обернулся к Феликсу:

– Феликс, вы с ребятами можете прикрыть меня, пока я подскочу к дому напротив школы, где расположились наши? Они почему-то не начинают штурм, нужно выяснить, что там творится.

– Давай! Мы прикроем, – согласился Феликс.

Я оставил ему свое противотанковое ружье и побежал к двухэтажке, стоявшей в ста метрах от нас прямо напротив школы.

– Не стреляйте, я свой! – закричал я, вбегая в подъезд.

– Заходи, раз свой, – услышал я веселый голос из квартиры на первом этаже.

Оказавшись там, я увидел пятерых стрелков и двоих пулеметчиков.

– Нужно штурмовать здание, пока к полякам не подошло подкрепление, – выпалил я. – Здесь есть еще бойцы, кроме вас?

– Наш сержант в соседнем здании, – ответили мне. – Также поблизости находится еще несколько взводов.

Вместе с одним из солдат я сразу рванул в соседнее здание, в подъезде которого я в спешке едва не налетел на сержанта.

Это был мужчина лет сорока с наружностью бывалого и рассудительного немецкого военного. Я сразу объяснил ему, что я снайпер и что вместе с другими снайперами мы одно-

значно убедились в том, что с внешней стороны здания школы не осталось поляков, обороняющих его.

– Сейчас самое время для штурма, – настаивал я.

– Подожди, – ответил мне сержант. – Я не могу бросить туда своих ребят без приказа сверху. Возможно, нам удастся поговорить с капитаном Бидембахом...

Услышав эти слова, я стушевался. Я сам был всего лишь ефрейтором, а капитан должен был командовать целой ротой. И я замямлил:

– Что ж, думаю, капитан разберется и без нас. Пожалуй, не стоит его беспокоить, – я развернулся к выходу.

– Подожди, паренек! – остановил меня сержант. – Мне кажется, что ты сказал дельную вещь. Но это действительно нужно обсудить с капитаном.

Вместе с сержантом мы вышли через заднюю дверь дома и устремились к стоявшей через несколько домов позади нас большой группе солдат. Сержант подвел меня к одному из военных, который был одет точно в такую же униформу, что и другие солдаты, но на нем были капитанские знаки различия.

– Что случилось, сержант? – спросил капитан, глядя на моего спутника.

– Я привел к вам снайпера из другой части. Он утверждает, что с этой стороны здания школы не осталось поляков. А значит, мы сможем взять его штурмом.

Капитан окинул меня оценивающим взглядом.

– Как тебя зовут, ефрейтор? – спросил он.

Я вытянулся, как и полагалось перед офицером, однако не салютовал при этом, как было положено в Вермахте.

– Ефрейтор Гюнтер Бауэр, господин капитан.

– Почему ты не салютовал мне, как положено, ефрейтор Бауэр?

– Мне не хотелось, чтобы вражеские снайперы, если они есть поблизости, могли понять, что вы офицер, господин капитан, – отчеканил я.

Капитан Бидембах нервно посмотрел по сторонам, но потом улыбнулся:

– Все в порядке. Ты поступил правильно, ефрейтор. – Он бросил взгляд на мою винтовку с оптическим прицелом: – Ты действительно снайпер?

– Так точно, господин капитан.

– Что ж, подойдем ближе и посмотрим вместе на эту чертову школу! – Капитан в сопровождении солдат зашагал вперед.

Не успели мы сделать нескольких шагов, как по нам открыл огонь пулеметчик, находившийся на верхнем этаже здания, расположенного примерно в двухстах метрах от нас. Через несколько секунд четверо солдат из сопровождения капитана рухнули на землю и заорали от боли. Они были ранены. Все остальные, включая капитана, тут же повалились на землю, чтобы не стать слишком легкой мишенью для вражеского пулеметчика. А я сразу установил свою винтовку на огневую позицию и навел перекрестие прицела на польского пулеметчика. Не прошло и минуты, как мои пули уничтожили и пулеметчика, стрелявшего по нам, и его напарника.

– Молодец, ефрейтор Бауэр, – капитан Бидембах похлопал меня по плечу.

– Спасибо за похвалу, господин капитан, – ответил я, продолжая настороженно смотреть по сторонам. Мне было окончательно ясно, что нельзя расслабляться.

Тем временем капитан посмотрел на нашивки на моей униформе. По ним было видно, из какой я дивизии.

– Твоя дивизия участвовала в тяжелых боях при взятии Калица? – спросил он меня.

– Так точно, господин капитан.

– Сколько поляков ты уже уничтожил?

Я растерялся. Я сам старался меньше думать о том, сколько людей я убил. Но тем не менее я знал примерную цифру.

– Около тридцати, господин капитан.

Остальные солдаты, стоявшие рядом, посмотрели на меня скептически. Однако во взгляде капитана Бидембаха не было сомнений.

– Ты должен оставаться около меня. Это приказ, ефрейтор Бауэр! – сказал он.

– Есть, господин капитан, – ответил я.

Вскоре мы достигли дома, находившегося прямо напротив школы. Однако теперь в здании школы снова были пулеметчики и польские стрелки, которые стреляли в нашу сторону.

– Проклятие, нам нужно снова очищать здание от них! – вырвалось у меня.

– Успокойся, ефрейтор, – капитан в очередной раз похлопал меня по плечу. – У меня есть другой план.

Он повернулся к лейтенанту, который сопровождал его:

– Возьми три взвода и обыщи окрестности. Нужно найти как можно больше польских противотанковых орудий и боеприпасов к ним. Все это следует стянуть сюда, – капитан указал на площадку позади дома, в котором мы находились. – Как только это будет сделано, доложишь мне!

– Есть, господин капитан. – Лейтенант спешно вышел из дома в сопровождении двоих солдат.

Капитан Бидембах повернулся ко мне:

– Ефрейтор Бауэр, ты видишь, насколько старо здание школы?

– Да, господин капитан, – ответил я.

– А что ты делал, до того как был призван?

Этот вопрос показался мне неожиданным, и я выпалил:

– Я работал в булочной у моей матери, господин капитан.

Возможно, об этом следовало сказать немного иначе. Во всяком случае, после того как я произнес эту фразу, несколько бойцов так и прыснули со смеху. И даже сам капитан Бидембах не сдержал улыбки.

– А я вот до армии был архитектором, – сказал он. – И я знаю такой тип зданий. На первый взгляд они кажутся очень прочными, но в них все держится на кирпичных стенах коробки. И если мы обрушим хотя бы одну стену, все здание мигом превратится в руины.

Он подошел к деревянному столу, стоявшему на кухне квартиры, в которой мы находились. Достав свой штык-нож, капитан Бидембах прямо на столе нацарапал прямоугольник.

– Вот здесь здание школы, а мы здесь, – он нацарапал другой прямоугольник, обозначающий дом, в котором мы находились. – Мне нужно, чтобы ты, ефрейтор Бауэр, и еще несколько снайперов разместились здесь и здесь, – капитан нацарапал еще два квадрата, обозначающих соседние здания. – Вы сможете поразить поляков отсюда?

– Так точно, господин капитан, – ответил я.

Расстояние от выбранных капитаном зданий до школы было чуть более двухсот метров, и я мог быть уверен, что с такого расстояния не только я, но и другие снайперы вряд ли будут промахиваться.

– Сержант, приведите сюда десять лучших снайперов, – скомандовал капитан. После этого он повернулся ко мне: – Ты назначаешься старшим и отвечаешь за работу снайперов во время штурма.

Сержант вернулся вместе со снайперами примерно через десять минут. К моей радости, среди них оказался и Феликс. Он тут же вручил мне противотанковое ружье, которое я оставил у него.

– Ну что, теперь ты наш командир? – Феликс смотрел на меня с удивлением и восхищением.

Впрочем, мне самому было не слишком комфортно. Я очень боялся, что малейшая моя оплошность приведет к гибели кого-нибудь из снайперов. Я объяснил им, как и где разместиться в двух зданиях неподалеку от школы. Поскольку капитан выбрал два здания, то мы должны были разбиться на две группы. Одну из них возглавил я сам, а руководство второй поручил Феликсу. За наше короткое знакомство с ним я успел убедиться, что он вполне подходит для этой роли.

Прежде чем мы заняли предназначенные для нас здания, я успел увидеть, как пехотинцы притащили на место назначения три польских противотанковых орудия. Мне показалось, что они очень походят на немецкие 37-миллиметровые орудия, которые использовал Вермахт.

Вскоре ко мне подошел сержант.

– Капитан приказал, чтобы снайперы начали уничтожать защитников школы, – сказал он.

– Так точно, сержант, – ответил я.

Прошло всего несколько минут, и мы заняли здания, выбранные капитаном.

– Мужики, убивайте каждого поляка, которого увидите в окне школы, но прежде всего пулеметчиков и снайперов, если они там будут, – скомандовал я.

После этого я прильнул к своему оптическому прицелу. Я уничтожил двоих вражеских пулеметчиков и с удовлетворением отметил, что остальные снайперы так же хорошо выполнили свою работу. Более того, один из польских стрелков прямо на моих глазах был поражен двумя снайперами одновременно.

Защитников школы оставалось все меньше. Между тем я увидел, что наши солдаты уже установили захваченные польские орудия как раз напротив здания школы. Они открыли огонь по кирпичной стене. Число поляков, которые вели ответный огонь из окон, несколько увеличилось. Но я и другие снайперы тут же заставили замолкнуть большинство из них. А орудия продолжали стрелять по школе. И уже школа была окутана белым дымом. Орудия вели огонь преимущественно по первому этажу, и примерно после их тридцатого залпа вся западная стена здания, стоявшая напротив нас, вдруг вздрогнула и обвалилась. Следом за этим начала рушиться и южная стена.

– Это невероятно! – воскликнул я.

– А я всегда знал, что наш капитан очень умен, – сказал мне один из снайперов.

– Главное, что он бережет своих людей, – сказал я.

И тут мы увидели белый флаг, развевавшийся в окне с северной стороны школы.

Из здания с поднятыми руками вышло несколько польских солдат. Они сдавались. Примерно через три часа был взят весь город Кутно.

Вскоре после этого мне сообщили расположение моего взвода, и я смог вернуться туда. Сержант уже был осведомлен о том, что я не дезертировал, а сражался вместе с другой частью. Поэтому у меня не возникло никаких проблем.

– Что с тобой случилось, Гюнтер? – спросил меня Антон, который ничего не знал о том, где я был во время штурма города.

Я коротко рассказал ему о том, как я тащил раненого, как не смог найти свою часть, и о том, как мы штурмовали школу. К нам подошел Михаэль. Вдвоем с Антоном они рассказали мне о том, как сами штурмовали здания, и о том, что еще несколько ребят из нашего взвода погибли. Мне было жалко этих ребят, но, так или иначе, я был ужасно рад, что Михаэль и Антон остались целы и невредимы.

Мы продолжали обсуждать бой за город. Неожиданно нас перебил сержант Бергер. Он окликнул меня:

– Ефрейтор Бауэр!

– Я слушаю вас, сержант.

– Гюнтер, тебя забирают в другую дивизию, – сказал он.

– Что? – переспросил я, не осознав сразу смысл его слов.

– Вот приказ о твоём перемещении в 3-ю пехотную дивизию, – сержант протянул мне желтый листок бумаги.

Мне было тяжело прощаться с Антоном, Михаэлем и сержантом Бергером. Тем не менее я должен был спешить в новую дивизию и доложить о своём прибытии самому командиру роты. Как и следовало ожидать, им оказался капитан Бидембах.

Я по всей форме салютовал ему:

– Ефрейтор Бауэр в ваше распоряжение прибыл.

– Вольно, ефрейтор, – ответил он. – Извини, если это перемещение было слишком неожиданным для тебя. Но я не мог допустить, чтобы столь талантливый снайпер был под началом другого командира. Даю слово, Гюнтер, ты об этом не пожалеешь!

– Спасибо за доверие, господин капитан, – ответил я, пораженный тем, что офицер назвал меня по имени.

Обычно офицеры называли рядовых, ефрейторов и даже сержантов только по фамилии. Они относились к нам почти как к рабам. Однако капитан Бидембах был явно не из таких командиров.

– Чтобы оправдать твоё перемещение, мне пришлось доложить полковнику о том, что ты крайне способный снайпер, – улыбнулся капитан. – Он захотел, чтобы завтра утром ты лично явился к нему.

Я окончательно смутился от подобного внимания к моей персоне. Наверное, моя растерянность была написана у меня на лице.

Капитан Бидембах привычным жестом похлопал меня по плечу:

– Не переживай, Гюнтер, в этом нет ничего особенного. Наш полковник старается знать в лицо своих лучших бойцов. А если ты продолжишь воевать так же, как в сегодняшнем бою, думаю, тебе ещё не раз придется показываться ему на глаза.

– Я постараюсь воевать не хуже, господин капитан, – ответил я, так до конца и не придя в себя от смущения.

– Хорошо, Гюнтер. Теперь иди в свой новый взвод, ты заслужил отдых.

Я доложил о своём прибытии сержанту, командовавшему взводом. Среди своих новых сослуживцев я увидел нескольких ребят, которыми я командовал в ходе взятия польской школы. Мне стало неловко перед ними. Большинство из них, как и я, были ефрейторами. В бою же, как правило, командовать бойцами одного ранга с ним мог только тот, кто значительно старше их по возрасту. Однако я был, наверное, самым молодым из моих новых товарищей.

Я сразу начал извиняться перед ними, что обстоятельства сложились так, что мне пришлось быть их командиром.

– Ерунда, не извиняйся за это! – сказал один из них. – Ты был хорошим командиром. Под твоим началом никто из нас не погиб и даже не был ранен. К тому же ты сам стреляешь очень метко. Мы рады тому, что теперь ты в нашем взводе, Гюнтер!

После этого говоривший посмотрел на противотанковое ружье у меня на плече и спросил:

– А это что за пушка?

– Противотанковое ружье, – ответил я, снимая его с плеча и протягивая спросившему.

– Массивная штука! – сказал он.

Другой снайпер также подержал ружье в руках и воскликнул:

– Да эта штука весит килограммов пятнадцать!

– Зато она пробивает даже танковую броню, – вставил я.

– А ты что, собрался уничтожать танки? – еще один снайпер рассмеялся.

– Нет, но с помощью этого ружья я уничтожил польского пулеметчика, который укрывался за мешком с песком.

– Ладно, у каждого свои причуды, – махнул рукой снайпер, назвавший меня хорошим командиром.

– Ты уже слышал о французах и англичанах? – спросил меня еще один из новых сослуживцев.

– Нет. А что с французами и англичанами? – удивился я.

– И те и другие объявили нам войну.

– Мать твою! – вырвалось у меня.

Мне стало понятно, что на Польской кампании война для меня не закончится, если, конечно, я не позволю убить себя раньше времени. С этими невеселыми мыслями я вскоре заснул.

Глава четвертая. Я становлюсь учеником профессионального снайпера

5 сентября силы Вермахта большую часть дня были заняты перегруппировкой. Группе армий «Юг», состоявшей из трех полноценных армий, в которые входило около миллиона людей, требовалось еще некоторое время, чтобы выполнить задачи, возложенные на нее на данном этапе, и овладеть городами Лодзь, Озоров, Радомско и Бжезины.

Я был рад передышке. Сразу после завтрака я начал чистить свой карабин и противотанковое ружье. При этом я был доволен тем, что мне удалось получить утром не только семь патронов для моего карабина, но и еще семь патронов для моего противотанкового ружья. Это дало мне возможность попрактиковаться с ружьем. Я даже попытался приладить к нему мой старый 2,5-кратный оптический прицел. Но это мне не удалось.

Около 11 часов меня вызвали в палатку, в которой располагался штаб нашего командира полка полковника Хользварта. Когда я вошел, он сидел за дубовым столом и смотрел на разложенные перед ним карты.

– Ефрейтор Бауэр по вашему приказанию прибыл, господин полковник, – отрапортовал я и по всей положенной форме салютовал и щелкнул каблуками.

– Вольно, ефрейтор, – полковник улыбнулся. – Могу я увидеть твои бумаги?

Меня поразило радушное выражение его лица. Все-таки он был офицером такого ранга, а я всего лишь ефрейтором. Я спешно протянул полковнику свою личную солдатскую книжку.

Просмотрев ее, он сказал:

– Я вижу, ты окончил снайперскую школу в Берлине.

– Так точно, господин полковник, – ответил я.

– Что ж, некоторые старые военные относятся к снайперам предвзято. Но я знаю истинную цену подобным бойцам. Поэтому в моем полку есть несколько взводов, состоящих из одних снайперов, в том числе и твой взвод.

В этот момент в палатку вошел сержант с черным от копоти лицом. На вид ему было лет сорок. Он салютовал полковнику и вытянулся по стойке «смирно».

– Вольно, сержант Зоммер, – сказал полковник Хользварт. – У меня для вас хорошая новость. Кажется, я нашел вам подходящего ученика.

– Да, полковник, это действительно хорошая новость, – ответил сержант.

– Посмотрите, прямо перед вами ефрейтор Гюнтер Бауэр, – улыбнулся полковник. – На его счету уже тридцать неподтвержденных уничтоженных противников.

– Да, это действительно много, учитывая, что война началась всего несколько дней назад. – Сержант Зоммер посмотрел на меня изучающим взглядом. – У него уже был какой-то предшествующий опыт?

– Нет, он был призван два года назад и окончил снайперскую школу в Берлине, – ответил полковник.

– Что ж, тогда у него действительно талант, – сказал сержант.

Полковник посмотрел на меня и пояснил:

– Перед тобой сержант Ганс Зоммер. Он был снайпером еще в Первую мировую. На его счету более трехсот подтвержденных попаданий. Хотя на самом деле, конечно, он уничтожил гораздо большее количество противников.

Эти слова привели меня в шок. Передо мной был профессиональный снайпер, профессиональный убийца. А ведь я сам уже убил около тридцати, а возможно, и намного больше живых людей, пусть они и были солдатами противника. Кем я стану, после того как начну

учиться у этого сержанта Зоммера? Меня отрезвила мысль, что это поможет мне вернуться целым и невредимым к Ингрид и своему маленькому Курту. Тем не менее я молчал.

– Он не слишком разговорчив, мне это нравится, – сказал сержант Зоммер полковнику, продолжая смотреть на меня. – Но надо еще посмотреть, действительно ли он стреляет настолько хорошо...

– Вы правы, сержант, – согласился полковник Хользварт. – Отдаю ефрейтора Бауэра вам в подчинение. Вы оба можете идти.

Я вышел из палатки полковника следом за сержантом Зоммером.

– С каких расстояний ты привык стрелять? – спросил меня сержант по пути к краю лагеря.

– С двухсот-четырехсот метров. Но пару раз я попадал и с пятисот-шестисот.

– С пятисот-шестисот? – переспросил сержант. – Покажи мне свою винтовку.

Я передал оружие ему в руки. Сержанту хватило беглого взгляда на мой прицел, чтобы сказать:

– Да, с таким прицелом это возможно. Я буду рад, если ты на самом деле такой меткий стрелок.

Когда мы отошли примерно на сто шагов от крайней траншеи, сержант приказал мне оставаться на месте, а сам зашагал дальше. На расстоянии примерно трехсот метров от меня он остановился, достал из рюкзака деревянный колышек длиной около сорока сантиметров и, воткнув его в землю, прикрепил к нему небольшой листок бумаги. Я догадался, что это будет моя мишень. Сержант тем временем шагал дальше. Следующий колышек он воткнул в землю на расстоянии метров четырехсот от меня, а третий – на расстоянии полукилометра, если не дальше. После этого сержант Зоммер вернулся ко мне, достал бинокль и приказал:

– Теперь покажи, на что ты способен. Постарайся как можно быстрее поразить все три мишени.

Я лег на живот и установил винтовку на позицию. Наведя свой оптический прицел, я нажал на спусковой крючок.

– Хорошо, давай следующую, – услышал я голос сержанта Зоммера, который, глядя в бинокль, отслеживал результаты моей стрельбы.

Я спешно передернул затвор и через несколько секунд выстрелил во вторую мишень.

– Прекрасно, мне нравится твой темп стрельбы. Давай последнюю!

На этот раз я целился гораздо дольше. Наверное, целых десять или пятнадцать секунд. Но зато следом за выстрелом я услышал довольный голос сержанта:

– Отлично, прямо в яблочко! Даже не ожидал от тебя такого.

До конца дня я пробыл вместе с сержантом Зоммером. Он объяснял мне все то, чему нас не учили в снайперской школе, но что так важно для выживания снайпера в боевых условиях. В том числе это были и тонкости стрельбы во время восхода и захода солнца. В это время суток снайпер должен выбирать свою позицию так, чтобы солнце ослепляло врага, смотрящего в его сторону, и не ослепляло его самого. Также сержант Зоммер начал учить меня основам маскировки с помощью подручных средств, что оказалось действительно гораздо удобнее и надежнее, чем специфические средства камуфляжа, которые нам показывали в училище. Да и где я мог взять эти средства в боевых условиях?

Сержант Зоммер пользовался обычной маскировочной сеткой. Он вручил мне такую же и показал, как закреплять на нее листья и ветки, чтобы я мог слиться с местностью именно того участка, где я выберу позицию. Мне не верилось, что с помощью такого простого камуфляжа можно очень хорошо замаскироваться. Я сказал о своих сомнениях сержанту. Он рассмеялся в ответ и приказал мне отвернуться, медленно досчитать до ста, а потом попытаться разглядеть его в зарослях кустарника, росшего в паре сотен метров от нас.

Когда я развернулся, то не смог обнаружить в кустарнике сержанта Зоммера. Я даже достал бинокль, но и это не помогло. В конце концов я закричал:

– Сдаюсь! Не вижу!

Сержант Зоммер приподнялся, и только тогда я смог увидеть его. Он торжествовал.

После этого он научил меня еще множеству полезных мелочей. Он объяснил мне, что пуля долетает быстрее, чем звук от выстрела. Поэтому, если я занял позицию на достаточном расстоянии от цели, я могу выбрать момент, когда враги не смотрят в мою сторону, и стрелять, не боясь, что они обернутся раньше времени и увидят вспышку на конце моего ствола.

Также сержант Зоммер рассказал мне, что ночь – прекрасное время суток для охоты на врага.

– Тебе нужно лишь выследить какого-нибудь дурака, который закурит сигарету, и стрелять на огонек! Однако при этом ты должен быть, как никогда, осторожен и постоянно менять позицию. Не забывай, вспышка на конце твоего ствола в темноте будет отлично видна противнику.

Мы проговорили весь день, пока не начало темнеть. Я старался запомнить каждое слово сержанта, чувствуя, что впоследствии это может действительно спасти мою шкуру. Однако он учил меня не только тому, как сохранить собственную жизнь, но и тому, как уничтожить как можно больше врагов.

– Тебе не всегда обязательно убивать вражеского солдата, – рассказывал сержант Зоммер. – Ты можешь прострелить ему коленную чашечку или ранить его в живот. Боль будет адской, и он не сможет причинить тебе вреда. Зато кто-нибудь из его товарищей наверняка поспешит ему на помощь. И здесь ты можешь использовать раненого как приманку, чтобы получать новые легкие цели. При этом тебе необязательно самому ранить противника, ты можешь просто разглядеть раненого в свой прицел и ждать, пока к нему кто-нибудь подползет. Тяжелые пулеметы и орудия также могут оказаться хорошей приманкой. Ты ведь, наверное, не раз замечал, что павших пулеметчиков спешат подменить их товарищи...

Мысль о подобных трюках не доставляла мне радости. Но я еще не знал, что это далеко не самое страшное из того, что бывает на войне.

Уже под вечер сержант Зоммер начал объяснять мне, как перехитрить вражеских снайперов.

– Запомни, – сказал он. – Твой самый опасный противник – это вражеский снайпер! Никогда не считай его глупее себя, но при этом пытайся перехитрить его!

После этих слов Зоммер показал мне, как можно, надев каску на пехотную лопатку, высунуть ее из окопа, чтобы противник принял ее за твою голову.

– Таким образом ты сможешь обмануть большинство снайперов. Более того, при этом ты сможешь заметить позицию снайпера противника или убедиться в том, что поблизости нет снайперов, охотящихся за тобой. Правда, подобный трюк может не сработать, если твой противник очень опытный снайпер. Но такие встречаются крайне редко.

Под конец сержант Зоммер стал объяснять мне, как выбрать правильную позицию. В идеале она должна была быть такой, чтобы я мог пробыть на ней сколь угодно долго, не выдавая противнику своего присутствия, а также чтобы я мог в любую секунду покинуть ее, оставаясь незамеченным.

– Учти, выберешь плохую позицию – и ты покойник! – подытожил сержант Зоммер.

По дороге к его палатке он сказал мне напоследок:

– В любом бою прежде всего ты должен помнить правило номер один.

– А что за правило номер один? – спросил я.

– Не допускай, чтобы тебя убили, – улыбнулся он.

– А есть правило номер два?

– Да. Оно гласит: «Смотри правило номер один!»

Мы оба расхохотались. Прощаясь со мной у входа в свою палатку, сержант Зоммер приказал мне:

– Завтра ты должен снова явиться сюда. Я продолжу тебя учить уму-разуму.

– Так точно, сержант Зоммер, – ответил я.

Ребята из моего нового взвода встретили меня удивленными вопросами. Они терялись в догадках, где я провел весь день. Когда я коротко рассказал им о своем визите к полковнику и о том, что я стал учеником сержанта Зоммера, на лицах некоторых из них стала явно читаться зависть.

– Полковничий любимчик! – На лицах двух или трех человек появились ироничные улыбки.

Ко мне подошел Йозеф Энцель, парень из моего взвода, с которым мы успели немного сдружиться вчера. Именно у него я и оставлял свое противотанковое ружье, которое я, естественно, не стал брать с собой, когда меня вызвали к полковнику.

– Не слушай их, – сказал Йозеф. – Каждый из них мечтал бы оказаться на твоём месте, вот они и завидуют твоему таланту.

– О да, у меня ведь очень завидный талант! – зло ухмыльнулся я. – Скажем прямо: талант убивать людей. Я хочу сейчас только одного: вернуться домой, в свою булочную!

– Ладно, Гюнтер, все мы вернемся в свои булочные или еще куда... Если выживем. Сейчас главное – выжить.

– Нет, главное – завоевать жизненное пространство для немецкого народа, – один из моих новых сослуживцев, слышавший наш разговор, отчеканил заученный лозунг.

Я опешил, но Йозеф тут же нашелся:

– Конечно, это главное! Но если мы будем позволять врагам убивать нас, то кто же будет завоевывать жизненное пространство для немцев?

Это был разумный ответ. Ни мне, ни Йозефу были не нужны неприятности. А этот дурак мог еще донести на нас. Впрочем, чем дольше продолжалась война, тем подобных дураков становилось меньше. К середине Русской кампании мы вообще говорили свободно обо всем, что думали. Тогда уже каждому из нас было понятно, что в тюрьме лучше и безопаснее, чем на фронте. Впрочем, тогда к нам уже и не спешили применять репрессивные меры, в Вермахте был на счету каждый солдат... Но не буду забегать вперед.

Вскоре после разговора с Йозефом я заснул в своем окопе. Я долго ворочался, перед тем как сон окончательно сморил меня. Мне было беспокойно от мыслей о том, что завтра я буду учиться новым способам убийства. Впрочем, в моей ситуации это были скорее способы выживания. Я заставил себя успокоиться на этой мысли.

Наутро сразу после завтрака наша дивизия была мобилизована. Солдаты паковали в грузовики и бронированные автомобили войсковое имущество. Наступление продолжалось. Наша дивизия должна была продолжать движение к Варшаве.

Окончив погрузку, я направился к палатке сержанта Зоммера. Он уже ждал меня у входа. Его лицо было намазано сажей. Я тогда подумал о том, что Зоммер просто помешан на маскировке. Но в последующих боях я не раз убеждался, насколько важно снайперу быть таким «помешанным».

– Доброе утро, сержант! – сказал я.

– Еще увидим, насколько оно доброе, – ухмыльнулся он в ответ и посмотрел на противотанковое ружье у меня на плече: – А это еще что такое?

– Противотанковое ружье.

– Ага, понимаю, ты его носишь вместо талисмана? Не тяжеловато будет?

– С помощью его я уничтожил вражеского пулеметчика через мешок с песком, – ответил я, смутившись.

– Ладно, это твое дело. Но не забывай, что снайперу крайне важно уметь быстро уходить с позиции. Впрочем, ты молодой, тебе, наверное, даже эта штукавина не кажется тяжелой ношей...

– Да, почти не кажется, – соврал я, чтобы не дать сержанту окончательно меня высмеять.

Он похлопал меня по плечу:

– Мне нравится твой бодрый настрой, Гюнтер!

На этот раз я ехал в кузове грузовика вместе с сержантом Зоммером. Грузовики тянулись бесконечной колонной. Мы ехали следом за дивизией, состоявшей из танков и бронемашин. Когда по пути я выглядывал из кузова грузовика, то видел бессчетные вереницы польских беженцев. Некоторые из них тащили узлы с вещами просто на себе, но у большинства были хоть какие-то тележки, а порой и повозки, запряженные лошадьми. Крайне редко мы видели у беженцев тракторы и другие машины. Но им приходилось ехать по бездорожью, потому что дорога была занята нашей колонной.

Этот день для меня прошел вполне спокойно. По пути Зоммер продолжал учить меня снайперским премудростям. Например, он рассказывал:

– Бегущий человек – это тоже хорошая мишень для опытного снайпера. Просто нужно целиться, немного упреждая его движения и учитывая расстояние до цели. Конечно, это приходит с опытом. Но, я уверен, Гюнтер, ты освоишь это.

Я подумал о том, что если меня не убьют, то у меня действительно будет уйма времени, чтобы освоить все тонкости снайперского ремесла. После того как Великобритания и Франция объявили нам войну, было ясно, что она надолго. «Возможно, война продлится еще целый год», – решил я тогда. Конечно, мы в ту пору еще не осознавали, насколько все будет страшным и долгим.

Вечером мы, как всегда, сделали остановку и разбили лагерь. Нам было приказано рыть окопы. Мы, солдаты, не видели в этом особой необходимости, ведь впереди нас была целая дивизия танков. Но приказ есть приказ, и мы вырыли неглубокие траншеи. При этом я с удивлением заметил, что рытье окопов стало для меня делом привычным и не таким утомительным, как раньше.

Ночью откуда-то издалека до нас донесся грохот артиллерийских орудий. Мы просыпались, переворачивались на другой бок и продолжали спать дальше. Мы не придали этому значения, потому что огонь доносился со стороны дороги на Варшаву и нас разделяли танки. К тому же нам не верилось, что это стреляют по нашей колонне. Ведь не осмелятся же поляки обстреливать целую дивизию немецких танков.

Однако мы ошиблись. И вскоре мы увидели пламя вдаль, говорившее о том, что загорелся один или несколько из наших танков. Теперь до нас уже отчетливо доносился ответный грохот немецких орудий и танковых пушек. Сон как рукой сняло. Польские снаряды падали в какой-то сотне метров от нас. Я быстро натянул на себя каску, которую беспечно снял с головы перед сном.

Орудийная перестрелка не прекращалась. Прошло уже около получаса. Впрочем, может, и меньше: время тянулось слишком медленно. Мы, пехотинцы, были наготове, постоянно ожидая приказа идти в атаку. Польские снаряды взрывались все ближе, и я ругал себя за то, что поленился рыть глубокий окоп. Впрочем, основной целью артиллерии врага были танки. И это утешало.

Но через несколько минут один из снарядов упал прямо в соседнюю траншею. После оглушительного взрыва мне стал слышен вой раненых и крики: «Врача!» Меня охватил страх. Но через несколько минут в нашу траншею запрыгнул унтер-офицер.

– Приготовиться! – скомандовал он. – Через пять минут мы пойдем в атаку!

Его приказ заставил меня собраться. Я вспомнил слова сержанта Зоммера о том, что мне будет не слишком сподручно бегать с противотанковым ружьем, и положил его на дно траншеи. Вскоре я уже бежал в массе атакующих позади наших устремившихся вперед танков.

Снаряды без конца взрывались рядом с нами. То и дело раздавались крики и стоны раненых. Я заставлял себя не думать об этом, а просто бежать.

Темнота то и дело озарялась парящими на парашютах осветительными ракетами. Наконец мне стал виден лес впереди. До края леса было около километра. Именно оттуда польские орудия и вели огонь по нам. При вспышке следующей осветительной ракеты я понял, что теперь мы видны полякам как на ладони. Я заорал: «Ложись!» – и спешно рухнул на землю.

За разрывами снарядов мой голос слышали немногие. А инстинкт самосохранения, видимо, не у каждого работал так же хорошо, как у меня. Поляки же не замедлили открыть огонь прямой наводкой по нашим танкам и по пехоте. Застрекотали польские пулеметы. И через миг вокруг меня начали раздаваться бесконечные крики и стоны раненых.

Наши танки продолжали продвигаться к лесу, ведя ответный огонь. В промежутках между вспышками осветительных ракет я осторожно бежал вперед, прячась за каждой неровностью местности. У поляков было очень много противотанковых артиллерийских орудий, и все больше наших танков горело.

Примерно в трехстах метрах от леса наши танки почему-то остановились, продолжая вести огонь из пушек и пулеметов. В предрассветных сумерках я не мог понять, что произошло. Но потом, подобравшись ближе, при вспышке очередной осветительной ракеты я увидел противотанковый ров, преградивший дорогу к лесу.

До польских позиций было не больше четырехсот метров. Я занял позицию позади более-менее прикрывавшего меня холмика и начал вести огонь из своей снайперской винтовки, целясь на вспышки на конце стволов польских пулеметов. Не знаю, сколько это продолжалось и сколько поляков я убил. Может быть, десять. Может быть, больше. Огонь вражеской артиллерии почти затих, но польская пехота продолжала вести огонь по нам.

Между тем все сильнее светало. Мне стало небезопасно прятаться за холмиком. Я разглядел в ста пятидесяти метрах от меня небольшой сарай. Пожалуй, он мог быть неплохим укрытием. Я натянул на лицо маскировочную сетку и устремился туда.

В сарае пахло сеном. Более того, я увидел в нем несколько коз и корову. Козы блеяли, а корова не переставала мычать, испуганная боем. Но все они были целыми и невредимыми. Это походило на чудо. И это был хороший знак. Я решил занять позицию на чердаке и начал взбираться по лестнице.

Едва просунув голову на чердак, я увидел направленный на меня винтовочный ствол. Я понял, что мне конец. Но нет, у меня не пронеслась перед глазами вся прошлая жизнь. Так говорят, но у меня ни черта так не было. Просто какая-то пустота охватила и тоска. А выстрел все не раздавался. Мне казалось, что это длилось долго, но, конечно, на самом деле прошло лишь несколько секунд. И я услышал голос сержанта Зоммера:

– Ну что, ефрейтор Бауэр, будь здесь поляк, он бы мигом тебя уколошил!

От радости я чуть не свалился с лестницы. Зоммер лежал возле чердачного окошка. Через него он, как я догадался, вел огонь по полякам, но при этом оставался настороже и, услышав мои шаги, тут же направил свой карабин в сторону лестницы.

Оглядев меня, Зоммер расхохотался:

– Ну хоть штаны у тебя не мокрые, молодец! Как у тебя с патронами?

Я полез в свою патронную сумку и вручил сержанту около двадцати патронов.

– Побудешь моим наводчиком? – спросил он.

– Наводчиком? – переспросил я, еще не отойдя от шока.

– Ага, возьми мой бинокль и выискивай подходящие цели.

Взяв бинокль Зоммера, я приподнялся у чердачного окошка.

Сержант тут же оттащил меня вниз:

– Ниже голову, Гюнтер! Ты хочешь, чтобы нам обоим пришел конец?!

Я понял свою оплошность. Чтобы оставаться незамеченным, нужно было высовываться как можно меньше. Конечно, наблюдать при этом было очень неудобно. Но тем не менее примерно через минуту я разглядел батарею польских противотанковых орудий. Вероятно, это были 20-миллиметровые пушки, с чердака они показались мне буквально игрушечными. Их было двенадцать. Около каждой стояло по двое артиллеристов. Кроме того, у них был наводчик, просматривавший местность через бинокль.

– Сержант, батарея 20-миллиметровых орудий на одиннадцати часах, – сказал я. У нас было принято размечать местность как циферблат, чтобы быстро объяснять местоположение того или иного объекта.

Зоммер тут же направил туда свой снайперский прицел. Он у него был цейссовский, такой же или почти такой же, как у меня.

– Ничего не вижу, – сказал он через секунду.

– Немного выше, за холмом, – пояснил я.

– Ага, точно! – воскликнул Зоммер. – Ну-ка, смотри на наводчика!

Через миг я увидел, как польский артнаводчик рухнул с дырой в голове.

После этого сержант Зоммер начал одного за одним расстреливать артиллеристов. Он передергивал затвор с невероятной скоростью. После этого ему потребовалось всего несколько секунд, чтобы зарядить опустевший магазин. Однако поляки к этому моменту уже оставили орудия и залегли рядом с ними. Их было не видно за холмом.

– Дело сделано, – сказал я.

– Подожди, – возразил мне Зоммер. – Сейчас их сержант заорет на них, чтобы они продолжали вести огонь.

Все оказалось именно так. Прошла лишь пара минут, и поляки снова оказались возле орудий. Зоммер открыл по ним огонь. Когда у него снова закончился магазин, я увидел, как польский сержант на огромной скорости понесся прочь от орудий. Он угробил большую часть своих бойцов, но ему удалось сберечь собственную шкуру.

– Ищи другую цель, – приказал Зоммер. – Но эти пушки тоже не теряй из виду. Кто знает, насколько упорны поляки.

После этого сержант Зоммер по моей наводке убил еще нескольких пулеметчиков, офицеров и пехотинцев. У него закончились патроны. У меня самого теперь оставалось их не больше десятка.

– Оставайся здесь, – скомандовал мне сержант. – Я схожу за боеприпасами. Если появится хорошая цель, можешь использовать то, что у тебя осталось, – он улыбнулся.

Его не было около двадцати минут. За это время я успел подстрелить двоих пулеметчиков и одного офицера.

Вернувшись с патронами, сержант Зоммер спросил меня об успехах и похвалил:

– Пожалуй, из тебя выйдет толковый снайпер, Гюнтер.

После этого Зоммер сам некоторое время побыл в роли моего наводчика, и я за десять минут убил еще трех пулеметчиков, двух сержантов и офицера. По рядовым солдатам мы не вели огонь, чтобы не привлекать излишнего внимания к своей позиции.

И тем не менее нас заметили. Неожиданно я услышал шепот сержанта Зоммера:

– Тихо!

Обернувшись, я понял: что-то не так. Корова и овцы внизу издавали особенно громкие, испуганные звуки. Сержант жестом дал мне понять, что у нас гости. Его лицо оставалось спокойным, и его уверенность передалась мне.

Грохот выстрелов и взрывов к этому времени стал слабее, и благодаря этому мы смогли услышать шаги возле лестницы. До нас донеслись звуки польской речи. Зоммер тут же выхватил гранату и выдернул чеку. Взрыв должен был прогреметь через четыре секунды. У Зоммера были стальные нервы. Он подождал примерно половину этого времени, а потом швырнул гранату. Благодаря такому маневру он мог быть уверен, что поляки не успеют разбежаться.

Когда прогремел взрыв, Зоммер тут же соскочил в лестничный проем. Я устремился следом за ним. Деревянная лестница от взрыва разлетелась в щепки, и мне тоже пришлось прыгать. От гранаты погиб только один из противников. Но к моменту, когда я спрыгнул, Зоммер уже успел пристрелить одного из уцелевших после взрыва поляков. Еще один был ранен и тянулся к своей винтовке, но его тут же успокоила вторая пуля сержанта Зоммера.

Третий солдат противника пятился к дверному проему. Я направил на него свою винтовку и заорал:

– Стоять!

Поляк замер на месте. Зоммер в это время застрелил очередного убежавшего противника, после чего повернулся ко мне:

– Просто выстрели в него! – Голос сержанта был холодным и спокойным.

К моему удивлению, поляк, которого я держал на прицеле, в тот же миг закричал по-немецки, хотя и с акцентом:

– Я сдаюсь! Не стреляйте! – Он поднял руки, которые после взрыва гранаты были такими же черными, как и его лицо. Из уха поляка текла кровь.

Я не смог нажать на спусковой крючок. Этот поляк был первым противником, которого я увидел так близко. Я сказал Зоммеру:

– Этот сдается. Я отведу его в лагерь.

– Поступай как знаешь, ефрейтор Бауэр, – ответил сержант Зоммер разочарованно. – Но если тебя пристрелит по пути польский снайпер, вини себя самого.

Безусловно, Зоммер мыслил благоразумно. Будучи старым воякой, он знал по опыту, что в подобных случаях человеческое отношение к противнику может стоить тебе собственной жизни. Но я не мог выстрелить в солдата, сдающегося в плен.

Я спросил у поляка:

– Ты умеешь говорить по-немецки?

– Да, немного. – Он трясся и вдруг начал плакать: – Только не убивайте меня!

Он выглядел почти мальчишкой и, без сомнения, был даже моложе меня.

– Заткнись! – прикрикнул я на него. – Я беру тебя в плен, но будешь сопли распускать – пристрелю!

Зоммер повернулся к нему:

– Как вы поняли, что мы здесь? – спросил сержант.

– Мы поняли, что огонь ведется откуда-то с этой стороны, а потом увидели вспышки на конце винтовочного ствола.

– Что ж, Гюнтер, уходим отсюда, – сказал мне Зоммер.

Бой уже затихал. Как только мы вышли из сарая, Зоммер сразу отправился искать себе новую позицию. А мне нужно было отвести поляка к скоплению наших войск.

Несколько наших грузовиков с боеприпасами и медикаментами уже находились в километре от леса. Я приказал пленному:

– Сейчас ты помчишься к грузовикам, а я следом за тобой. Попытаешься сбежать – пристрелю.

Мы побежали. Через минуту или две в десяти шагах от нас просвистела пуля. Поляк тут же повалился на землю. Он опять трясся. Видимо, у него окончательно сдали нервы. Я заорал на него, но он не поднимался. Оставаться на открытом пространстве было опасно, и я начал

бить поляка. Я понимал, что, если он не поднимется, мне придется его пристрелить. Кажется, пленный тоже понял это. После первых же моих ударов он встал сначала на четвереньки, а потом в полный рост, и мы снова побежали.

Около грузовиков уже стояла толпа примерно из сотни военнопленных. Их охраняло около десяти наших солдат. Большинство поляков выглядели такими же молодыми и испуганными, как тот, которого взял в плен я.

Я быстро доложил стоявшему около грузовиков сержанту о том, что я привел пленного. После этого я сразу поспешил вернуться к лесу. Но, оказалось, бой уже закончился. Меня встретил сержант Зоммер. Он сказал мне, что остатки польской части отступают через лес, но там их преследуют силы свежей дивизии Вермахта.

– Гюнтер, мы заслужили передышку, – он похлопал меня по плечу. – Я рад, что тебя не продырявили, когда ты сопровождал этого пленного. Ты станешь замечательным снайпером, если не будешь делать глупостей.

Остаток дня наша пехотная дивизия провела в перегруппировке и ожидании пополнений. Пополнения прибыли только к вечеру. По виду большинства новичков можно было понять, что это явно необстрелянные бойцы. На них была новая, с иголки, униформа, их лица были гладко выбриты. В сравнении с ними я ощущал себя грязной окопной свиньей.

Однако я знал, что у них еще все впереди, и с торжеством наблюдал испуг и растерянность на их лицах, когда они слышали стоны раненых, которым наши медики пытались оказать хоть какую-то помощь прямо в полевых условиях.

Несколько других дивизий Вермахта продолжали двигаться на восток, к Варшаве. А наша дивизия получила небольшую передышку, чтобы зализать раны. Нам были доставлены дополнительные боеприпасы. И после этого мы получили приказ двигаться на север. Нашей целью был назначен город Модлин, который поляки к этому времени уже успели превратить в крепость.

8 сентября мы провели половину дня в пути на север до реки Вислы. Дальше нам пришлось остановиться и ждать прибытия инженеров. Они приехали только перед самым наступлением темноты.

На рассвете следующего дня мы вместе с инженерами начали сооружать понтонные мосты через реку. На это ушел целый день, и поэтому мы смогли пересечь Вислу только 10 сентября.

Я был рад этой короткой передышке. За это время я успел немного пополнить свой запас патронов, а также выслушать очередную порцию наставлений от сержанта Зоммера. Впрочем, мои разговоры с ним к этому времени уже перестали касаться одной только снайперской работы. Время от времени они переходили и на житейские темы.

Зоммер был не слишком словоохотлив, когда разговор заходил о наших семьях. Поэтому в подобных случаях говорил преимущественно я. Он с интересом слушал, когда я рассказывал ему о работе в булочной, о своей матери, об Ингрид, о нашем маленьком сынишке Курте. А сам Зоммер больше любил рассказывать об охоте. Он был опытным охотником, а его любимой дичью были олени. Зоммер охотился на них во многих лесах Германии. В конце нашего первого разговора на эту тему он сказал мне:

– Именно охота сделала меня таким искусным снайпером. Тебе обязательно нужно попробовать это, охота здорово поможет твоим снайперским навыкам.

– Да, охота – хорошее занятие, – согласился я. – Но когда закончится срок моей службы, мне будет наплевать на мои снайперские навыки. Лучше я буду печь хлеб и пирожные для своей булочной.

На несколько секунд повисло молчание. Но потом Зоммер улыбнулся:

– Напиши мне, если вам понадобится еще один пекарь!

Мы оба расхохотались.

10 сентября наша 3-я дивизия вместе с еще одной пехотной дивизией Вермахта пересекла Вислу. Мы продвинулись еще немного на север, а потом резко повернули на восток, к Модлину.

В пути мы обсуждали новости о том, что днем раньше на востоке Варшавы начались тяжелые бои. Германская армия несла тяжелые потери, поскольку поляки успели хорошо окопаться и укрепиться в своей столице. Я с тревогой думал о том, что при штурме Модлина нам, возможно, тоже придется нелегко.

Модлин превзошел даже мои худшие ожидания. За последнюю неделю поляки успели окружить окопами, противотанковыми рвами и колючей проволокой всю западную часть города. Нашей дивизии пришлось резко остановиться, когда мы подошли к Модлину на расстояние винтовочного выстрела. Мы были вынуждены окапываться под градом пуль и снарядов.

Когда я уже заканчивал рыть свою ячейку, в нее вдруг впрыгнул сержант Зоммер.

– Пойдем со мной, Гюнтер, – сказал он. – Ты выбрал не лучшее место для снайперской позиции.

Мы отбежали от передовых позиций нашей дивизии. Позади них Зоммер указал мне на несколько росших рядом деревьев. За этими деревьями мы с сержантом и вырыли свой новый окоп. Там уже лежало несколько досок, заранее принесенных Зоммером. Он уложил их на окоп так, чтобы оставались только узкий вход и две небольших щели, из которых мы могли бы вести огонь.

– На доски надо уложить мешки с песком, – сказал сержант, доставая из своего рюкзака несколько пустых мешков.

Поскольку рядом не было песка, то мы наполнили мешки обычной землей и уложили их на доски. Сверху Зоммер натянул камуфляжную сетку. Наше снайперское гнездо было готово.

Забравшись в окоп, мы открыли огонь по полякам. Их было так много, что нам совершенно не требовался наводчик. Правда, расстояние до польских позиций было метров 500–600, к тому же враги находились в окопах. Поэтому не только у меня, но и у Зоммера в цель попадала далеко не каждая пуля.

Однако у нас было достаточно патронов. Зоммеру удалось раздобыть несколько пулеметных лент от MG-34. В них использовались точно такие же патроны, как в наших карабинах K98k. Единственным недостатком было то, что нам приходилось вынимать патроны из ленты, но вскоре я наловчился делать это довольно быстро.

Осада Модлина длилась много дней. Когда в боях наступало затишье, мы переговаривались с Зоммером. Он продолжал раскрывать мне тонкости снайперского ремесла. В частности, он объяснил мне, что в подобных условиях мы вполне можем позволить себе не беспокоиться о перемене позиции. Во-первых, наше снайперское гнездо находилось далеко позади передовых позиций дивизии, а поляки вели огонь преимущественно по переднему краю наших войск. Во-вторых, наш окоп был достаточно надежно укреплен и замаскирован.

– Конечно, может получиться так, что мы нарвемся на снайпера или наводчика экстра-класса, – невесело ухмыльнулся Зоммер. – Но это очень маловероятно. Так что об этом лучше не думать.

Он оказался прав. За все две с половиной недели осады враги так и не догадались открыть огонь по нашему снайперскому гнезду. Мы с сержантом за это время сумели уничтожить примерно по сотне поляков.

За время осады – в один из ее дней, 17 сентября, – боевой дух наших бойцов несколько подняла новость о том, что Советский Союз также вступил в войну против Польши в каче-

стве союзника Германии. Поляки были обречены в войне с двумя государствами, каждое из которых обладало значительно превосходящими силами.

Передовые позиции защитников Модлина постоянно пополнялись свежими силами, и наши части никак не могли войти в город. Артиллерийская перестрелка не утихала все две с половиной недели.

Наконец 28 сентября капитулировала Варшава. Гарнизон Модлина капитулировал только на следующий день. Мы вошли в город. Оказалось, боеприпасы защитников были уже на исходе. Более того, в Модлине начинался голод, поскольку все пути поставки продуктов были уже давно перерезаны нашими войсками.

На этом Польская кампания для меня закончилась. Однако последние польские части, продолжавшие сопротивление, сдались только 5 октября. После этого Польша была разделена на две части. Восточную часть оккупировал Советский Союз, а западную – Германия.

В течение последующих пяти месяцев я был произведен в младшие унтер-офицеры. Далеко не последнюю роль в этом сыграл мой снайперский счет. Сержант Зоммер подтвердил значительную часть моих попаданий.

Кроме того, за эти пять месяцев я получил один-единственный отпуск сроком на одну неделю. Ингрид и мать едва не расплакались, когда увидели меня на пороге дома. А вот Курт отреагировал совершенно иначе. Он дичился меня и совершенно не хотел признавать во мне своего отца. Это очень расстроило меня. Конечно, я успокаивал себя тем, что дети в таком возрасте всегда относятся с опасением к малознакомым людям, а я из-за армейской службы стал для своего сына именно таким малознакомым человеком. Подобные рассуждения были верными, логичными, но мало утешали.

Ингрид и мать без конца спрашивали о том, какой была война в Польше. Мои ответы сначала были короткими: «Да, я видел бои», «Нет, мне не хочется это описывать. Вы же видите, я жив, это главное» и тому подобное. В конце концов мне стало тяжело видеть смятение и растерянность на их лицах. Тогда я начал врать, говорить о том, что поляки постоянно отступали, почти не отваживаясь вступать с нами в бой. Я даже рассказывал матери и Ингрид армейские анекдоты, немного грубые, но веселые. Все это успокаивало их. И вскоре они уже верили, что Польская кампания была чем-то вроде приключения, веселого и совсем немного рискованного. Матери и Ингрид хотелось в это верить, и поверить было нетрудно, ведь все немецкие газеты писали о том же самом.

Мне самому во время этого отпуска хотелось хотя бы на неделю возвратиться в свой прежний уютный мирок и забыть об армейской жизни. Это не удалось. Что-то произошло во мне самом. Проблемы и интересы людей, живущих на гражданке, теперь казались мне чем-то надуманным, оторванным от настоящей жизни. На четвертый день я уже не знал, куда себя деть. Мне даже хотелось вернуться в казарму, где весь твой день расписан и все решено за тебя.

«Кажется, ты напрасно говорил Зоммеру, что сможешь так же, как и раньше, печь хлеб и пирожные», – сказал себе я, грустно усмехнувшись. Тем не менее я заставил себя попробовать делать это снова. Что удивительно, мои руки не успели забыть, как надо печь хлеб. Последние дни отпуска я по несколько часов в день помогал матери и Ингрид в их работе. Это помогало мне снова почувствовать себя не то чтобы прежним, но хотя бы немного таким, как прежде. А еще я играл со своим сынишкой. К концу недели Курт привык ко мне и даже два или три раза назвал папой.

Однако мне было пора возвращаться в часть. К этому моменту наша база располагалась уже в Рейнской области, откуда было уже недалеко до французской границы.

Вторая мировая между тем продолжала разгораться. 30 ноября советские войска вторглись в Финляндию. Это привело к трехмесячной войне, в которой советские войска понесли тяжелые потери, но при этом добились капитуляции Финляндии.

Это событие примерно совпало с моим возвращением из отпуска. А вскоре после этого мы с Зоммером получили приглашения перейти в парашютную часть. Парашютисты считались элитой немецких войск. Из всех снайперов в нашем полку стать парашютистами было предложено только мне и сержанту Зоммеру. Однако я колебался. Мне были не нужны лишние приключения на свою голову, я больше всего на свете хотел вернуться живым к своей семье.

– Ты все-таки подумай об этом хорошенько, Гюнтер! – убеждал меня Зоммер. – За время Польской кампании парашютистам приказали только перерезать линии связи и железные дороги. Им даже не пришлось толком участвовать в боях. В этих войсках наша шкура будет гораздо целее.

Поразмыслив, я тоже решил, что элитные войска не будут использовать как пушечное мясо. К тому же если все твои сослуживцы профессиональные воины, то у каждого из вас больше шансов выжить. И я согласился.

Мы с Зоммером были направлены на шесть недель в школу парашютистов. Там нам была выдана новая униформа, которую на армейском жаргоне называли прыжковыми комбинезонами. Кроме того, нам выдали специальные стальные каски аэродинамической формы. Прыжок в обычной каске мог закончиться для парашютиста серьезной травмой.

Надо сказать, применение немецкого парашюта тех лет требовало от бойца серьезных навыков. На начальном этапе у нас была длительная спортивная подготовка, в ходе которой мы отрабатывали основные приемы, и в частности приземление.

После этого мы перешли к изучению материальной части. Нас учили выполнять укладку парашютов. Как ни странно, я освоил это даже быстрее Зоммера.

Наша предварительная подготовка завершилась тем, что мы делали прыжки с макета самолета. Кроме того, в каждом из нас, даже в рядовых, всячески развивали умение принимать решения самостоятельно. Нам сразу объяснили, что парашютист должен уметь грамотно действовать, даже если все его командиры погибнут.

Наконец дошло и до настоящих прыжков. Первый прыжок каждый из нас выполнял в одиночку с высоты 180 метров. Услышав приказ, я должен был встать около фюзеляжа, зажимая конец вытяжного фала в зубах, чтобы мои руки оставались свободными. По команде я прицепил карабин к продольной балке. Он свободно перемещался вдоль нее, по мере того как я подходил к десантному люку.

Возле люка я должен был широко расставить ноги, взяться обеими руками за поручни с обеих сторон люка и резко выброситься головой вниз. Все это не раз отрабатывалось на тренировках, но в последний момент мне стало страшно. Однако как только раздался приказ прыгать, мой страх мгновенно улетучился, и я прыгнул.

Сначала я просто падал вниз, и мне снова стало страшно. Но это продолжалось лишь несколько секунд. Вытяжной фал размотался на всю свою длину (она была девять метров) и вырвал из ранца парашютную сумку вместе с куполом. В следующие несколько мгновений фал сдернул сумку с купола парашюта, и он полностью раскрылся. Я резко дернулся, продолжая лететь головой вниз, и через миг натянувшиеся стропы парашюта вернули меня в нормальное положение.

По ощущениям это было почти как удар, сбивающий с ног. Но придя в себя, я понял, что раскачиваюсь на стропях, как на качелях. Это непередаваемое чувство. Ты приближаешься к земле и ощущаешь себя почти птицей. Однако возле земли нужно было снова сосредоточиться. Приземляться нужно было с наклоном вперед, делая руками и ногами движения, подобные тем, что делает пловец. Это позволяло избежать травм при ударе об землю, ведь

наши парашюты снижались со скоростью до шести метров в секунду. В результате многие из нас получили ушибы во время своего первого прыжка. Но зато мы потом по достоинству оценили высокую скорость снижения немецких парашютов, когда нам пришлось прыгать под обстрелом противника.

Замечу также, что немецкий метод раскрытия парашюта хотя и вынуждал нас прыгать вниз головой, в отличие от тех же англичан или русских, но зато мы могли позволить себе прыгать с гораздо меньших высот. И это нам особенно пригодилось на Крите, когда из-за огня ПВО противника мы прыгали с высоты всего 70–80 метров.

Правда, были у наших парашютов и недостатки. Так, при прыжке мы не могли регулировать скорость снижения и место падения. Более того, нам приходилось прыгать только с одним «парабеллумом», а все остальное снаряжение сбрасывалось отдельно в специальных контейнерах, иначе оно могло запутать стропы. Соответственно, эти контейнеры потом приходилось еще искать и распаковывать, нередко под огнем противника.

Впрочем, во время первого прыжка я не думал об этом. Гораздо больше я был сосредоточен на том, чтобы погасить купол и освободиться от лямок парашюта. Это было довольно тяжело, учитывая, что стропы находились у меня за спиной. В результате в первый раз парашют оттащил меня по земле на несколько метров, прежде чем я смог взять ситуацию под контроль. Однако впоследствии я научился справляться с этим гораздо легче.

Последующие прыжки мы выполняли группами и каждый раз снижали высоту. Последний учебный прыжок мы уже совершали всем взводом, да еще с высоты всего около ста метров. После этого мы наконец стали официально именоваться парашютистами.

В апреле 1940 года немецкая армия вошла в Данию и в Норвегию. Там практически не было боев, и поэтому наша дивизия не была задействована ни в одной из этих двух операций.

Я продолжал осваивать все новые и новые премудрости солдатского ремесла. Помимо всего прочего, я узнал, как устанавливать мины, по каким признакам можно заметить мину противника и даже как обезвредить некоторые виды мин. Кроме того, нам объясняли уязвимые места танков, учили пользоваться разнообразным оружием. К этому моменту в Вермахт как раз поступило много нового вооружения, как выпущенного немецкой промышленностью, так и из австрийского, чешского и польского арсеналов. С новым стрелковым оружием мы осваивали тонкости ближнего боя и стреляли при этом преимущественно из пистолетов-пулеметов MP-38, а не из винтовок. Однако сержант Зоммер продолжал учить меня секретам снайперского дела. Несмотря на разницу в возрасте, мы с ним очень сдружились.

9 апреля Зоммеру и мне было сообщено, что мы включены в особую группу парашютистов – штурмовой батальон «Кох», названный по имени его командира, гауптмана Коха. Это удивило меня, поскольку нас в некоторой степени еще можно было назвать новичками в парашютном деле. Хотя, конечно, я почувствовал при этом и определенную гордость. Однако Зоммер быстро охладил мой пыл.

– Не зазнавайся, – сказал он мне. – Ты еще не знаешь, куда нас бросят.

Эти слова не испугали меня, но заставили относиться ко всему сдержанно, не переоценивая свои силы. А вечером перед отправкой в новую часть меня вдруг ни с того ни с сего охватила тоска. Германия по-прежнему находилась в состоянии войны с Францией и Великобританией. Кто знает, может, меня направят именно во Францию? Именно там погиб мой отец. Я должен был сделать все, чтобы не повторить его судьбу. Я очень боялся, что мой сын, подобно мне, будет расти без отца.

Глава пятая. Штурм Эбен-Эмаэля и вторжение в Западную Европу

В штурмовом батальоне парашютистов наши с Зоммером снайперские навыки сразу заинтересовали обер-лейтенанта Рудольфа Витцига. Он ознакомился с нашими личными делами и вызвал нас к себе. Его первым вопросом было:

– Готовы ли вы умереть за фюрера?

Что могли ответить мы с Зоммером? Отрицательный ответ каждому из нас грозил роковыми последствиями. И мы оба почти в один голос ответили, что это будет для нас честью – умереть за фюрера. После этого обер-лейтенант Витциг задал нам еще несколько вопросов относительно наших воинских навыков, а в конце разговора сказал нам, что мы зачислены в секретную группу «Гранит», командиром которой он является.

В тот же день нас повезли в тренировочный лагерь возле Дессау, где уже несколько месяцев основная часть группы «Гранит» готовилась к штурму форта Эбен-Эмаэль. Впрочем, о том, что нам предстоит, мы узнали только по прибытии на место.

Зачем была нужна такая строгая секретность и что представлял из себя этот легендарный форт? Расскажу в нескольких словах.

Эбен-Эмаэль входил в систему укреплений между Маастрихтом и Льежем, мощность которой на территории к югу от данного района была столь велика, что бельгийцы и союзники даже сомневались, что немцы отважатся начать атаку на этом участке. Размеры форта были 800 на 900 метров. В его подземной части находились склады боеприпасов и продовольствия, электростанция, узел телефонной связи и казарменные помещения.

Кроме того, Эбен-Эмаэль был окружен противотанковым рвом. В вооружение форта входили многочисленные орудия калибра 120 и 75 мм, а также противотанковые пушки, минометы и крупнокалиберные пулеметы. Их общая огневая мощь была столь значительной, что захватить бастион в ходе лобовой атаки в те времена, наверное, было невозможно. Атака с помощью артиллерии и бомбардировщиков также представлялась обреченной на провал из-за значительной толщины бетонных стен форта. А эффективный десант с воздуха с применением традиционных транспортных средств не был возможен из-за относительно малых размеров бастиона.

Однако взятие форта Эбен-Эмаэль делало возможным продвижение немецких войск через Бельгию к сердцу Франции. И нашему командованию удалось разработать смелую, рискованную и красивую операцию, успех которой зависел прежде всего от фактора внезапности.

Именно поэтому и была необходима строгая секретность, которая у нас иной раз доходила до абсурда. Так, члены группы не имели права разглашать даже собственные имена посторонним людям. Впрочем, у нас для этого и не было особой возможности. Тренировочный лагерь был почти полностью отрезан от внешнего мира. Никто из группы не получал отпусков, а наши письма подвергались суровой цензуре. Я был вынужден писать Ингрид и матери, что служу на прежнем месте, и ограничиваться общими фразами о том, что все у меня хорошо.

Конечно, каждый из нас старался неукоснительно соблюдать подобные требования. Но тем не менее еще до нашего появления в группе двое из ее членов были приговорены к смерти за несоблюдение секретности. Подробностей этой истории я не знаю, об этом в группе особо не распространялись. Но именно вместо этих двоих и были взяты мы с Зоммером.

Боевая подготовка занимала все наше время. Нам, двоим новичкам, попавшим в группу менее чем за месяц до начала операции, было особенно тяжело. Каждый из членов группы

должен был уметь подменить любого из членов группы. Нам с Зоммером пришлось освоить даже некоторые саперные навыки. Зачем это было нужно, я скажу немного дальше. Значительная часть тренировок также состояла из того, что мы отрабатывали свои действия на макете форта Эбен-Эмаэль, выполненном в натуральную величину.

После тренировок у нас по вечерам едва хватало сил, чтобы дойти до кровати.

– Ну и кто здесь говорил, что в элитных войсках нам придется легче? – полушуткой спрашивал я у сержанта Зоммера. Надо сказать, что у него в эти дни был крайне измученный вид. Наверное, сказывался возраст, и, несмотря на опыт, физические нагрузки ему давались все-таки тяжелее, чем мне.

– Лучше вспотеть на тренировке, чем стать холодным трупом на поле боя! – парировал он.

Чувство юмора ему по-прежнему не изменяло, и это вселяло в меня уверенность.

Но вернусь к тому, каким образом мы собирались взять Эбен-Эмаэль. Слабым местом форта было то, что его противовоздушная оборона обеспечивалась лишь восемью зенитными пулеметами. Этим грешно было не воспользоваться. А поскольку, как я уже отмечал, десантирование традиционными транспортными средствами было невозможно, то наше командование решило проблему, предложив применить новейшие штурмовые планеры DFS-230.

Конечно, оставалась и еще одна проблема – 25-сантиметровая броня защитных сооружений форта. Однако нашими саперами было установлено, что она легко прожигается 50-килограммовыми кумулятивными зарядами. Их мощность многократно усиливалась, поскольку взрыв был направленным. Это достигалось благодаря использованию конусообразной втулки из тонкого железа на одной из сторон заряда или приданию определенной формы самому заряду с конусообразным вдавлением в соответствующем месте. Таким образом, данные заряды при относительно малом весе пробивали мощную броню и железобетонные стены. Применять кумулятивные заряды должен был уметь каждый из нас, для этого нам и была нужна саперная подготовка.

10 мая 1940 года ночью, в 3.15, с нашей базы под Кологне в воздух поднялись 11 самолетов «Юнкерс-52», каждый из которых буксировал транспортный планер DFS-230. На бортах планеров находилась наша штурмовая группа «Гранит» во главе с обер-лейтенантом Витцигом.

Нас было всего 85 человек, в то время как в гарнизоне форта было более 1200 бойцов. Каждый из нас был вооружен пистолетом «парабеллум» и гранатами. Кроме того, у каждого было с собой оружие, соответствовавшее его специализации. Правда, у нас с Зоммером, кроме наших карабинов K98k с цейссовскими оптическими прицелами, были также пистолеты-пулеметы. Другие ребята из группы были вооружены пулеметами MG-34, пистолетами-пулеметами MP-38 и польскими противотанковыми ружьями Ur. Кроме того, четыре бойца в нашей группе были вооружены огнеметами «Flammenwerfer 40». И, конечно, у нас с собой были кумулятивные заряды весом по 12,5 и по 50 килограммов. 50-килограммовые заряды состояли из двух половинок, каждая из которых имела ручки для переноски, перед взрывом их нужно было соединять.

По пути буксирный трос одного из планеров порвался, еще один планер отцепился раньше времени. Оба эти планера приземлились на территории Германии. Остальные наши планеры благополучно долетели до Ахена (немецкого города, расположенного в месте, где смыкаются три страны: Германия, Бельгия и Голландия). Через считанные минуты нам предстояло высаживаться на крышу форта Эбен-Эмаэль.

В эти минуты я был максимально сосредоточен и старался ни о чем не думать, кроме предстоящего задания. Перед вылетом я долго разглядывал фотографии жены и сына в своем медальоне. А сержант Зоммер похлопал меня по плечу и сказал:

– Не забывай правило номер один!

Его слова заставили меня собраться. И вот теперь я летел в неизвестность, предстоящий штурм был крайне рискованным, но я заставил себя не думать об этом. Внизу подо мной проплывала темная ночная земля.

Примерно в двадцати километрах от Эбен-Эмаэля буксировочные тросы наших планеров были отцеплены от «Юнкерсов», и мы бесшумно полетели к цели.

Когда наш планер подлетал к крыше форта, я ожидал, что бельгийцы откроют по нам огонь из зенитных пулеметов. Но это произошло, только когда наш планер уже успел с треском приземлиться на крышу. Как я узнал через некоторое время, на территорию форта успешно приземлились все девять из остававшихся у нас планеров. Правда, командир нашей группы Витциг, по иронии судьбы, оказался именно в одном из двух планеров, которые отцепились от «Юнкерсов» еще над территорией Германии. Но вместо него командование группой сразу принял обер-фельдфебель Венцель. И мы незамедлительно начали атаку.

Наш планер приземлился примерно в пятнадцати метрах от намеченной цели. Подрывники, которые летели со мной, тут же схватили в руки кумулятивные заряды и устремились к артиллерийской башне форта, находившейся напротив нас. Их продвижение прикрывал огнем турельный пулемет, установленный на крыше нашего планера.

Мы с Зоммером тут же заняли позиции и начали стрелять по бельгийцам, которые вели по нам огонь из пулеметов и винтовок через амбразуры на крыше форта. В темноте вспышки на конце их стволов были отчетливо видны, и нам не составляло никакого труда целиться и нажимать на спусковой крючок, снова целиться и снова нажимать.

Наши подрывники между тем прожигали кумулятивными зарядами броню бронебашен, бросали заряды в дула орудий и вентиляционные шахты. Все это длилось считанные минуты. Я действовал как во сне, автоматически находя цель и нажимая на спусковой крючок. Наконец я перестал видеть вспышки на концах стволов противника. Из сомнамбулического состояния, в котором я находился все это время, меня вывел голос Зоммера:

– Наши ворвались внутрь! Вперед!

Я устремился за ним. Вскоре мы оказались внутри задымленного коридора. Примерно двумя этажами ниже раздавались звуки боя. От винтовки здесь не было толка, и я повесил ее на плечо, взяв в руки до этого висевший у меня на шее пистолет-пулемет МР-38. Сержант Зоммер сделал то же самое еще раньше меня. Мы начали спешно спускаться по лестнице.

Ворвавшись в помещение, где шел бой, мы оба разом закричали: «Свои!» – чтобы нас не подстрелили ребята из нашей же команды, приняв за врагов.

Бельгийцы отстреливались, укрепившись в соседнем помещении. Неожиданно я увидел, что в нас летит граната. А дальше произошло то, что можно увидеть только в кино. Я никогда не поверил бы, что такое может быть на самом деле, если бы не увидел своими глазами. Один из наших парашютистов взмахнул своим пистолетом-пулеметом и отбил гранату в сторону бельгийцев, словно теннисный мячик. Через секунду прогремел взрыв. Наши воспользовались замешательством врага и швырнули в бельгийцев еще несколько гранат. А еще через несколько секунд мы ворвались в их помещение, не переставая вести огонь из пистолетов-пулеметов.

Защитники форта отступали. Один из них убил нашего парашютиста, выстрелив из винтовки ему прямо в грудь. Расстояние составляло всего несколько шагов, и попасть здесь было немудрено. В ответ я тут же срезал бельгийца короткой очередью.

Мы продолжали продвигаться вперед. Распахнув очередную дверь, мы оказались на открытом пространстве. Прямо перед нами находился бетонный дот, в котором было оборудовано пулеметное гнездо.

Бельгийские пулеметчики тут же открыли по нам огонь. Однако мы сразу заняли недоступные для их огня позиции, и ни один из нас не был даже ранен. Пули рикошетили совсем

рядом с нами. С других концов форта также без конца раздавались очереди, взрывы и крики. Кажется, весь Эбен-Эмаэль к этому моменту превратился в сплошную зону боевых действий. В воздухе пахло гарью, стоял дым, и было трудно что-либо разглядеть на расстоянии более десяти метров.

Я достал свою снайперскую винтовку. То же самое сделал и Зоммер. Выстрелив почти одновременно, мы сразу уничтожили двоих пулеметчиков. Другие ребята из нашей группы тут же воспользовались тем, что пулеметный огонь замолк, и швырнули в направлении дота пару гранат. Одна из них взорвалась совсем рядом с огневой щелью. Но двое других парашютистов на всякий случай решили забросить гранаты еще и внутрь дота. Они закричали нам с Зоммером:

– Прикройте! – и устремились к доту.

Мы навели свои прицелы точно на огневую щель. Вскоре туда влетели гранаты парашютистов. Раздался сильный взрыв. Теперь мы могли быть уверены, что дот обезврежен.

Однако сразу за дотом находилось еще одно из строений форта. В его стальной двери была небольшая огневая щель, через которую бельгийцы стреляли по нам из винтовок.

Почти не целясь, я выстрелил туда. Я наверняка попал в кого-то из противников, и огонь на секунду стих. Этого было достаточно, чтобы к двери подбежал наш огнеметчик. Из его ствола вырвалась огненная струя, и мы слышали крики и вой бельгийцев. Из щели повалил черный дым.

Еще один парашютист тут же установил на дверь 12,5-килограммовый кумулятивный заряд. Мы все отскочили к укрытиям. Раздался взрыв. Тут же, не теряя ни секунды, мы все устремились внутрь этого строения.

Коридор был весь наполнен убитыми и умирающими бельгийскими солдатами. Некоторые из них продолжали тихо выть и стонать. На всякий случай мы добили их очередями из наших пистолетов-пулеметов.

Коридор заканчивался еще одной стальной дверью со смотровой щелью. Но из нее никто не пытался вести по нам огонь. Подскочив к двери, я увидел убегающих противников и тут же открыл по ним огонь из своего МР-38 прямо через щель, стреляя на уровне груди убежавших. Они с криками начали падать.

К моему удивлению, оказалось, что они убегали в такой панике, что даже не заперли дверь. Ее быстро распахнул тот самый парашютист, который до этого, как теннисной ракеткой, отбил своим пистолетом-пулеметом бельгийскую гранату. Он швырнул внутрь гранату и тут же захлопнул дверь. Я отскочил за угол. Раздался взрыв.

После этого мы устремились вперед. Вскоре мы снова оказались в узком коридоре, спускавшемся вниз. Там мы наткнулись на двух бельгийцев, поджидавших нас за углом. Но наши пули опередили их. Что ж, мне начинал нравиться мой МР-38 – это было замечательное оружие для ближнего боя в подобных ситуациях.

На следующем этаже мы соединились с еще одной группой парашютистов, которые прорывались в следующее помещение, но им мешал плотный огонь бельгийцев. В нашей небольшой группе еще оставалось достаточное количество гранат, и мы забросали бельгийцев гранатами. После этого мы ворвались туда. Часть врагов обратилась в бегство, остальных мы быстро уничтожили в коротком бою, после которого лишь один из наших ребят был ранен.

Многие из нас после этого позволили себе расслабиться на несколько секунд. Это едва не стоило жизни парашютисту, отбившему гранату, как теннисный мяч. Я внезапно увидел, как один из бельгийцев, казавшийся убитым, вдруг наставил на него свой пистолет. Однако моя очередь раздалась прежде, чем он нажал на спусковой крючок.

– Спасибо, – сказал мне парашютист, которому я спас жизнь.

Его лицо на мгновение побледнело. Наверное, он подумал о том, что только что мог умереть. А через миг мы все уже побежали дальше, продолжая штурмовать форт.

Каковы же были результаты наших действий к этому моменту? Только за первые пятнадцать минут боя группе «Гранит» удалось уничтожить 7 казематов и 14 орудий. Когда через 25 минут после начала атаки к форту прилетели наши пикирующие бомбардировщики, они увидели над большинством целей германские флаги, говорившие о том, что эти объекты уже взяты. В результате бомбардировщики смогли сосредоточить свой удар на казематах, прикрывавших огнем противотанковый ров.

Единственный пункт операции, который мы не смогли выполнить сразу, это уничтожение башни со 122-миллиметровыми орудиями. Дело в том, что ответственная за это группа как раз находилась в одном из не долетевших до форта планеров. Соответственно, перед нами встала задача вывести башню из строя своими силами. Однако к этому моменту у нас уже закончились 50-килограммовые кумулятивные заряды.

Но, так или иначе, всего за час мы добились того, что уничтожили основную часть орудий форта и существенная часть его территории перешла под наш контроль.

Около восьми утра к нам прибыл планер с обер-лейтенантом Витцигом, который сразу принял командование нашей группой.

А вскоре мы получили новые боеприпасы и смогли наконец обезвредить башню со 122-миллиметровыми орудиями. Боеприпасы, а в том числе и заряды, нам сбросили в парашютных контейнерах бомбардировщики Хе-111. Правда, надо сказать, что мы уничтожили не все 75-миллиметровые орудия гарнизона (уничтожение некоторых из них не было нашей приоритетной задачей), и они начали обстреливать территорию форта картечью. Соответственно, сбор парашютных контейнеров являлся очень опасным. А у нас уже были убитые и раненые. На счету был каждый человек. Несколько из парашютистов сразу вызвались добровольцами, но командир принял решение поручить сбор контейнеров бельгийцам, которых мы уже успели захватить в плен.

Когда они собирали контейнеры, мы постоянно держали их на прицеле. Впрочем, никто из них и не попытался сбежать. При этом мы надеялись, что гарнизон форта не будет вести огонь по своим. Однако только на моих глазах двое бельгийцев были ранены картечью.

Наше положение было очень рискованным. Придя в себя после неожиданного нападения, гарнизон форта предпринял против нас контратаку. Мы оборонялись, заняв позиции в защитных сооружениях форта. Бельгийцы были вооружены винтовками. Мы удерживали их продвижение огнем пулеметов и пистолетов-пулеметов. Но у нас не было бесконечных боеприпасов, а они обладали десятикратным численным превосходством. Впрочем, во время боя я, к счастью, не задумывался об этом. Иначе бы я испугался, начал действовать неправильно и наверняка поймал бы вражескую пулю. Но инстинкт выживания заставил меня думать только о том, что было важно в тот момент. И я стрелял из своего МР-38, стараясь не подпустить бельгийцев близко. И они испугались первыми, и их контратака провалилась.

Тем не менее наша штурмовая группа по-прежнему находилась на волосок от гибели. В окрестности форта была стянута артиллерия бельгийских частей. Орудия противника беспрестанно вели огонь по занятой нами части форта. Впоследствии в одном из источников я нашел цифру: оказывается, бельгийцы выпустили по нам в тот день более двух тысяч снарядов.

В 11 часов утра нас должны были сменить 51-й саперный батальон и 151-й пехотный полк. Но из-за того, что бельгийцы взорвали мосты через реку Маас, наши части в этот день так и не подошли к форту.

– Будет чудом, если нас не атакуют бельгийские части, стянутые к форту, – сказал мне Зоммер.

К этому моменту я сам уже понимал, что мне вряд ли суждено вернуться домой живым. Впрочем, у меня за плечами было немало боев. И я мыслил уже не так, как раньше. Мне было до безумия жалко, что я погибну вот так и что не увижу больше ни Ингрид, ни Курта... Но, кроме этого, я испытывал дикую злость и поэтому собирался сделать все от меня зависящее, чтобы враг заплатил максимальную цену за наши жизни.

– Будет чудом, если я заберу с собой на тот свет меньше десяти бельгийцев, – ответил я Зоммеру, мрачно усмехнувшись.

Он похлопал меня по плечу:

– Наши части должны подойти хотя бы к ночи. А до ночи мы как-нибудь продержимся.

Ребята из Люфтваффе очень здорово помогли нам в этой ситуации. Они периодически прилетали и бомбили бельгийские войска, стянутые к форту. Однако впереди нас ждала тревожная, очень беспокойная ночь. Немецкие войска, которые должны были прийти к нам на помощь, подошли к форту только ранним утром следующего дня. Как я узнал впоследствии, против нас действительно готовилась атака силами пехотной дивизии, занимавшей позиции возле Эбен-Эмаэля. Однако она не состоялась. Бельгийцы попросту не были готовы к решительным действиям в случае войны.

С появлением немецких саперов и пехотного полка наша миссия фактически завершилась. Теперь нам были уже не страшны атаки противника. Мы позволили себе немного расслабиться. Нам захотелось разговаривать друг с другом, ведь мы только что совершили невозможное. Силами крохотной горстки людей мы фактически взяли штурмом самый неприступный европейский форт и смогли удерживать его целые сутки. Но, что самое главное, мы выжили.

– Давай знакомиться, – Зоммер подошел к парашютисту, который вчера отбил бельгийскую гранату, словно теннисный мяч.

Поясню: как я уже говорил, секретность во время подготовки операции доходила до абсурда. И, будучи новичками в группе, мы с Зоммером действительно не знали по именам всех членов нашей группы.

Нашего нового приятеля звали Конрадом. Он еще раз поблагодарил меня за то, что я спас ему жизнь.

– Ты тоже, скорее всего, спас жизни кого-то из нас, когда отбил ту гранату, – ответил я. – Кстати, как тебе это удалось?

– У меня это как-то автоматически получилось. Наверное, реакция выработалась. Я до армии, еще в школе, разными видами спорта занимался.

– А какими видами?

– Да многими. Но прежде всего футболом и борьбой. Девчонки ведь особенно любят борцов и футболистов...

Мы все улыбнулись, а Зоммер расхохотался:

– Конрад, не говори о девчонках при Гюнтере. Он женат, и у него уже есть ребенок!

Теперь уже и Конрад захохотал вместе с Зоммером.

– А что не так с тем, что я женат? – спросил я, невольно начиная смеяться вместе с ними.

– Ничего! – хором ответили Зоммер и Конрад.

Мы все трое хохотали до слез. Наверное, в этой сцене не было ничего особенно смешного. Но после того, что мы пережили, наша реакция была вполне естественной. Нам просто нужно было разрядиться от накопившихся эмоций.

Примерно в полдень гарнизон Эбен-Эмаэля официально капитулировал. К этому моменту форт уже был окружен нашей пехотой. Потери нашей штурмовой группы составили всего шесть человек убитыми и около двадцати ранеными, причем некоторые из них

были ранены даже не противником, а в результате не слишком удачного приземления наших транспортных планеров.

К этому моменту три другие штурмовые группы Коха захватили важные переправы, необходимые для продвижения войск Вермахта. Война с Бельгией обещала быть победоносной, и все получилось именно так.

20 мая мы узнали, что танковые части Гейнца Гудериана дошли до Атлантического побережья, отрезав огромную армию из французских и британских солдат от их складов и путей снабжения.

Несмотря на несколько последующих контратак, германская армия смогла удержать в боях свои позиции, и 28 мая Бельгия капитулировала.

С падением Бельгии наши войска смогли обрушить все свои силы на Францию. 12 июня германские части вошли в Париж, и уже 25 июня Франция признала свое поражение. Ее оккупировали немецкие войска. Весь мир был поражен случившимся. Я сам был удивлен, что наша армия смогла так быстро добиться успеха. Впрочем, война уже успела изменить меня. Я совершенно не сочувствовал поверженным французам. Я стал солдатом в полном смысле этого слова. Я понял: для того чтобы выжить, врагов нужно считать врагами вне зависимости от обстоятельств. У нас не было выбора. По крайней мере, лично у меня было уверенное ощущение: либо Германия победит в развязавшейся огромной войне, либо погибнет.

Последующие девять месяцев были для Вермахта относительно спокойными. Война с Британией велась преимущественно силами Люфтваффе, и пехота здесь мало чем могла быть полезна.

Гитлер был крайне доволен нашей операцией по штурму Эбен-Эмаэля. Он лично встретился с нашей штурмовой группой, произнес короткую речь. Он был превосходным оратором. Я всегда относился скептически к нацистской идеологии, но, увидев Гитлера вживую, еще несколько дней оставался под его обаянием. Позднее в воспоминаниях людей, приближенных к фюреру, я не раз читал, что от него буквально исходила какая-то энергия, заставлявшая верить каждому его слову. И это было действительно так. Вся наша группа испытала это на себе.

После выступления Гитлер беседовал с нашими офицерами. Через некоторое время мне довелось увидеть пропагандистскую фотографию. На ней были запечатлены вместе фюрер, лейтенант Мейсснер, обер-лейтенант Цирах и капитан Вальтер Кох.

Мы все были награждены за штурм Эбен-Эмаэля. Я был удостоен Железного креста второго класса. Но, что самое главное, каждый из нас получил месячный отпуск.

Дома я словно оказался в другом мире, который снова был для меня чужим. Но я уже знал, что делать: я помогал матери и Ингрид выпекать хлеб и играл со своим сынишкой Куртом. Ему было уже два года, он умел говорить массу слов. Но мне особенно нравилось, как он произносит слово «папа» – с особенным чувством, не так, как другие слова. Но потом мне стало грустно, когда я подумал: а может, он произносит это слово иначе, чем остальные, потому что не до конца верит, что этот малознакомый человек и есть его папа, и боится, что я недолго пробуду с ним? Между тем мой отпуск действительно подходил к концу.

В последнюю неделю Ингрид однажды спросила меня:

– Как думаешь, это надолго?

– Что ты имеешь в виду? – спросил я.

– Твоя служба. Когда ты вернешься домой?

– Когда мы победим.

– Но мы ведь уже победили Францию.

– Да, но теперь нам осталось победить Британию. Это будет скоро, я уверен в этом. –

Я начал целовать Ингрид, чтобы она перестала думать о плохом.

Надо сказать, я и сам тогда верил в победу Германии. К тому же я был призван на четыре года и уже успел отслужить большую половину этого срока.

Когда я возвращался на базу, на этот раз мне было особенно тоскливо ехать в поезде. Впрочем, интенсивные тренировки помогали мне меньше думать о доме. Мы прыгали с парашютом не меньше раза в неделю, а на стрелковый полигон ходили почти каждый день.

В выходной день мы получили увольнения, и Зоммер с Конрадом вытащили меня с собой в пивную. Мы неплохо выпили и даже пели песни. На обратном пути в казарму будущее представлялось нам если и не радужным, то вполне сносным. Однако судьба уже готовила нам новые опасные испытания.

Глава шестая. Операция «Меркурий»: вторжение на Крит

В начале апреля 1941 года войска Вермахта вошли в Югославию. Прежде чем немецкая армия успела до конца занять эту страну, германские войска также атаковали Грецию, оборону которой осуществляли как греки, так и британские части. Югославия капитулировала 14 апреля, а Греция сумела продержаться до 30 апреля. За время этих двух операций погибло менее двух тысяч германских солдат. Масштаб боев был значительно меньшим, чем в Польше и в Западной Европе.

Тем не менее контроль Германии над Грецией не означал контроля над Восточным Средиземноморьем, поскольку остров Крит оставался в руках англичан. Крит имел огромное стратегическое значение и являлся естественным плацдармом для возможного вторжения наших противников на Балканы. Так, остров являлся важной морской и авиационной базой союзников, что создавало постоянную угрозу странам Оси, и в частности нефтяным промыслам Плоешти.

Однако флот Германии не располагал достаточными силами для высадки морского десанта, поскольку британские корабли полностью контролировали прибрежные воды. В результате германское командование решило использовать для взятия Крита именно нас, парашютистов. Это было нестандартным и очень смелым ходом. В мировой практике прежде не было случая применения столь масштабного воздушного десанта.

Таким образом, еще до окончания боевых действий в Греции нас начали готовить к операции по захвату Крита, которая получила кодовое имя «Меркурий».

План операции был разработан генералом Куртом Штудентом. Итоговый вариант этого плана подразумевал захват аэродромов силами 7-й парашютной дивизии и переброску 5-й горнострелковой дивизии. Общая численность этих двух дивизий была около 23 тысяч человек. Из них 10 тысяч должны были высадиться на остров, прыгая с парашютов, 750 человек – доставлены планерами, а еще 7000 – средствами германского флота. Воздушная поддержка операции была возложена на 8-ю армию Люфтваффе, в которой было 280 горизонтальных бомбардировщиков и по 150 пикирующих бомбардировщиков и истребителей.

По подсчетам немецкого командования, нашим силам должно было противостоять 25–30 тысяч бойцов противника. Однако, как оказалось впоследствии, Крит защищали 15 тысяч британских солдат, 7 тысяч австралийских и почти столько же новозеландских бойцов, около 12 тысяч солдат регулярной греческой армии, а кроме того, еще несколько тысяч местных партизан и ополченцев. Таким образом, нашему десанту пришлось действовать при двукратном численном превосходстве противника. В который раз от парашютистов требовалось совершить невозможное.

Ночью 20 мая мы прибыли на аэродром. Нам предстояло прыгать на остров с парашютом. И это особенно беспокоило нас с Зоммером. Из-за особенностей конструкции немецких парашютов мы не могли прыгать вместе со своими винтовками. Они просто зацепились бы за стропы во время прыжка. Именно поэтому основная часть оружия парашютистов и сбрасывалась в специальных контейнерах. Сначала я как раз и думал положить свою винтовку в контейнер. Но Зоммер отговорил меня.

– Во-первых, ты не можешь быть уверен, что оптический прицел не повредится при падении, – сказал мне он. – Во-вторых, даже если он и останется цел, он все равно наверняка собьется, и винтовку, так или иначе, придется пристреливать по-новой. А в-третьих, ты уверен, что приземлишься именно рядом со своим контейнером?

– Но что же делать? – спросил я.

– Брать прицел с собой, а потом крепить его к первой же попавшейся винтовке и пристреливать во время боя.

Эта перспектива меня не радовала. Но других вариантов не было. Пожалуй, мы с Зоммером даже немного завидовали Конраду, который специализировался на ближних боях и предпочитал орудовать MP-38 и гранатами. При этом пистолет-пулемет MP-38 имел то преимущество, что его можно было закрепить под подвесной системой парашюта и прыгать вместе с ним. Поэтому мы с Зоммером также взяли с собой по пистолету-пулемету. Тем более что я уже успел убедиться, что MP-38 является великолепным дополнением к снайперской винтовке.

Операция началась с бомбардировки острова нашими тяжелыми бомбардировщиками. После этого на рассвете на остров была высажена первая волна парашютистов. Защитники Крита начали обстреливать их, когда они еще были в воздухе. Сразу после этого завязался кровопролитный бой. Очень многие из ребят погибли.

Мы с Зоммером и Конрадом, к счастью, попали во вторую волну десанта. Нас должны были сбросить немного западнее города Малеме. От нас требовалось взять одноименный аэродром.

Мы погрузились в один из пятидесяти подготовленных к вылету «Юнкерсов». В каждый самолет помещалось по взводу из двадцати парашютистов.

В «Юнкерсе» не было иллюминаторов, в которые мы могли бы смотреть во время полета, и мы просто смотрели себе под ноги. Я достал свой медальон. Я всегда старался хотя бы мельком взглянуть на фотографии Ингрид и Курта перед боем. Это было моим талисманом.

С самого начала полета мы почти не разговаривали между собой. Каждый был сосредоточенным, погруженным в свои мысли. Тем не менее мы были оптимистами: мы верили, что сможем выполнить поставленную задачу, и надеялись, что почти никто из нас не погибнет. Мы еще не знали, что угодим в ловушку. Британцы заранее знали о нашей операции и хорошо подготовились к ней. На их стороне было численное превосходство, а кроме того, их флот был готов к тому, чтобы не подпустить к острову германские корабли, которые должны были доставить значительную часть наших войск и тяжелые орудия, жизненно необходимые для операции.

Однообразный рев моторов убаюкивал и одновременно давил на нервы. Один из наших запел «Песню парашютистов». От маршевого ритма песни на душе становилось легче, а ее слова отражали именно то, что мы чувствовали в тот момент.

Красное солнце горит. Будь готов!
Суждено ль нам увидеть его завтра вновь?
Друг, не робей и мотор пробуждай.
И стартуй, и скорей бить врагов вылетай!
Припев: Все по машинам! Все по машинам!
Друг, нам нет уже пути назад!
Тучи черные скопились на востоке.
Вперед! Не робей, вперед!
С ревом моторов на миг мы взгрустнем,
Вспоминая о близких и доме своем.
Вскоре мы весело прыгнем с бортов,
Чтоб обрушиться прямо на наших врагов.
Мы прыгнем с неба! Мы прыгнем с неба!
Друг, нам нет уже пути назад!
Тучи черные скопились на востоке.

*Вперед! Не робей, вперед!
Нас очень мало, дика наша кровь,
Не пугает нас смерть, не боимся врагов.
Голос Германии в нашей груди,
Пусть мы голову сложим, но мы победим!
В ружье, товарищ! В ружье, товарищ!
Друг, нам нет уже пути назад!
Тучи черные скопились на востоке.
Вперед! Не робей, вперед!¹*

Мы допели песню, но потом снова повисло молчание. Вскоре мы уже подлетали к острову. Нам стал слышен грохот орудий и пулеметные очереди. Один из взрывов прогремел совсем рядом с нашим «Юнкерсом», и нам стало понятно, что нас обстреливают из зенитных орудий. Уверен, многие из нас в этот момент начали молиться про себя. Наш самолет вполне мог рухнуть в Средиземное море, так и не долетев до цели.

Наконец нам отдали команду готовиться к прыжку. Мы выстроились вдоль фюзеляжа и прикрепили карабины наших парашютов к специальной продольной балке. Мы с Зоммером пожали друг другу руки, пробормотав:

– До встречи на земле. – Нормально произнести слова нам мешали концы вытяжных фалов наших парашютов, которые мы должны были держать в зубах.

Конрад стоял позади нас, и мы тоже обменялись рукопожатиями, повторив те же самые слова.

Вскоре один за одним мы начали выпрыгивать из «Юнкерса». Я прыгнул сразу вслед за Зоммером, а за мной должен был прыгать Конрад.

Это очень страшное ощущение, когда ты прыгаешь вниз головой, а вокруг тебя взрываются снаряды и воздух наполнен пулями. Но вот мой парашют раскрылся. Мне нужно было положиться на волю судьбы, сосредоточиться и осмотреться. Город Маламе виднелся внизу в нескольких километрах к востоку от места, куда мы должны были приземлиться. Откуда-то снизу по нам, находящимся в воздухе парашютистам, вели огонь тяжелые пулеметы. В воздухе то и дело мелькали огоньки трассирующих пуль. Некоторые из них пролетали всего в нескольких метрах от меня. А ведь патроны с трассирующими пулями если и вставлялись в пулеметные ленты, то через несколько обычных патронов. Таким образом, в воздухе пролетало гораздо больше пуль, чем можно было увидеть.

Затем я увидел, как один из наших парашютистов безжизненно повис на своем парашюте, изрешеченный очередью. Потом еще один и еще один... После разрыва очередного снаряда я увидел, как один из наших транспортных «Юнкерсов» начал падать, охваченный пламенем. У меня сдали нервы, я начал молиться и едва успел правильно сгруппироваться в момент приземления, так что едва не подвернул ногу. Из-за этого я не успел сразу погасить свой парашют, и он протащил меня несколько метров, пока один из приземлившихся немного раньше парашютистов не навалился на его купол.

Я начал избавляться от парашюта, но у меня никак не получалось отстегнуть его: пальцы не слушались меня. Неожиданно ко мне подскочил Зоммер. Он с силой тряхнул меня:

– Гюнтер, не паникуй! Сукин сын, ты же сам нарвешься на пулю, если будешь паниковать!

¹ Автор цитирует здесь песню «Fallschirmjagerlied», слова и музыка которой были написаны в 1938 году Фридрихом Шефером (Friedrich Schäfer). В годы войны эта песня в Германии печаталась даже на открытках. Автор литературного перевода с немецкого, выполненного с сохранением оригинального ритма, – Максим Свириденков.

Это отрезвило меня. Отцепив от себя парашют, я вместе с Зоммером поспешил к контейнерам с оружием. На наше счастье, мы приземлились за холмом, куда практически не долетали пули противника, и поэтому мы достигли контейнера со стрелковым оружием без приключений. Мы сразу же взяли себе по карабину K98k, но решили не тратить время на установку прицела, а сделать это позднее. Повесив карабины на плечо, мы устремились к контейнеру с боеприпасами. Надо сказать, что здесь нам было относительно легко ориентироваться, поскольку для обозначения содержимого контейнеров использовались парашюты разных цветов. Замечу также, что среди оружия, которое мы получили для этой операции, в контейнерах были и ручные пулеметы MG-34 (по одному на отделение). Кроме того, для восполнения недостатка в тяжелом вооружении у нас были 75-миллиметровые безоткатные орудия LG-40. Они весили всего 130 килограммов, то есть в десять раз меньше, чем полевые 75-миллиметровые орудия, а дальность их стрельбы при этом была меньше лишь на треть.

Между тем все новые и новые парашютисты приземлялись вокруг нас. Так же как и мы, они спешили к контейнерам, чтобы вооружиться. Немало было и тех, кому повезло меньше, чем нам: они приземлились с другой стороны холма, которая обстреливалась противником. Некоторые из них не успели даже добежать до контейнеров. Когда приземлилась вся наша группа, стало ясно, что примерно половина ее бойцов погибла при высадке десанта. Тем не менее нам было некогда задумываться об этом. Мы спешно начали продвигаться к аэродрому.

Когда мы продвинулись примерно на километр, нас буквально оглушил грохот боя. Мы увидели небольшую группу немецких парашютистов. Это были немногие уцелевшие из первой волны десанта, высадившегося в этом районе. По ним вели огонь несколько сотен солдат союзников, засевших в траншеях на соседнем холме. Вся территория вокруг была буквально усеяна мертвыми парашютистами.

Мы начали осторожно приближаться к своим, ведя непрерывный огонь в сторону противника. Но ситуация была не в нашу пользу. У врага были хорошо укрепленные позиции, а мы могли использовать как прикрытия только неровности местности. Однако вскоре в небе появились немецкие пикирующие бомбардировщики. Они сбросили несколько бомб на холм, занятый противником. От оглушительного грохота взрывов у меня буквально закладывало уши. Некоторые из бомб взрывались всего в нескольких десятках метров от наших позиций.

Эта короткая бомбардировка внесла некоторую панику в ряды противника. В результате мы смогли подобраться почти вплотную к холму. Тем не менее наши враги не собирались отступать. Бой продолжался. Мы с Зоммером получили приказ уничтожать с дальнего расстояния артиллеристов и снайперов противника. Нам предоставили полную свободу действий. Это обнадеживало. Теперь мы могли не только лучше позаботиться о собственных шкурах, но и принести больше пользы в ходе атаки.

Мы с Зоммером решили держаться вместе. Мы нашли удобную позицию и начали рыть для себя небольшой окоп. Примерно в ста шагах от нас рухнул и взорвался снаряд. Это заставило нас работать быстрее.

Вскоре наш окоп был готов. Мы установили оптические прицелы на свои винтовки, заняли позиции и открыли огонь по холму. Там было так много целей, что нам даже не требовались наводчики.

Посмотрев через оптический прицел, я увидел несколько голов британских и новозеландских солдат, засевших в окопах. Несколько из них были вооружены пулеметами, а у одного даже была винтовка с оптическим прицелом. Я уже навел на него перекрестие своего прицела, но вдруг услышал выстрел Зоммера, за которым последовала ругань:

– Черт бы побрал эту непристрелянную винтовку!

Я тут же нажал на спусковой крючок, но тоже промахнулся. Для снайпера нет ничего хуже, чем работать с оружием, которое он еще не успел пристрелять. Нас спасло только то, что вражеский снайпер, видимо, был новичком. С третьей попытки я приловчился к новой винтовке, и моя пуля попала точно в него. Впрочем, на секунду раньше в голову британского снайпера также вошла пуля Зоммера.

– Давай, я буду стрелять по целям с левой стороны холма, а ты с правой, – предложил я ему.

– Пойдет, – ответил он и тут же снова нажал на спусковой крючок.

Я тоже нашел очередную цель. Это был новозеландский пулеметчик. Его позиция была защищена мешками, наполненными песком. Однако его голова была отлично видна. Я выстрелил, но мне показалось, что моя пуля лишь ударилась о край его каски. «Черт бы побрал эту непристрелянную винтовку!» – повторил я про себя слова Зоммера. Тем не менее пулеметчик все равно повалился на землю. Возможно, он был просто испуган или контужен. На его место тут же подскочил другой солдат. Но, прежде чем он успел открыть огонь, я всадил в него пулю. На этот раз она вошла точно в середину лица.

Я снова быстро передернул затвор. К пулемету подлетел третий солдат. К своему удивлению, я попал ему точно в глаз. Когда пуля попала в солдата, его буквально отбросило назад. Что ж, значит, к любой винтовке можно привыкнуть.

Я подождал еще с полминуты, но к пулемету больше никто не подходил. Тогда я стал искать другую цель. В мой прицел попала позиция минометчиков. Их было практически не видно за мешками с песком. Зато их наводчик беззаботно высунул голову с биноклем. Я выстрелил. Моя пуля пробила кисть его руки, державшей бинокль, и вошла в голову. Однако сами минометчики были невредимы, и миномет выпустил очередную мину. Я ждал, что хотя бы одному из минометчиков достанет глупости высунуть голову. Так и произошло, и моя пуля попала ему в лицо. Однако другой минометчик был умнее. Он продолжал вести огонь, совершенно не высываясь из-за мешков. Я ничего не мог с этим поделать.

После этого я уничтожил еще четверых пулеметчиков. У меня не осталось серьезных целей, и я начал вести огонь по обычным стрелкам. Уничтожив четверых из них, я вдруг увидел еще одного снайпера. Вместе с ним был наводчик, бинокль которого был направлен прямо на нашу снайперскую позицию. Меня прошиб холодный пот. Но я не растерялся и тут же выстрелил в голову снайперу. Моя пуля вошла в нее чуть выше подбородка. Наводчик, кажется, не успел понять, что произошло. Он продолжал смотреть в бинокль. Я быстро передернул затвор и выстрелил в него.

Убив наводчика, я на короткий промежуток времени перестал стрелять и опустился в окоп, чтобы хоть немного прийти в себя.

– Что-то не так? – услышал я голос Зоммера.

– Нас только что заметил британский снайпер. У него был наводчик. Я убил обоих.

– Значит, это был хороший наводчик. Но, боюсь, нам все равно пора уносить свои задницы отсюда. Мы засиделись на одном месте.

– Да, пора менять позицию, – согласился я.

Неподалеку от нас, примерно в трехстах метрах от холма, занятого союзниками, находилась небольшая оливковая роща. Она была несколько ближе к позициям врага, чем нам хотелось бы. Но зато в ее сторону совершенно не велся огонь, и там мы могли хоть как-то замаскироваться.

Мы вырыли новый небольшой окоп и накрыли его оливковыми ветками, чтобы он был не слишком заметен. Разместившись в нем, мы заметили, что к этому моменту солдаты союзников уже старались особо не высывать свои головы из окопов. Все-таки наши парашютисты задали им жару!

Внезапно в центре немецких позиций взорвался очередной артиллерийский снаряд. Мы с Зоммером начали просматривать позиции противника, но так и не нашли орудие, которое выпустило этот снаряд.

Однако мы увидели четыре британских танка, двигавшихся с востока на окопы наших парашютистов. Танки сопровождало около сотни пехотинцев. Приблизившись к позициям парашютистов, танки начали палить из пушек и пулеметов. Наши ребята открыли ответный огонь. По танкам тут же ударили наши орудия LG-40. Видимо, они уже были установлены на позиции для отражения танковой атаки. Вскоре два танка, шедших впереди, загорелись. Остальные два начали отступать вместе с пехотой. Британская артиллерия усилила огонь, помогая их отступлению. К сожалению, их орудия находились где-то за пределами нашей видимости. Поэтому мы с Зоммером смогли убить лишь нескольких из отступавших пехотинцев. А два британских танка благополучно отошли.

В нашем втором окопе мы пробыли еще несколько часов, уничтожив за это время около полутора десятка солдат противника и четверых пулеметчиков. Вскоре начало темнеть.

Ночь оказалась ненамного более спокойной, чем день. Периодически раздавались взрывы снарядов и мин, выпущенных из минометов. То и дело раздавались выстрелы, причем зачастую нельзя было понять, кто стреляет и откуда.

Каждый шорох казался мне подозрительным. Несколько раз у меня создавалось ощущение, что кто-то ползет к нашему окопу. Заснуть в такой ситуации было невозможно. Чтобы не быть застигнутыми врасплох, мы с Зоммером решили не прекращать наблюдение.

Несколько раз мы стреляли на огоньки сигарет, возникавшие на холме. После каждого такого выстрела мы сразу забивались в свой окоп, поскольку британцы, как правило, замечали вспышки на концах наших стволов и открывали ответный огонь в нашу сторону. После того как это случилось в третий раз, мы решили, что больше не стоит рисковать. В конце концов, по нам могла ударить и артиллерия.

– Приляг хотя бы на час. Я буду наблюдать один, – сказал мне Зоммер.

Я улегся на дно окопа, положив рядом с собой свой MP-38. В случае если бы к нам внезапно подобрался враг, от него могло быть больше толку, чем от карабина.

Однако тишину то и дело нарушали выстрелы и взрывы. В результате я просто не смог заснуть под их шум из-за накопившегося за день нервного напряжения.

– Макс, – я назвал Зоммера по имени (в последнее время я часто называл его так, когда мы разговаривали о чем-то личном). – Что ты вообще думаешь об этой войне?

– Трудно сказать. – Зоммер спустился в окоп и закурил сигару из своего армейского рациона. Он курил, держа ее у самого дна окопа, чтобы огонек на конце сигары не мог быть виден противнику.

Я глубоко вздохнул:

– Лучше бы в моей жизни никогда ничего этого не было.

– Но оно уже есть, – усмехнулся Зоммер. – И, наверное, без войны с Польшей нельзя было обойтись. А уж Судеты мы тем более должны были присоединить к Германии. Ну а Франция и Британия нам сами объявили войну.

– Да, выбора здесь не было, – согласился я.

Слова Зоммера утешали. Он верил в то, о чем говорил. Да я и сам почти научился мыслить так же. Солдату просто необходимо верить в то, что он воюет за правое дело. Тогда у него больше шансов выжить.

– А на кой черт все это было надо британцам? – спросил я Зоммера. – Неужели они думают, что смогут победить Германию?

– Возможно, они попытаются втянуть в войну американцев. Англичане всегда во все втягивают американцев.

– Макс, тебе приходилось воевать с американцами в Первую мировую?

– Ага, приходилось, – Зоммер устало зевнул. – На Западном фронте мы все уже устали от боев – и мы, и французы. И тут на нас обрушились свежие американские войска. Нам не удалось отбросить их назад.

– На твоём снайперском счету есть американцы? – задал я вопрос и тут же понял, насколько он нелеп, учитывая навыки Зоммера.

– Ты ещё спрашиваешь! – усмехнулся он в ответ. – Кстати, у них были хорошие снайперы. Один из них убил моего товарища...

Повисло молчание. Я подумал о том, что мой отец погиб именно на Западном фронте. Кто знает, может, его убил не француз, а американец...

– Я слышал, что американцы сейчас уже не те, – сказал Зоммер. – Скорее всего, они не захотят отрывать задницы от своих диванов. Но в любом случае мы победим. Гитлер знает, что делает, он же австриец.

– Да, австрийцы толковые люди, если они все такие, как ты, – я похлопал Зоммера по плечу. – Наш фюрер не может ошибаться.

Произнеся последнюю фразу, я сам удивился тому, что говорю эти слова. Всего год назад они показались бы мне пустым пропагандистским лозунгом. А теперь мне так хотелось в них поверить. По крайней мере, это оправдало бы все то, что происходит вокруг.

Вскоре Зоммер спросил, готов ли я понаблюдать пару часов в одиночестве, пока он вздремнет. Мне совершенно не хотелось спать, и я согласился. В отличие от меня, Зоммер заснул сразу. Примерно через два или два с половиной часа он проснулся сам, хотя я его и не будил.

– Надо и тебе немного поспать, – сказал он мне. – Иначе завтра от тебя не будет толка в бою.

К своему удивлению, я уснул почти сразу, как только лег на дно окопа. Ночь прошла для нас относительно спокойно: враги не атаковали нас и рядом с нашим окопом не разорвалось ни одного снаряда.

Как только начало светать, мы увидели немецкого связного, который пытался найти нашу позицию. Зоммер окликнул его, и он побежал к нам. Связной выглядел очень запыхавшимся. Видимо, ему пришлось проделать немалый путь, прежде чем он нашел нас.

Связной сообщил нам, что примерно через час остальные парашютисты начнут штурм холма, а мы, как снайперы, должны сделать все возможное, чтобы помочь их продвижению.

– Какова вообще ситуация? – спросил Зоммер.

– Дело дрянь, – ответил связной. – Командир нашей части погиб вчера, второй по рангу офицер серьезно ранен. Поэтому командование осуществляет лейтенант. Простых солдат вообще погибло больше половины.

– А никто не знает, где находится это чертово орудие, которое долбит по нам? – спросил я.

– Оно где-то позади холма, – ответил связной, – но где именно – этого нам так и не удалось определить. Когда в воздухе появляются наши бомбардировщики, британцы прячут свою пушку.

– Вот черти! – ругнулся Зоммер.

– Скольких врагов вы уже уничтожили? – спросил связной.

– Не меньше полусотни на двоих, – ответил я.

Глаза связного округлились:

– Неужели на самом деле так много?

– Да, – подтвердил Зоммер. – Прежде всего мы постарались уничтожить всех пулеметчиков, которые были в нашей огневой зоне.

– Мужики, ну вы даете! Это очень хорошо, – связной приободрился. – Мы должны любой ценой взять сегодня этот проклятый холм. Иначе мы погибнем.

– Почему? – спросил я.

– Это господствующая высота перед аэродромом. Нам нужны пополнения, боеприпасы и артиллерийские орудия. Их смогут доставить нам, только если мы возьмем аэродром.

– А как насчет нашего десанта с моря? – спросил Зоммер. – Нам говорили, что с моря высадутся два полнокровных батальона.

– На них напал английский флот, – ответил связной. – Из ребят мало кто уцелел. Но наша авиация отомстила британцам. Когда они уже уходили, наши пикирующие бомбардировщики как следует отбомбились по английскому флоту. Говорят, что помимо прочих кораблей удалось потопить целых два британских крейсера.

– Ясно, – мрачно ответил Зоммер. – Значит, нам придется взять этот чертов аэродром сегодня.

Связной побежал к следующей траншее, в которой сидели парашютисты. Она находилась в нескольких десятках метров от нас. По нему сразу же открыли огонь с холма, но он успел добежать и нырнуть в траншею.

Я был ошарашен услышанным. Зоммер похлопал меня по плечу:

– Гюнтер, мы обязательно возьмем аэродром, – сказал он. – Сейчас не время впадать в уныние. Мы должны поддержать атаку.

– Все нормально, я просто не ожидал, что мы окажемся в таком сложном положении, – ответил я.

– Нам пора сменить позицию, – сказал Зоммер. – Когда связной убежал отсюда, британцы наверняка заметили примерное расположение нашего окопа. Если с этой стороны по ним начнет работать снайпер, они смогут довольно точно обстрелять нас в ответ.

Мы быстро выбрали новую позицию за зарослями кустарника и вырыли там очередной окоп. После этого мы начали искать подходящие цели. Сегодня британцы вели себя уже осторожно и старались не высовывать головы из окопов. Я заметил торчавший из окопа перископ. Солдат, смотревший через него, мог наблюдать за нашими позициями, оставаясь в глубине траншеи. Я не мог достать его своей пулей, и тогда, хорошо прицелившись, я выстрелил в перископ. Если память не изменяет мне, я попал с первого раза. После этого перископ был уже, мягко говоря, непригоден для наблюдения. Думаю, что и хитрец, решивший им воспользоваться, здорово перепугался в тот момент, когда моя пуля попала в перископ.

Через несколько минут после этого наши начали обстрел холма из пулеметов и орудий LG-40. Это было подготовкой перед штурмом. Наши противники забились в свои окопы. Тогда парашютисты начали ползком продвигаться к холму.

Я увидел, как один из британцев высунулся из траншеи, чтобы посмотреть, что происходит. Я прицелился в него и выстрелил, но в последний момент он повернул голову, чтобы посмотреть в другую сторону, и моя пуля пробила ему нос, но, кажется, не вошла в череп. Тем не менее я представляю, как он заорал от боли. Впрочем, мне его криков было не слышно из-за грохота боя.

Парашютисты были уже на расстоянии броска гранаты от передовых позиций противника. И, естественно, немецкие гранаты тут же полетели во вражеские окопы. Мы с Зоммером старались поразить как можно больше британцев, высовывавшихся из окопов и открывавших огонь по нашим товарищам.

– Гюнтер, посмотри на верхние траншеи! – услышал я голос Зоммера.

Я перевел туда свой прицел и увидел, как трое солдат союзников одновременно высунулись из своего окопа. У двоих из них в руках были винтовки, а у третьего – граната. Я тут же выстрелил в голову одному из стрелков, в то время как Зоммер поразил бойца с гранатой. Третий стрелок тут же нырнул в траншею, прежде чем мы с Зоммером успели передернуть затворы. Я в течение примерно половины минуты продолжал держать на прицеле его окоп,

надеясь, что вражеский стрелок снова высунет голову. Но он не спешил это сделать, и я начал искать новую цель.

Между тем наши бойцы продолжали штурмовать холм, поднимаясь все выше и выше по его склону. Мы с Зоммером уничтожали все новых и новых противников, пытавшихся помешать продвижению парашютистов. В это время на пляж, находившийся позади нас, рухнуло три немецких транспортных планера. Я заметил их только краем глаза, но не придал им особого значения. Однако, как оказалось впоследствии, именно эти планеры были нагружены боеприпасами, столь необходимыми нашим войскам, штурмующим холм.

Минут через десять-двадцать в небе возникло еще около сотни планеров. Они приземлялись в нескольких сотнях метров к востоку от холма, на котором укрепились союзники. На борту каждого из планеров было по десять парашютистов. Таким образом, к нам были заброшены дополнительные силы в тысячу бойцов. Правда, к месту посадки планеров также были стянуты силы союзников, и практически сразу нам стали слышны звуки боя, доносившиеся оттуда.

К двум часам дня солдаты союзников, занимавшие ту часть холма, которая просматривалась мной и Зоммером, начали отступать. Во время отступления многие из них были убиты или ранены, поскольку, стоило им только покинуть окопы, в их сторону тут же летели немецкие пули. Я сам убил троих солдат противника, когда они пытались перебежать через вершину холма. Думаю, что Зоммеру удалось подстрелить их раза в полтора-два больше.

Парашютисты, приземлившись к востоку от холма, теперь уже достигли его и тоже поднимались к вершине, вытесняя противника. Британцам и новозеландцам не оставалось ничего иного, кроме как отступать под нашим натиском.

Вскоре мы с Зоммером увидели связного, появившегося возле нашего прежнего окопа.

– Иди и скажи этому идиоту, где мы находимся! – буркнул Зоммер.

Бой к этому моменту уже переместился на другую сторону холма, и я согнувшись побежал к связному. Это было почти неопасно, тем более что меня прикрывал Зоммер с его наметанным снайперским глазом.

Я объяснил связному, что после его прошлого появления нам пришлось сменить позицию. Когда мы с ним запрыгнули в окоп, Зоммер сразу спросил связного:

– Какие новости?

– Мы контролируем весь холм. Лейтенант хочет, чтобы вы заняли позиции на вершине холма. Оттуда вы сможете простреливать аэродром и окружающую территорию.

Оказавшись на вершине холма, мы с Зоммером увидели, что аэродром уже захвачен и на его взлетно-посадочную полосу приземляется первый «Юнкерс-52». Во время его приземления и высадки солдат по ним безостановочно вели огонь вражеские орудия и пулеметы, находившиеся за аэродромом. Как я узнал впоследствии, на самолетах к нам перебрасывалось пополнение из бойцов 5-й горнострелковой дивизии. Вместе со свежими силами «Юнкерсы» также доставили на аэродром несколько 105-миллиметровых артиллерийских орудий и 75-миллиметровых чехословацких противотанковых орудий. Все это очень здорово подняло боевой дух наших измотанных парашютистов.

На холме мы с Зоммером разместились в одном из окопов, оставленных солдатами союзников. Чтобы максимально обезопасить себя, со стороны аэродрома мы уложили рядом с окопом несколько мешков с песком. После этого каждый из нас начал просматривать местность с помощью бинокля. Всего за несколько минут мы обнаружили несколько пулеметных гнезд противника и двух снайперов. Последние были заняты стрельбой по нашим бойцам, высаживавшимся из самолетов, и, очевидно, не заметили нас. Тем не менее мы с Зоммером не стали искушать судьбу и, выстрелив почти одновременно, уничтожили каждый по вражескому снайперу. После этого мы принялись за пулеметчиков. Они также были заняты веде-

нием огня по аэродрому и не подозревали, что их расстреляют с холма. Поэтому мы покончили с ними без особых проблем.

И вдруг в мешок с песком рядом с головой Зоммера врезалась пуля. Он сразу же понял, откуда она была выпущена, и сделал ответный выстрел.

– Черт возьми, промахнулся! – ругнулся Зоммер, вжимаясь в окоп.

Я последовал его примеру. Было ясно, что против нас действовал снайпер, достаточно опытный, чтобы заметить нашу позицию.

– Этому сукину сыну повезло! – криво усмехнулся Зоммер. – Он нырнул в свой окоп практически в тот же миг, как я нажал на спусковой крючок.

– Он умеет маскироваться, раз мы его не заметили сразу, – сказал я.

– Да, и он теперь наверняка сменил позицию. Впрочем, он вряд ли переместился далеко.

– Он ждет, пока кто-нибудь из нас высунет голову?

– Наверняка. Но мы его обманем.

Зоммер сказал мне осторожно приподнять свою каску, надев ее на пехотную лопатку.

Как только я это сделал, чуть ниже моей каски тут же просвистела пуля, пробив насквозь черенок лопатки. В ту же секунду раздался выстрел Зоммера.

– Отлично, я попал ему в глаз! Мы покончили с ним. – Зоммер, улыбнувшись, посмотрел на меня.

После этого мы стали вести себя осторожнее и сразу переместились в другой окоп. Зоммер решил, что до этого нас, скорее всего, выдали солнечные блики от оптического прицела. И на этот раз мы выбрали позицию, выходящую на восточную сторону холма. Теперь нас не могли выдать солнечные лучи, а кроме того, мы вставили в маскировочные сетки, прикрепленные к нашим каскам, по несколько оливковых ветвей, что позволило нам практически полностью слиться с окружающим пейзажем.

Расположившись на новом месте, мы заметили еще несколько пулеметных гнезд. Когда мы расправились с пулеметчиками, наша работа была, по сути, окончена.

Всю вторую половину дня 5-я горнострелковая дивизия была занята высадкой на остров и перегруппировкой. Ее командир генерал-майор Юлиус Рингель взял на себя руководство основной ударной группой. Обо всем этом мы с Зоммером узнали от Конрада, который присоединился к нам ближе к вечеру.

Как оказалось, Конрад тоже провел ужасную ночь. Один из снарядов взорвался всего в пяти метрах от его окопа, и если бы Конрад не лежал на дне траншеи в момент падения снаряда, он вряд ли сумел бы снова разговаривать с нами. Кроме того, британские снайперы поначалу успели уничтожить нескольких из его товарищей. Но вскоре снайперы противника перестали вести огонь. Возможно, в этом была и наша заслуга, ведь мы с Зоммером уничтожили нескольких вражеских снайперов.

В свою очередь, мы рассказали Конраду о том, что уничтожили изрядное количество пулеметчиков противника.

– Да, пулеметчики вели по нам не слишком интенсивный огонь. Я рад, что здесь не обошлось без вас, – улыбнулся Конрад.

Мы разговаривали, сидя в окопе. Через некоторое время выстрелы и очереди начали раздаваться чаще.

– Кажется, британцы снова проснулись, – сказал я.

– Конрад, хочешь побыть нашим наводчиком? – спросил Зоммер.

Конрад тут же взял в руки бинокль. Всего за час он помог нам обнаружить еще одного снайпера и несколько пулеметчиков.

Когда интенсивность огня противника значительно уменьшилась, Конрад восторженно воскликнул:

– Черт возьми, я просто нахожу цели, а вы нажимаете на спусковой крючок – и очередной враг перестает стрелять! – Он был в восторге.

Вслед за его репликой в ста метрах от нас раздался взрыв очередного британского снаряда.

– Твою мать, и где только эти недоноски прячут свои орудия? – ругнулся Зоммер.

К наступлению темноты весь холм был занят горными стрелками-парашютистами. Со стороны аэродрома было оборудовано особенно много пулеметных гнезд. Мы основательно подготовились на случай внезапной атаки противника. Что характерно, при этом у нас не было времени, чтобы убрать все трупы союзников, валявшиеся на холме, и многие из них так и остались лежать среди наших позиций.

Нам предстояла очередная не слишком спокойная ночь. Когда стемнело, мы с Зоммером сумели подстрелить нескольких неосторожных солдат противника, целясь на огонек их сигарет.

Через некоторое время я поужинал сухим пайком и ощутил непреодолимое желание спать. Конрад и Зоммер после еды также почувствовали, насколько они устали после предыдущей почти бессонной ночи. Вокруг нас находились позиции, занятые своими. Были выставлены часовые, которые должны были дежурить всю ночь. Поэтому мы могли себе позволить немного поспать, и каждый из нас проспал до рассвета.

Рано утром нас разбудил очередной связной:

– Это вы сержант Зоммер?

– Да, я, – ответил Зоммер.

– Мне приказано сопроводить вас и снайперов, которые будут с вами, в штаб генерала Рингеля.

– А что от нас хотят?

– Вы будете сопровождать батальон горных стрелков. Они должны атаковать с фланга артиллерию противника. Все остальное узнаете на месте.

Вместе с Зоммером и Конрадом я начал спускаться с холма следом за связным. В одном из зданий захваченного аэродрома нас встретил штабной офицер. Он объяснил нам, что снайперы 5-й горнострелковой дивизии еще достаточно неопытны, в то время как наши успехи уже у многих на слуху. Соответственно, мы с Зоммером должны были сопровождать батальон, перед которым стояла задача перейти через горы и атаковать с фланга войска союзников.

– Вот видишь, что бывает, когда ты выполняешь свою работу слишком хорошо, – ухмыльнулся Зоммер, как только ушел офицер.

Вернувшись, штабной офицер показал нам карту юго-восточной части гор и посвятил нас в ряд деталей стоящей перед нами задачи. Британская пехота окопалась между Малеме и Канией. Позади пехоты располагалась артиллерия, которую и должен был уничтожить батальон 5-й горнострелковой дивизии, перейдя через горы. Воспользовавшись ситуацией, мы настояли на том, чтобы взять с собой Конрада в качестве наводчика.

Перед заданием мы впервые с момента высадки на остров получили горячую еду. Также мы смогли пополнить свои сухие пайки. В том числе нам было выдано по упаковке леденцов, по две сигары и по семь патронов. И кроме того, мы смогли наполнить свои фляжки чистой водой.

Примерно через час мы были уже возле горы, откуда начинался наш маршрут, и приступили к подъему. Эта гора была достаточно пологой, чтобы мы могли двигаться без особых проблем. Но примерно через час нас атаковали. Один из горных стрелков рухнул, сраженный пулей, которая попала ему в грудь.

Мы тут же залегли, прячась за горные выступы, которые могли нам дать хоть какую-то защиту от противника, явно находившегося над нами. Конрад достал свой бинокль и посмотрел вверх.

– Там вверху человек со снайперской винтовкой, – сказал Конрад мне с Зоммером. – На нем гражданская одежда.

Когда он заканчивал произносить эту фразу, наши с Зоммером карабины уже были наведены на цель. Мы выстрелили практически одновременно, и вражеский снайпер рухнул назад сразу с двумя дырами в голове. Его винтовка, ударяясь о скалы, полетела вниз.

– Это был партизан, – сказал Зоммер. – В партизанах самое поганое, что с виду это обычные гражданские жители. Они всегда стараются напасть на тебя неожиданно.

Мы продолжали подъем в течение еще нескольких часов. Поднявшись на высоту около полутора километров над уровнем моря, мы уже не могли быть видны солдатам союзников, находившимся внизу. Перед нами как на ладони была значительная часть острова. Только с востока наш обзор закрывали горы. Высота гор, расположенных в центре острова, казалась нам просто невероятной.

Стояла страшная жара, градусов под сорок. Большинство бойцов, в том числе и мы втроем, сняли свои полевые куртки, обмотали ими свои головы, чтобы защитить их от солнца. Свои каски мы сняли еще до этого, поскольку, раскалившись на солнце, они буквально обжигали голову.

С наступлением ночи батальон разбил лагерь на достаточно плоском участке склона горы. К этому времени температура воздуха начала стремительно снижаться. Тем не менее мы не рискнули разводить костры. Мы опасались, что нас могут атаковать партизаны или авиация противника, хотя, надо сказать, нам так и не пришлось столкнуться с ней в течение Критской операции. Чтобы хоть как-то согреться, я спал, свернувшись калачиком. Откровенно говоря, это была далеко не самая комфортная ночь в моей жизни.

В течение ночи сквозь сон я слышал отзвуки взрывов снарядов и бомб, доносившихся откуда-то снизу. Атакуя позиции союзников, наши бомбардировщики сбрасывали на них огромные 500-килограммовые бомбы, и грохот их взрывов доносился, наверное, до самых высоких горных вершин.

На рассвете мы продолжили свой путь через горы. И снова стояла страшная жара. В наших фляжках практически не осталось воды.

Незадолго до полудня мы заметили водопад. Мы повернули к нему, чтобы набрать воды. Холодная вода была изумительной на вкус. Я разом выпил целую фляжку. Мы окунали в водопад свои головы, мы смеялись. Это было чем-то завораживающим: смотреть на поток воды, льющийся откуда-то сверху. Глядя на водопад, я даже на несколько мгновений забыл о войне.

Но нам нужно было продолжать двигаться к намеченной цели. Вынув документы из карманов своей куртки, я намочил ее в водопаде и обвязал ею голову. После этого солнце перестало казаться мне таким палящим.

Командир батальона принял решение перебираться на соседнюю гору прямо через водопад, поскольку для этого нам нужно было перепрыгнуть всего каких-то полтора метра. Это было совершенно несложно, но, конечно, многие при этом испытывали страх, ведь в случае неудачного прыжка ты неминуемо разбился бы о скалы.

Тем не менее мы все благополучно перебрались через водопад. Правда, несколько солдат умудрились едва не сорваться вниз, но их тут же подхватывали товарищи, и поэтому ни с кем из них не случилось ничего страшного. На то, чтобы весь батальон перебрался через водопад, ушло около часа.

Мы продвигались очень медленно, поскольку нам приходилось шагать по узкому каменистому пути. При этом мы даже обвязались веревками, которые были в экипировке горных

стрелков. Привязанные друг к другу, мы могли быть уверены, что, если один из нас сорвется вниз, другие смогут его удержать.

Через пару часов мы наткнулись на изуродованные тела двух немецких парашютистов. Их головы были отрезаны и лежали рядом. В телах было по несколько пулевых отверстий. Эти парашютисты, вероятно, приземлились в центральной части острова и пытались добраться до своих в районе Малеме. Но кто мог сделать с ними такое?

Этот вопрос задавал себе каждый из нас. И вдруг на нас обрушились винтовочные выстрелы. Нас атаковало около двадцати партизан, которые прятались за скалами, нависавшими высоко над нашими головами. Несколько горных стрелков сразу же были убиты или ранены. Остальные пытались найти хоть какое-то укрытие от пуль и начали вести ответный огонь.

Мы с Зоммером немедленно вскинули свои винтовки и стали стрелять в партизан. Несмотря на то что они прятались за скалами, для таких снайперов, как мы, эти партизаны были легкой целью. Нам с Зоммером удалось уничтожить по четыре-пять партизан, остальные соображали, что происходит, пока мы меняли магазины, и скрылись прочь.

К этому моменту около десятка горных стрелков были тяжело ранены. Некоторые из них стонали. Вокруг них сразу засуетились медики. А взвод стрелков полез вверх по склону, чтобы убедиться, что партизаны действительно бежали. Вскоре ребята из этого взвода бодро прокричали нам, что возле скал остались только тела, а остальные партизаны, видимо, умчались со всех ног.

– Нам все равно следует оставаться настороже, – сказал Зоммер и повесил свою винтовку на плечо.

После этого он помолчал еще немного и разразился бранью. Мы с Конрадом удивленно уставились на него.

– Я только что подстрелил женщину и мальчишку, – сказал Зоммер.

– Что ты имеешь в виду? – не понял я.

– Гюнтер, среди партизан, которых я убил, были одна женщина и подросток.

Я вздрогнул от мысли, что я, возможно, тоже убил подростка или женщину. В суматохе боя после неожиданного нападения партизан я целился так быстро, что даже не разглядывал лица своих жертв. Что ж, я был рад, что не отправился вместе со взводом стрелков посмотреть на партизан. Через пару минут Зоммер снова выглядел спокойным. Он больше не заговаривал о происшедшем.

Тела убитых нам пришлось оставить, а тяжелораненых мы понесли с собой. Мы двигались вперед до наступления темноты. Все бойцы постоянно были начеку, но партизаны больше не нападали на нас. Единственной серьезной проблемой была по-прежнему нестерпимая жара. Тем более что нам приходилось расходовать свою воду крайне экономно.

Продвижение по узким горным тропам в темноте было слишком опасным, и мы разбили лагерь. После утреннего нападения партизан мы решили окопаться на ночь. Но в той части гор, где мы находились, это было невозможно. И нам не осталось ничего, кроме как выбрать для своего лагеря площадку, более-менее защищенную скалистыми выступами. Эта ночь выдалась еще более холодной, чем предыдущая. А когда я проснулся утром, у меня было такое ощущение, будто я спал на голых камнях. Впрочем, по сути, именно так и было.

Весь следующий день у нас ушел на то, чтобы подобраться с тыла к позициям британской артиллерии. Нам были отчетливо слышны орудийные выстрелы, и, ориентируясь на них, мы смогли установить расположение орудий. В конце командир батальона принял решение о том, что мы должны отдохнуть и начать атаку утром.

На следующий день, 25 мая, мы заняли позицию на господствующей высоте над британскими траншеями. Вскоре мы разглядели окопы, замаскированные камуфляжной сеткой.

Внимательно приглядываясь к ним и прислушиваясь к грохоту орудий, мы вскоре убедились в верности нашей догадки: британская артиллерия была расположена именно там.

Перед атакой Зоммеру было поручено проинструктировать взвод снайперов, входивший в батальон горных стрелков. Практически все снайперы во взводе были совершенными новичками. Зоммер объяснил им, как лучше выбрать себе укрытия в данной ситуации и по каким целям вести огонь в первую очередь. Больше он ничего не мог сделать для них за столь короткое время. Было ясно, что не все из них останутся в живых после боя.

В батальоне также было несколько минометчиков. Они установили свои 80-миллиметровые минометы, направив их на позиции британской артиллерии. Наши пулеметчики также разместились, чтобы максимально эффективно перекрывать огнем поле боя.

По сигналу командира батальона началась атака. Мы все открыли огонь практически одновременно. На британские позиции, находившиеся внизу, обрушился град пулеметных очередей, винтовочных пуль и мин, выпущенных из минометов. Нам полностью удалось заставить противника врасплох. Несколько британцев даже стояли в очереди возле полевой кухни, выстроившись, чтобы получить завтрак. Именно в этот момент их и скосили пулеметные очереди.

Снайперы горнострелкового взвода открыли огонь по пулеметчикам врага. Мы с Зоммером в это время выискивали британских снайперов и уничтожали их своими меткими выстрелами. Ближайшая британская траншея находилась менее чем в пятистах метрах от нас. Наши позиции возвышались примерно на сто метров над позициями врага. Благодаря этому окопы не давали достаточной защиты солдатам противника. Более того, мешки с песком, выложенные для дополнительной защиты окопов, находились преимущественно с западной стороны, откуда британцы и ожидали возможную атаку.

Мины, выпущенные из минометов, обрушились на траншеи, в которых располагались орудия противника. По артиллеристам вели огонь немецкие пулеметчики. При этом начали разлетаться в щепки деревянные опоры, на которых держалась камуфляжная сетка, маскировавшая орудия. И вскоре они нам стали прекрасно видны. Что характерно, ни одно из этих орудий так и не было развернуто в нашу сторону, чтобы открыть по нам ответный огонь.

Британцы несли огромные потери, но они продолжали сражаться. Их тяжелые пулеметы вели огонь по позициям нашего батальона. Мы с Зоммером старались уничтожать вражеских пулеметчиков так быстро, насколько это было в наших силах. Конрад держал в руках бинокль и помогал нам находить цели.

Другие наши снайперы также вели огонь по пулеметчикам. Но далеко не все выстрелы новичков были удачными. А через некоторое время один из них, находившийся в пяти метрах от нас, вдруг рухнул с дырой в голове. Следом за ним точным выстрелом в грудь был убит еще один. Он еще дергался в агонии, но было видно, что ему уже не помочь. Остальные молодые снайперы растерялись и перестали стрелять.

– Вашу мать, продолжайте сражаться! – заорал на них Зоммер. – Вас перестреляют, если будете распускать нюни!

Словно в подтверждение его слов, пуля британского снайпера вошла в голову еще одному из наших новичков.

Но на этот раз я точно засек позицию британского снайпера. Он находился с самого края длинной траншеи, расположенной в четырехстах метрах от нас. Я навел туда прицел и стал ждать, пока он высунет хотя бы край головы. Сам я при этом старался как можно меньше высовываться из окопа.

Однако британец перехитрил меня. И примерно через полминуты ствол его винтовки вдруг высунулся с противоположного края траншеи. Возможно, он целился в меня. Но выстрелить он не успел. Пуля Зоммера опередила его. Несколько новичков увидели, как

Зоммер уничтожил вражеского снайпера. Это воодушевило их, они заставили себя собраться и продолжили вести огонь.

Все вокруг были измазаны грязью, а зачастую еще и кровью – своей и чужой. Сквозь грохот боя то и дело становились различимы крики и стоны. Я старался передергивать затвор как можно быстрее и искал все новых и новых вражеских пулеметчиков. При этом, куда бы я ни посмотрел через свой прицел, я постоянно видел мертвых и умирающих британских солдат.

Внезапно в нескольких метрах от нас взорвалась очередная мина, выпущенная из миномета. Один из осколков ударился о мою каску так, что у меня зазвенело в ушах. Но, к счастью, этот осколок был уже на излете, и моя каска выдержала удар. Я ощупал свою голову и лицо. Крови не было. У меня болела голова, но гораздо меньше, чем порою бывало наутро после посещения пивной с Зоммером и Конрадом. Нужно было продолжать сражаться.

– Найди мне минометчиков! – закричал я Конраду.

– Постараюсь, – ответил он.

Мы оба просматривали местность. Я увидел еще одного пулеметчика и выстрелил в него. Пулемет замолчал. А через миг я услышал радостный возглас Конрада:

– Вот они, твари, за джипом! – он указал мне рукой.

Оторвав взгляд от прицела, я увидел английский джип, на который указывал Конрад. Наведя туда свой оптический прицел, я увидел прямо за джипом две пары минометчиков, которые вели огонь по нашим позициям.

В ту же секунду я подстрелил одного из заряжающих. У его напарника сдали нервы, и он бросился бежать, но моя следующая пуля его опередила. Зато двое других минометчиков не растерялись и залегли за джипом. Оттуда мне их было не достать. Я наудачу выстрелил по джипу. Надо сказать, это только в фильмах так бывает, чтобы машина взорвалась, когда в нее попадет пуля. Еще если ты трассирующей стреляешь и попадешь точно в бензобак, то машина может взорваться. А иначе у тебя никаких шансов подорвать машину. Однако моя пуля, видимо, напугала одного из минометчиков. От страха он сделал глупость и ринулся бежать. Как только он оказался в зоне моей видимости, я выстрелил ему в туловище. Точно не знаю, убил я его или ранил. А вот четвертый минометчик оказался умнее. Он оставался за джипом, и его я достать не смог. Впрочем, самое главное, что они перестали стрелять по нам из минометов.

– Посмотри, танк! – услышал я голос Конрада.

– Там еще и пулеметчики засели, черт бы их побрал! – ругнулся Зоммер.

Танк стоял в окопе, края которого были обложены мешками с песком. Позиции пулеметчиков находились позади. Их траншея также была обложена мешками с песком. Она находилась метрах в пятистах от нас, и нам были видны только стволы пулеметов. Мы с Зоммером смирились с тем, что не можем уничтожить танк из своих винтовок, и стали ждать, пока хоть один из пулеметчиков высунет голову. Не знаю, как это удалось тем пулеметчикам, но они засекли нас раньше, чем мы успели подстрелить кого-то из них. Их пулеметы начали стрелять в сторону нашей позиции, а вслед за этим по нам ударила танковая пушка.

Мы только чудом успели залечь на дно окопа. Мы были целы, но слышали, как совсем рядом рикошетят пулеметные пули, и никто из нас троих не решался поднять голову. Так продолжалось несколько минут. А потом мы услышали сильный взрыв. Вслед за этим стало тихо, и я выглянул наружу. Оказалось, взорвался боекомплект британского танка. Скорее всего, в него попала мина, выпущенная одним из наших минометов. Видимо, она угодила как раз в боекомплект, раз он сдетонировал. Остов танка горел, пулеметчики, которые прятались за танком, больше не стреляли. Скорее всего, мало кто из них уцелел. Эффект от этого внезапного взрыва был таким, что почти все на несколько секунд прекратили огонь. И тут я услышал крики наших офицеров, они орали приказ командира батальона:

– Отходим в горы!

Это было верным решением. Несмотря на успех нашей атаки, на стороне союзников оставался значительный численный перевес. К тому же из наших очень многие уже погибли. Мы отступали, оставляя их тела, забирая только половинки опознавательных медальонов. Британцы стреляли нам вслед, но их огонь был не слишком эффективным, и мы потеряли при отступлении всего несколько человек. Мы с Конрадом и Зоммером достигли безопасного места невредимыми.

Каким был итог боя? Нашей группе так или иначе удалось выполнить стоявшую перед нами задачу. Мы уничтожили британскую артиллерию. И теперь те из нас, кто остался жив, заслужили хотя бы короткий отдых.

Выбрав подходящее место, я с Конрадом и Зоммером уселся на землю. Мы были насквозь мокрыми от пота и поспешили снять с себя рубашки. Солнце палило нещадно. Я сделал жадный глоток из фляжки, а потом вылил себе на голову небольшое количество воды и растер ее по волосам. От этого стало немного легче.

В животе у нас уже урчало, и мы достали свои сухие пайки. Так сделали и многие другие парашютисты, разместившиеся поблизости. Поев, я пересчитал про себя ребят из взвода снайперов. Уцелеть удалось только половине взвода.

Примерно через час нам стал отчетливо слышен доносившийся издалека грохот артиллерийских орудий и разрывы бомб. Подошедший к нам сержант сообщил приказ командира батальона. Как только остальная часть дивизии достигнет пляжа, простиравшегося внизу, мы должны были присоединиться к атаке против войск союзников, расположившихся на подступах к Канин.

Впрочем, мы уже знали по опыту, что наши войска вряд ли продвинутся к пляжу слишком быстро. Поэтому части солдат было приказано вырыть небольшие траншеи на подступах к нашему лагерю на случай неожиданной атаки со стороны британцев или местных партизан.

Зоммер сказал, что нам также следует вырыть окоп для себя. Нам с Конрадом это казалось излишней предосторожностью, но мы верили опыту Зоммера и взялись за дело, хотя и с некоторой неохотой. Почва на горе была довольно твердой, а мы были измотаны недавним боем, добавьте к этому ужасную жару. Мы все измокли, пока вырыли окоп. Вряд ли ошибусь, если скажу, что при этом мы с Конрадом оба про себя на чем свет стоит честили Зоммера.

Весь остаток дня вплоть до наступления темноты грохот боя постепенно приближался, но наши товарищи так и не вышли к пляжу. Наши товарищи продвигались даже медленнее, чем мы ожидали. Союзники, несмотря на потерю артиллерии, располагали достаточными силами и отчаянно сражались.

К вечеру жара начала понемногу спадать. Конрад раздобыл где-то игральные карты. Он предложил нам с Зоммером сыграть в Скат². Когда мы играли, к нам подошел один из офицеров из командования батальона. Мы встали перед ним и салютовали.

– Вольно, – сразу сказал он. – Мужики, вы сегодня сделали большое дело. Я очень доволен, что вы действовали вместе с нашей частью.

– Рады стараться, господин лейтенант, – ответил Зоммер.

Лейтенант пожал руку каждому из нас.

– Надо, чтобы кто-нибудь из вас дал мне урок стрельбы, когда окончится эта война, – улыбнулся он. – Мне это пригодится на охоте.

– Всегда готов, если вы будете ставить пиво, – пошутил я.

Мы все вчетвером дружно расхохотались.

² Национальная карточная игра Германии. – Прим. пер.

Когда лейтенант ушел, мы сыграли еще разок, а потом улеглись спать в своем окопе. Ночь снова выдалась холодной, и мы лежали вплотную друг к другу, чтобы хоть как-то согреться в нашей не слишком теплой униформе.

На рассвете мы услышали, что артиллерийские снаряды взрываются уже немного ближе, но все еще на достаточном отдалении. Нашим товарищам требовалось продвинуться еще на значительное расстояние, чтобы достигнуть пляжа.

Мы позавтракали остатками сухого пайка. Свой пакет с леденцами я сохранил, на случай если совсем проголодаюсь. Кроме того, мне пришла в голову счастливая идея, и я обменял две своих сигары на часть сухого пайка одного из горных стрелков. Таким образом, у меня оставалось еще немного дополнительной еды, а сигары мне все равно были без надобности, я не курил.

Конрад в отличие от меня расставаться со своими сигарами не собирался.

– А все-таки командованию следовало бы выдать нам дополнительный паек перед отправкой на эту операцию, – ворчал он.

– Конечно, следовало бы, – согласился я. – Но кто же знал, что все так затянется?

– Но, даже голодные, мы должны сделать все, чтобы победить здесь. – Зоммер посмотрел на нас с заговорщическим видом. – Знаете почему?

– Почему? – спросили мы разом.

– Потому что с Крита британцы могут добраться до румынской нефти. А без этой нефти нам будет тяжело воевать с Британией.

Что ж, Зоммер знал больше нашего. Он дружил с некоторыми офицерами. И теперь нам стало ясно, почему нам так нужно взять Крит. «Значит, мы захватим этот остров любой ценой», – сказал себе я. Мне было понятно, что серьезная война с Британией неизбежна, а Крит, по сути, был ее началом.

К полудню немецкие войска так и не достигли пляжа. Ожидание давило на меня. Когда ждешь боя – это всегда очень тяжело в эмоциональном плане, тебя мучает тревога. А вот когда начинается бой, там ты уже действуешь, там бояться некогда.

Единственное, что было приятным, это то, что в небе появились тучи. Жара спала, и вскоре пошел небольшой дождь. Мы все были рады ему, но он быстро прошел.

Около часа дня в небе появились немецкие бомбардировщики «Дорнье». Многие из наших начали радостно махать руками пилотам.

– Наверное, они нам сбросят еду и боеприпасы, – предположил Конрад.

И действительно, с самолетов полетели контейнеры. По крайней мере, мы не ожидали, что это может быть чем-то другим, кроме контейнеров.

– Ну, я же говорил тебе, – восторженно сказал Конрад.

И вдруг мне показалась, что контейнеры выглядят иначе. А еще через несколько секунд первый «контейнер» ударился о землю и взорвался. Это были бомбы! Они начали взрываться в противоположном конце лагеря. Взрыв был настолько сильным, что я отчетливо почувствовал, как задрожала земля у меня под ногами. Уже от первых взрывов сразу погибло не менее десяти солдат.

Со всех сторон начали раздаваться крики:

– В укрытие!

Я с Зоммером и Конрадом тут же запрыгнул в свой окоп. Голова Конрада была серьезно оцарапана осколком. Мы с Зоммером тут же перебинтовали его.

Бомбардировщики между тем развернулись и начали делать новый заход на лагерь.

– Черт возьми, надо пустить сигнальную ракету, чтобы они поняли: мы свои! – закричал Зоммер.

Несомненно, эта мысль пришла в голову не ему одному. И буквально через секунду в воздух взмыло сразу несколько сигнальных ракет. Однако самолеты проигнорировали наши сигналы и продолжили бомбардировку.

– Что они делают, они сошли с ума? – закричал я, стараясь переорать грохот взрывающихся бомб.

– Они, наверное, приняли нас за британцев! – так же громко заорал мне в ответ Зоммер.

Мы вжимались в окоп, на каждом из нас были надеты каски. Я молился, чтобы в наш окоп не упала бомба.

После разрыва очередной бомбы меня охватила злость, и я взял в руки свою снайперскую винтовку. Зоммер положил руку на ее ствол:

– Гюнтер, убери ее! Ты не должен стрелять по ним.

– Почему нет?

– Это только убедит этих придурков в том, что мы враги. Наш единственный шанс уцелеть в том, чтобы они разобрались.

Я снова вжался в окоп. Еще одна бомба взорвалась на территории нашего лагеря неподалеку от нас. С краев окопа на нас посыпалась земля. Мои зубы ударились друг об друга, и я начал ощупывать языком, все ли они на месте. В состоянии шока я посмотрел вверх и увидел лежавшую рядом с нашим окопом голову горного стрелка. Высунувшись, я увидел, что его оставшееся без головы тело лежало рядом с находившимся неподалеку окопом, превратившимся в воронку. Бомба угодила прямо туда, и взрывная волна выбросила тело.

У меня случилась истерика, я заплакал. Зоммер втащил меня на дно окопа. Бомбардировка продолжалась более получаса. После этого самолеты улетели обратно на север, откуда они и появились.

К этому моменту я уже пришел в себя. Мы с Зоммером вылезли из окопа и стали помогать медикам перетаскивать тела раненых и убитых. Мы узнали, что окоп, в котором находилась радиостанция, получил прямое попадание. Пилотам махали несколькими германскими флагами, но они так и не заметили их. У всех нас было подавленное настроение, каждый в открытую говорил о некомпетентности тех, кто направил на нас бомбардировщики. Даже офицеры были злы на командование как черти!

Мы с Зоммером подошли к восемнадцатилетнему пареньку из горных стрелков, который был ранен. В результате авианалета этот солдат лишился одного глаза.

Зоммер попытался утешить его:

– Ты вернешься домой, парень. Тебе повезло, ты остался жив.

Паренек только стонал в ответ. Видимо, ему было нестерпимо больно.

А я вдруг вздрогнул, подумав о том, что было бы, если б я сам вернулся домой с одним глазом, или без руки, или без ноги. Был бы я нужен Ингрид в этом случае? Наверное, да. Но все-таки я стал бы обузой для нее. Я заставил себя не думать об этом.

Через некоторое время внизу завязался бой: наши товарищи достигли пляжа. И мы получили приказ выступать в атаку.

Мы спустились вниз на свои прежние позиции, с которых мы отступили во время предыдущего боя. Оттуда нам были уже видны наступающие немецкие войска. Они были всего в нескольких сотнях метров от нас. Немецкие пехотинцы непрерывно вели огонь, забрасывали гранаты в британские окопы и постепенно занимали их один за другим. Германская артиллерия непрерывно работала по остаткам британских войск. Многие из солдат союзников начали отступать.

Несколько секунд я просто осматривался по сторонам. За это время я стал свидетелем того, как в один из окопов, куда британцы сложили своих умирающих товарищей, упала немецкая мина. Почти все сразу погибли. Между тем немецкие бойцы, находившиеся на

пляже, увидев нас, усилили мощь своего наступления. Мы, снайперы, немедленно открыли огонь по противнику. Тем более что теперь нам противостояли уже значительно меньшие силы, чем днем раньше. Наши пулеметчики и простые стрелки к этому моменту также открыли огонь.

Потребовалось всего около часа, и все войска союзников, защищавшие Канию, были уничтожены, взяты в плен или спаслись бегством. Впрочем, спастись бегством удалось немногим.

Все поле боя было усеяно трупами. Мы спустились с горы с основными силами 5-й горнострелковой дивизии. Город Кания был захвачен нами.

После этого горные стрелки, совершавшие переход через горы, получили небольшую передышку и, что самое главное, горячую еду. Медицинский взвод тут же занялся ранеными. Для их размещения был организован временный госпиталь в одном из больших складских строений в пригороде Кании.

Ранение Конрада оказалось легким, и мы вместе с ним и Зоммером вернулись в свою часть. Многие жители к этому моменту покинули свои дома, и мы разместились в одном из пустых домов вместе с ребятами из нашей роты. Там мы рассказали сослуживцам о нашем переходе через горы, о столкновениях с партизанами и о том, как нас атаковали немецкие бомбардировщики. В свою очередь, мы узнали о том, что осуществленное нами уничтожение британской артиллерии серьезно помогло продвижению наших войск. Таким образом, обходной маневр через горы оказался блестящей тактической задумкой, которая помогла значительно снизить потери и способствовала более скорому взятию Кании.

Наутро мы втроем как участники перехода через горы получили двойные рационы. Это было весьма кстати, учитывая накопившийся у нас голод.

5-я горнострелковая дивизия была разделена на две части. Одна половина ее сил была направлена на восток, к Ретимо. Другая половина – на юг, к Сфакии. Перед каждой частью дивизии стояла задача выдворить с Крита остатки британских войск. Нам, парашютистам, было приказано двигаться вместе с группой, направленной на восток.

Мы передвигались вдоль подножия гор. Море находилось на севере в нескольких километрах от нас. Мы преследовали отступающую британскую пехоту.

Через некоторое время мы встретили сопротивление. Несколько британских солдат окопались и, видимо, прикрывали отход остальных. Нам, снайперам, не составило труда разобраться с ними. После этого один из наших подбежал к британскому окопу, чтобы для верности швырнуть туда гранату. Однако подход к окопу оказался заминированным, и он погиб.

После этого мы уже опасались мин и продвигались вперед гораздо осторожнее. Более того, нескольким саперам из горных стрелков было приказано взять миноискатели и двигаться впереди основных сил. Нам, снайперам, нужно было сопровождать саперов. При этом мы были предельно сосредоточены и даже почти не переговаривались друг с другом, только внимательно смотрели по сторонам. От этого могла зависеть наша жизнь.

Через некоторое время миноискатель одного из саперов запищал. Я ожидал, что он начнет разминирование, но он просто обозначил опасную зону флажками, чтобы остальные могли обойти ее.

Мы продолжали продвигаться, стараясь двигаться по следам отступавших британцев. Это давало нам некоторую гарантию, что мы если и наткнемся, то на отдельную мину, а не на целое минное поле. Через некоторое время внезапно раздался выстрел, и один из наших саперов упал подстреленный. Мы все тут же повалились на землю. Выстрел прозвучал откуда-то издалека. Было ясно, что это дело рук британского снайпера. Однако ни я, ни Конрад, ни Зоммер не могли разглядеть, где прячется противник.

– Гюнтер, смотри во все глаза! – приказал мне Зоммер, а сам приподнял свою каску на пехотной лопатке. В ту же секунду в каску вошла пуля, а я заметил вспышку на конце ствола в кустах, находившихся в четырехстах метрах от нас. Я очень быстро прицелился туда и выстрелил.

Каска Зоммера была пробита насквозь. Он приподнял ее еще раз, новых выстрелов не последовало. Но мы не могли быть до конца уверены, что я попал в британского снайпера. Прихватив сапера, Конрад с Зоммером начали осторожно продвигаться к кустам, а я остался прикрывать их. Через несколько минут они уже радостно махали мне руками. Оказалось, я попал врагу точно в голову.

Больше в этот день мы уже не сталкивались со снайперами противника. Было лишь несколько небольших стычек с вражеской пехотой. Мы продолжали идти по следу британской пехоты и к вечеру вышли к небольшой деревеньке. В ней совершенно не было жителей. Мы ожидали, что улицы будут заминированы. Но мин не было.

Вскоре мы вышли к дороге на Ретимо. Когда окончательно стемнело, мы разбили лагерь и окопались. Ночь прошла непривычно тихо. Британцы полным ходом отступали к противоположной стороне острова.

Утром мы получили горячий завтрак из полевых кухонь. Вскоре мы узнали, что ночью британские войска были эвакуированы с острова. Наши парашютисты, заброшенные в Гераклион, были свидетелями того, как эвакуировались британские войска.

В течение двух последующих дней наши войска захватили весь остров. К 1 июня германские части контролировали весь Крит. В ходе операции мы потеряли убитыми и пропавшими без вести около 4000 человек и примерно половину от этого числа ранеными.

Потери среди парашютистов оказались столь значительными, что нас больше не стали применять для массированных десантных атак с воздуха. Более того, после боев за Крит мы перестали быть элитными войсками в полном смысле этого слова: к нам поступило много новобранцев, которые не успели даже толком научиться прыгать с парашютом.

Транспортировка на базу в Берлин всех уцелевших бойцов из нашей дивизии заняла около недели. Прибыв туда, я надеялся, что получу отпуск домой, но, к моему глубокому разочарованию, этого не произошло. Единственное, что утешило меня, это письмо от Ингрид. Она писала, что все у них хорошо, а мой сын подрастает и скучает по отцу. Я в ответ написал им письмо о том, как я скучаю по ним, а также о том, что я жив и здоров и моя служба идет вполне нормально. Рассказывать о большем я не решился, поскольку переписка, как я уже говорил, подвергалась цензуре.

Новички, поступившие к нам, смотрели на участников Критской операции как на героев. Конечно, это льстило нашему самолюбию, но уже не так, как могло бы льстить раньше. Слишком дорогой ценой нам досталось это звание героев. И тем не менее штурм Эбен-Эмаэля и Критский десант – это легендарные страницы истории немецких парашютных войск. И я испытываю определенную гордость от того, что был участником этих событий.

После Критской операции я вскоре был произведен в сержанты, Зоммер – в фельдфебели, а Конрад – в младшие унтер-офицеры. Между тем наша дивизия была преобразована в элитную пехотную дивизию. Мы получили артиллерийские и противотанковые орудия. Однако изменение нашего статуса, конечно, вызывало у многих чувство обиды. Но мы с Зоммером утешали себя тем, что благодаря случившемуся мы, вероятно, больше не будем участвовать в настолько опасных операциях.

Что еще интересно, после войны я много читал об успешных бомбардировках британскими ВВС территории рейха. Но это не совсем так. По крайней мере, даже после войны я мало слышал от немцев о серьезных разрушениях, вызванных британскими авианалетами до середины 1941 года.

Таким образом, жизнь Германии продолжала течь своим чередом. А наша дивизия после переформирования была переброшена в Польшу. Но, конечно, вначале мы еще ничего не знали о том, что совсем скоро нас ждет война с Советским Союзом, которая окончится трагедией для Германии.

Глава седьмая. Операция «Барбаросса»

Еще когда мы ехали в Польшу, нам в глаза бросались усиленные дозоры вдоль железнодорожных путей. Зоммер сказал, что это не предвещает ничего хорошего. Но я утешал себя тем, что более опасных боев, чем те, в которых мы побывали, уже быть не может.

В Польше мы ожидали приказа. Никто из нас, простых бойцов, ничего не знал точно. И поэтому, как водится, ходили разнообразные слухи. Некоторые говорили о том, что нам предстоит поход на Индию и якобы Москва уже дала разрешение на проход войск Вермахта через советскую территорию. С другой стороны, мы слышали о перемещениях Красной Армии возле наших границ. Это озадачивало нас всех. Мы знали о пакте между Гитлером и Сталиным, и Зоммер предположил, что это какой-то секретный маневр, чтобы одурачить англичан.

Только ночью с 21 на 22 июня 1941 года перед самой полночью мы были разбужены по приказу командира роты. Когда мы построились, командир роты прямо перед нами распечатал коричневый конверт и зачитал нам находившийся там приказ и прокламацию Гитлера. Все мы были ошарашены и слушали, затаив дыхание. Нам предстояло напасть на Советский Союз, самую большую страну в мире.

Конечно, думая об этом, все мы ощущали тревогу. Каждый из нас слышал в школе о неудавшемся походе Наполеона на Россию. Впрочем, у Наполеона не было танков, а у фюрера их было огромное количество. У Наполеона не было Люфтваффе. Но самое главное, нам объяснили, что война с Советским Союзом – вынужденная мера. Москва сама готовила нападение на Германию, а мы ее просто опередили. Впоследствии, когда мы увидели, какая огромная масса советских войск, военных складов и аэродромов была сосредоточена у самой нашей границы, мы окончательно поверили в то, что русские собирались напасть на нас. Мы их просто опередили. Что ж, значит, нам предстояла война ради жизни, ради будущего Германии.

Ожидая выдвижения вперед, мы нервно смотрели на часы. Многие из нас курили сигарету за сигаретой. Наконец мы снова оказались в грузовиках. Прежде чем достигнуть Советского Союза, нам предстояло преодолеть значительный отрезок пути по оккупированной русскими войсками части Польши. Мы были напряжены, встревожены, как это всегда бывает перед боем, и ехали, практически не разговаривая друг с другом. В кузове грузовика был отчетливо слышен рев его мотора.

Наша парашютная дивизия была частью группы армий «Центр», в которую входило более миллиона немецких солдат, тысяча танков, две тысячи артиллерийских орудий, двести тысяч автомашин и мотоциклов, двести тысяч лошадей. Мы выступали при поддержке около 900 самолетов Люфтваффе.

Одновременно с группой армий «Центр» Советский Союз атаковали группа армий «Север» и группа армий «Юг». Так начинался наш блицкриг. При этом немецкая авиация сразу вылетела бомбить советскую территорию, и прежде всего аэродромы, чтобы уничтожить находившиеся на них самолеты противника.

Наша 4-я парашютная двигалась позади танкового корпуса. Танковый корпус состоял из трех танковых дивизий, сопровождаемых сорока пехотными дивизиями, среди которых была и наша.

Вся наша огромная колонна остановилась у реки Буг, по которой проходила граница между германской и советской частями Польши. Немецкие артиллерийские орудия начали обстрел советской территории. Через некоторое время в ответ раздалась залпы советских орудий. Новички из подчиненного мне отделения вздрагивали, когда падали советские снаряды, хотя они взрывались совсем далеко от нас. Я прикрикнул на своих солдат, что они не должны, как бабы, дрожать от каждого взрыва. Тем не менее мне и самому стоило некото-

рых усилий сохранить спокойное выражение лица, когда над нами пролетели пикирующие бомбардировщики Люфтваффе, направлявшиеся бомбить русские позиции. Услышав рев их моторов, я невольно вспомнил, как нас самих на Крите по ошибке бомбили немецкие бомбардировщики «Дорнье». Но на этот раз, конечно, ничего подобного не произошло.

Через некоторое время советская артиллерия была уничтожена, и наши танки начали переправляться через мост. Кроме того, через реку были переброшены два понтонных моста, чтобы ускорить продвижение войск. Тем не менее наша дивизия смогла переправиться на другой берег только к вечеру 22 июня. Все это время мы слышали где-то вдали громыхание взрывов. Мне это почему-то напомнило грохот устраивавшихся в Гамбурге каждое лето фейерверков, на которые я любил смотреть еще мальчишкой. Подобные странные сравнения иногда приходят в голову на войне.

После переправы мы получили время на сон, а перед рассветом мы быстро проглотили завтрак и получили приказ в пешем строю сопровождать танки.

Танки двигались достаточно медленно, чтобы мы поспевали за ними. Тем не менее некоторые из нас, и я в том числе, запрыгнули на танковую броню, чтобы не двигаться пешком. Вокруг нас то и дело мелькали польские сельские лачуги, которые казались оставленными жителями. Примерно через пять километров мы наткнулись на огромные силы русских. Они окопались на пологом холме. Я соскочил с брони и приказал своим бойцам сделать то же самое. Дальше мы продвигались под прикрытием танков. Когда между нами и противником оставалось менее километра, и мы и русские практически одновременно открыли огонь.

У русских было множество пулеметов и противотанковые орудия. Несколько наших танков загорелись всего через несколько секунд. Однако на нашей стороне был численный перевес, и мы продолжали продвигаться вперед.

Через некоторое время мне удалось занять удобную и относительно безопасную позицию позади небольшого холмика. Я начал стрелять в русских из своей снайперской винтовки. Уничтожив двоих пулеметчиков, я заметил офицера, который приказывал своим солдатам сменить пулеметчиков, убитых мной. В первую секунду я хотел застрелить офицера. Но потом я решил, что он может помочь в моей работе. И действительно, он подсылал к пулемету все новых и новых солдат, а я убивал их точными выстрелами в голову. Когда я таким образом убил около пяти человек, солдаты, видимо, перестали слушаться офицера. Тогда он достал пистолет и направил его на очередного солдата. Бедняге ничего не оставалось, кроме как подскочить к пулемету. Через миг ему в голову попала моя пуля.

Офицер больше не предпринимал попыток послать к пулемету кого-то еще, тогда я перевел свой прицел на него и, дождавшись момента, когда он в очередной раз высунет голову из окопа, выстрелил в этого офицера.

Бой продолжался еще около часа. В конце концов русские были окружены и сдались.

Вскоре после этого нам было приказано снова погрузиться в кузова грузовиков. Наш путь длился несколько часов, пока мы не достигли Белостока.

Танковый корпус и пехотинцы из его сопровождения к этому моменту уже продвинулись дальше на юго-восток. А нескольким пехотным дивизиям, нашей в том числе, было приказано взять Белосток и уничтожить его защитников.

Мы высадились из грузовиков в полутора километрах от города. Продвинувшись вперед примерно на километр, мы начали окапываться. В это время немецкая артиллерия открыла огонь по городу. К этому времени в других частях города уже шел бой. Однако по нам также открыла огонь русская артиллерия. Мы спешно начали окапываться. Один из снарядов взорвался неподалеку от наших позиций. В результате несколько бойцов погибли, в нашу сторону полетели оторванные взрывом руки и ноги. Новички были в шоке. Но наши с Зоммером окрики заставили их продолжить окапываться с удвоенной силой. И вскоре у

всех нас уже были готовы небольшие окопы, запрыгнув в которые мы продолжали орудовать лопатами, чтобы углубить их.

Когда достаточно глубокие окопы были готовы практически окончательно, очередной снаряд снова взорвался рядом с нами. Один из молодых снайперов в этот момент излишне высовывал голову, и осколок угодил ему прямо в каску. Он рухнул и заорал от боли.

Когда мы сняли с него каску, оказалось, что у него лишь содран кусок кожи на голове. Мы сразу перебинтовали его и утешили, сказав, что с подобными ранениями еще никто не погибал. Услышав это, он успокоился и практически перестал орать, только постанывал время от времени. Между тем появившиеся на окраине города русские пулеметчики открыли огонь, на который тут же ответили наши пулеметы. Кроме того, стали все чаще раздаваться винтовочные выстрелы.

Теперь мы и наши снайперы тоже должны были не мешкать, а искать цели. Осмотревшись, мы сразу заметили нескольких советских солдат. Они прятались за домами и деревьями. Поскольку в прошлом бою я видел, что многие русские были вооружены устаревшими примитивными винтовками, то здесь я предположил, что у них, возможно, попросту не было достаточного количества пехотных лопаток, чтобы окопаться. Впрочем, как бы то ни было, это играло нам на руку.

По приказу Зоммера наш снайперский взвод разом открыл огонь. Кроме того, к этому моменту бойцы Вермахта начали всю осыпать русских минами, выпущенными из 81-миллиметровых минометов. Эффект от разрывов этих мин был потрясающим: от каждой из них осколками поражалось сразу несколько русских, поскольку у них практически не было окопов.

Снайперская работа в подобных условиях также не представляла особой трудности. В результате даже каждому из наших новичков удалось уничтожить по несколько советских солдат. Я сам уничтожил четверых пулеметчиков и одного снайпера. После этого я уже не смог отыскать очередную цель.

Огонь советской артиллерии ослаб. Русские отступали в глубь города. Всего через несколько минут вслед за отступающим врагом устремилось несколько немецких батальонов. Мы, снайперы, прикрывали их продвижение, следя за тем, чтобы нигде неожиданно не возник вражеский пулеметчик или снайпер.

Как только наши войска продвинулись примерно на сотню метров, мы выскочили из окопов и устремились следом. Русские солдаты к этому моменту уже были отчасти обескровлены: значительная часть их пулеметов и другого эффективного оружия была оставлена ими во время отступления прямо на позициях. В то же время значительная часть немецких пехотинцев была вооружена пистолетами-пулеметами MP-38 и MP-40, которые в ближнем бою были значительно эффективнее, чем устаревшие винтовки, которыми была вооружена основная масса русских.

Тем не менее советские войска продолжали сопротивление, мешая Вермахту захватывать город. Наш снайперский взвод разделился на две группы по девять человек, одну из которых возглавил я, а другую Зоммер. Каждая из групп должна была оказать поддержку в ближних боях частям, захватывающим город.

К этому времени артиллерия с обеих сторон практически прекратила огонь, поскольку расстояние между солдатами обеих армий зачастую составляло лишь несколько домов. Разрывы артиллерийских снарядов изредка доносились до нас лишь с северной части города, где, по всей видимости, находилась русская артиллерия. Оттуда раздавался ответный огонь, и русские снаряды летели в сторону южной окраины. Вероятно, русские весьма смутно представляли место нахождения артиллерии Вермахта.

Вместе с моим взводом я занял трехэтажное складское здание. Мы осторожно продвигались, обшаривая этаж за этажом, но так и не наткнулись ни на одного живого рус-

ского. Весь склад был забит какими-то деревянными ящиками, но нам было некогда изучать их содержимое. Поднявшись по скрипучей деревянной лестнице, мы оказались на третьем этаже. Третий этаж не имел потолка, а находился прямо под крышей. В крыше я увидел огромную дыру от снаряда. Прямо под ней лежало несколько мертвых русских солдат. Однако все они были уже без оружия и боеприпасов. Видимо, их товарищи забрали все это при отступлении.

Надо сказать, значительная часть крыши здания была полуразрушенной. Все окна из него также вылетели в ходе боя. Но его стены были кирпичными и могли служить для нас хотя и не самой надежной, но весьма неплохой защитой.

Выглянув в пустые окна, мы увидели бой, продолжавшийся всего через несколько домов от нас. Советские солдаты пытались задержать продвижение превосходящих немецких сил. Положение русских было безнадежным. Но тем не менее обе стороны несли потери. Я тут же приказал своим бойцам открыть огонь по русским. Однако нам удалось уничтожить лишь несколько солдат противника, остальные немного отступили и оказались вне поля нашего зрения.

Покинув здание, мы вскоре соединились с остальной частью взвода, возглавляемой Зоммером. Продвинувшись немного вперед, мы увидели, что наши пехотинцы устремились к северной части города вслед за отступающими русскими.

Тут к Зоммеру подбежал немецкий капитан, сопровождаемый несколькими бойцами.

– Что вы здесь делаете со своими солдатами? – спросил он Зоммера. Видимо, капитан решил, что наш взвод старается держаться позади основных наступающих сил, чтобы избежать непосредственного участия в бою.

– Мы снайперы, господин капитан, – ответил Зоммер. – Мы использовали склад позади нас и еще несколько зданий, чтобы вести огонь по противнику. Теперь русские отброшены на север, и мы перемещаемся на новые позиции.

Капитан оценивающе разглядел наградные знаки и нашивки на форме Зоммера. Ему стало понятно, что наш командир взвода участвовал еще в Первой мировой.

– Что ж, фельдфебель, продолжайте выполнять свою задачу. Я уверен, вы знаете свое дело, – капитан посмотрел на Зоммера гораздо дружелюбнее.

– Так точно, господин капитан! – Зоммер салютовал ему в ответ.

Бойцы под командованием капитана также продвигались к северной части города. Таким образом, получилось, что мы двигались бок о бок с ними. Мы вошли в спальный район. В нем практически каждый дом оказался занят русскими солдатами, и они начали вести по нам винтовочный огонь из окон.

Однако русские не подозревали, насколько плохой защитой для них окажутся стены польских домов. Зачастую эти покрытые штукатуркой стены были толщиной всего в один кирпич. Когда на них обрушился огонь немецких пулеметов, стены начали осыпаться под градом пуль.

Мы, снайперы, также знали свое дело и помогли пехотной роте, уничтожая красноармейцев, высывавшихся с винтовками из окон.

В результате русские продолжили отступление. Они были отброшены к центру города, где находилось много массивных кирпичных зданий.

Наша пехота заняла дома, окаймляющие южную часть центра города. Но русские продолжали вести огонь по нам из соседних зданий. Зоммер подошел к уже знакомому нам капитану:

– Капитан, мои ребята могут очистить от противника обращенную к нам сторону любого из домов. После этого ваши солдаты могли бы подбежать к зданию и поджечь его огнеметами.

Капитану понравилась эта идея. Он согласился с Зоммером. Вдвоем они выбрали первое здание, на котором собрались попробовать такую атаку. После этого мы, снайперы, заняв позиции в доме напротив, открыли огонь по противнику. Как только обращенная к нам сторона здания была чиста от противника, по сигналу Зоммера вперед побежали двое огнеметчиков. Они направляли огненные струи в окна здания, а мы прикрывали их, продолжая вести прицельный огонь по русским.

Вскоре в здании, захваченном противником, начал разгораться серьезный пожар. Некоторые русские, спасаясь, пытались выпрыгивать из окон, но их настигали наши пули.

Подобным образом мы вытеснили советских солдат еще из нескольких домов. Конечно, наша тактика не сработала бы, будь русские вооружены немного лучше, но в той ситуации она оказалась более чем эффективной.

Примерно через пару часов Белосток был взят, русские отступили. На ночь мы остались в городе. Мой взвод ночевал в окопах на окраине. Всю ночь где-то далеко раздавался грохот взрывов снарядов и бомб. Но мы, старые вояки, уже не обращали внимания на это. А вот многие новички, я уверен, ворочались и не могли заснуть. Зато с каким упоением вечером они хвастались друг перед другом своими первыми убитыми. Я сам, когда был на их месте, относился к убийству людей, пусть даже это солдаты противника, несколько иначе. Но новички на четыре года моложе меня, они относились уже к другому немецкому поколению. Впрочем, возможно, это было лишь бравадой перед неожиданно обрушившимся на них ужасом войны.

На рассвете мы позавтракали и снова погрузились в кузова грузовиков. Мы оказались в числе пехоты, сопровождавшей танковый корпус группы Гудериана. Гейнц Гудериан был блестящим военачальником. Его танки громили врагов Германии в Польше, Бельгии, Франции, Югославии и Греции. Теперь настала очередь Советского Союза. Многим бойцам было спокойнее от того, что танковой группой руководит генерал Гудериан. Это вселяло в нас дополнительную уверенность в победе.

Однако, так или иначе, несмотря на отдельные быстрые успехи, в районе Белостока нас ждали еще долгие и тяжелые бои. Тем не менее вскоре мы вместе с другими частями заняли небольшой городок Волковыск. Другие немецкие дивизии держали позиции в районе населенных пунктов Слоним, Зельва, Ружаны. В результате силы русских, находившиеся в районе так называемого Белостокского котла, были окончательно окружены. При этом только нескольким небольшим частям удалось прорваться на восток, до того как окружение было завершено.

Теперь русские были у нас в руках. Они ожесточенно сопротивлялись, но мы продолжали теснить их превосходящими силами. И 3 июля советские части, окруженные под Белостоком, прекратили сопротивление и сдались в плен.

Между тем другая часть групп армий «Центр» окружила советские части в Минском котле. Всего в обоих котлах было уничтожено 11 стрелковых, 6 танковых, 4 моторизованные и 2 кавалерийские дивизии. Согласно данным нашего командования, в результате этих двух блестящих операций было взято в плен более 320 тысяч красноармейцев, в том числе несколько высокопоставленных генералов, а также около 3,5 тысячи танков и около 2 тысяч орудий.

Конечно, это очень сильно подняло наш моральный дух и деморализовало русских. Однако мы к этому моменту также успели убедиться, что сражаться с русскими – не самое легкое дело. Так, однажды мы стали свидетелями того, как наши 37-миллиметровые противотанковые орудия вели огонь по русским танкам. Снаряды наших орудий исправно попадали в лобовую броню танков Т-34. Но при этом в броне не появлялось пробоин. Снаряды с диким визгом и жужжанием рикошетили от танков. Правда, время от времени при этом они попадали в сопровождавших танки красноармейцев. Но от этого было не легче. Мы ведь

не раз слышали пропаганду о том, что наши противотанковые орудия способны сокрушить любой танк. Сколько еще подобных неприятных сюрпризов могло ждать нас в России?

Впрочем, наше продвижение было победным, а потому мы редко задумывались о плохом. Уже на третью неделю войны наши войска вышли к Смоленску.

Смоленское сражение длилось гораздо дольше, чем мы ожидали. Русские сопротивлялись крайне отчаянно, хотя были обречены. Видимо, их командование не оставило им выбора. Красные командиры нередко стреляли в своих солдат, если те отказывались выполнять их приказы, пусть даже эти приказы были совершенно безрассудными.

Надо сказать, среди местных жителей, в том числе и в Смоленске, было немало недовольных коммунистическим режимом. Люди были недовольны тем, что у них отняли землю и согнали в колхозы. Впрочем, мы и сами видели, в каких условиях жили русские. Кроме того, им было запрещено даже верить в Бога. Церкви были закрыты и нередко использовались как складские помещения, что не могло не оскорблять чувств верующих. Однако, как только в Смоленск вошли немецкие войска, уже в августе в Смоленском кафедральном соборе возобновились службы.

Все наши солдаты относились к мирным жителям на советской территории довольно неплохо. Так продолжалось до тех пор, пока не вышло специальное распоряжение фюрера о том, что русские относятся к низшей расе и с ними следует обращаться иначе, чем с представителями других народов. Это было бесчеловечным решением Гитлера, тем не менее некоторые восприняли его как приказ, особенно в последующий период войны, когда нам пришлось сталкиваться с партизанами. Тем не менее я сам и мои друзья всегда относились к мирным жителям по-человечески, какой бы национальности они ни были. За это я могу поручиться.

Мы вынужденно оказались захватчиками на русской земле. Нам просто нужно было защитить Германию от готовившегося на нее нападения коммунистов. А наша страна и без того была не в самом легком положении из-за войны с Британией. Поэтому нам пришлось атаковать первыми.

Глава восьмая. Операция «Тайфун»: рывок к Москве

Если в конце июля многие генералы Вермахта были убеждены, что война почти выиграна, то уже во время Смоленского сражения даже в солдатской среде начали поговаривать о том, что война вряд ли получится молниеносной.

Я хорошо помню, как 1 сентября получил официальное письмо из Берлина, в котором сообщалось, что срок моей службы продлен еще на четыре года.

Я выругался и разорвал письмо в клочья. Я так мечтал, что в самое ближайшее время вернусь к своей семье, но теперь этому вряд ли суждено было случиться скоро.

Услышав мои крики, ко мне подошел Зоммер.

– Что стряслось? – спросил он.

Выслушав меня, Зоммер сказал, что в этом нет ничего удивительного. Потом он добавил:

– Не болтай об этом, но запомни мои слова. Черт меня побери, если мы успеем вернуться домой к Рождеству!

Тем не менее 6 сентября 1941 года фюрер в своей директиве № 35 приказал разгромить до наступления зимы все русские войска на московском направлении. И 16 сентября, когда битва за Киев приближалась к успешному завершению, командование групп армий «Центр» издало директиву о подготовке операции по взятию Москвы. Эта операция получила кодовое имя «Тайфун».

Согласно стратегическому замыслу крупные группировки войск Вермахта, сосредоточенные в районе Духовщины, Рославля и Шостки, должны были окружить и уничтожить основные силы русских в районе Вязьмы и Брянска и после этого молниеносно продвигаться к Москве с севера и юга, чтобы незамедлительно захватить русскую столицу.

Наша дивизия находилась в районе Духовщины. Перед началом операции мы получили значительные пополнения. Так, к моему удивлению и радости, в нашу роту попал мой друг Михаэль, вместе с которым я учился в снайперской школе. Зоммеру удалось договориться, чтобы Михаэль был направлен именно в наш взвод.

Оказалось, Михаэль был возвращен на фронт после госпиталя. В самом начале Русской кампании он получил ранение в руку. До этого он участвовал в боевых действиях в Бельгии, Франции, Югославии и Греции.

– А как поживает наш Антон? – спросил я.

И лицо Михаэля сразу изменилось.

– Он подорвался на mine во Франции, – сказал Михаэль, помрачнев. – У него оторвало обе ноги. Я тащил его к пункту первой помощи. Он так кричал... Скорее даже выл, чем кричал... Ему не смогли помочь. Но так, наверное, даже лучше. Куда это годится – жить без обеих ног?

– Да, наверное, лучше, – согласился я.

От веселости, нахлынувшей на меня при виде Михаэля, не осталось и следа.

Тем не менее мы проговорили с ним весь вечер. Через некоторое время к нам присоединился Зоммер. У него была припасена бутылочка шнапса, и мы распили ее в честь моей встречи с Михаэлем.

Через некоторое время разговор зашел о партизанах. Пробыв пару месяцев в госпитале, Михаэль не сталкивался с ними. С удивлением и ужасом он слушал то, что рассказывали мы с Зоммером.

В Советском Союзе было огромное количество партизан, противостоявших немецкой армии. Они сражались без униформы, без знаков различия, и их нельзя было опознать среди населения. Крестьянин, вспахивающий поле, женщина, работающая на кухне немец-

кой части, кузнец, сельская учительница или даже хозяин дома, в котором мы жили, – любой из них мог принадлежать к партизанам.

Страшная судьба ожидала того, кто попадал в их руки. Чтобы добыть нужные им сведения, они прибегали к жесточайшим средневековым пыткам. С их помощью партизаны старались добыть информацию о последующих немецких атаках, перемещениях войск и вооружении. Пленным выкалывали глаза, отрезали языки и уши. Оказавшись в плену у этих варваров, никто не мог рассчитывать остаться живым. И лишь немногим везло оказаться застреленными в затылок без предшествующих мучений.

Впрочем, и бойцы Красной Армии обращались с пленными ничуть не лучше. Они тоже расстреливали практически всех, кто попадал к ним в плен. Они применяли пытки, правда, реже, чем партизаны.

Вооружение партизан было самым разнообразным. У них были как ножи, так иногда и автоматы. Однако наиболее распространены были винтовки и охотничьи ружья. Кроме того, в ближнем бою с танками они использовали бутылки с зажигательной смесью. Это простое в изготовлении оружие было тем более удобно для них, что у русских не было недостатка в пустых водочных бутылках! Впрочем, несмотря на свою примитивность, это оружие было очень эффективным: зажигательная смесь из фосфора и серы, воспламенившись, раскалялась до 1300 градусов.

Создание партизанского движения было дьявольским ходом Сталина. Организация этого движения началась на двенадцатый день после начала войны. Кроме того, Красная Армия проводила политику выжженной земли, которая означала, что все, что не удастся забрать отступая, должно быть уничтожено.

У наших войск попросту не было времени выискивать партизанских вожakov среди жителей деревень. Из-за этого мирные жители постепенно оказывались в руках партизан. Это было тем более обидно, если учесть, что изначально многие русские встречали немецкую армию с хлебом и солью, как освободителей от ярма коммунизма.

Впрочем, партизаны были не единственным бедствием, обрушившимся на наши головы. У нас даже возникала мысль, не было ли это еще одной уловкой Сталина... На этот раз я говорю о вшах. Эти отвратительные мелкие паразиты буквально атаковали каждого солдата на Восточном фронте.

Нас поначалу удивляло, почему головы советских солдат были не просто коротко подстрижены, но и гладко выбриты. Однако теперь мы поняли, из-за чего русские предпочли такие прически. Вспоминая позднее о Восточном фронте, многие немецкие солдаты говорили прежде всего о вшах, которые были гораздо хуже клопов и тараканов. Огромное количество вшей водилось не только в русских избах, но и на открытом воздухе. Атакуя людей, они не смотрели на знаки различия, и их укусов не мог избежать никто, от рядового пехотинца до самого генерала!

Зуд в местах укусов вшей был настолько нестерпим, что мы невольно расчесывали кожу до крови. Спать во время атаки вшей было невозможно, поэтому по ночам мы отчаянно ловили их, когда они ползли у нас по груди, по позвоночнику или по ногам. Каждый боец за ночь убивал бесчисленное количество вшей, раздавливая их пальцами. Тем не менее с нас все равно не сходили следы укусов, что свидетельствовало о том, что части этих тварей удавалось полакомиться нашей кровью безнаказанно. Любимыми местами вшей, в которые они кусали нас, были участки кожи с волосатым покровом и части тела, где проходит много кровеносных сосудов.

Нашим единственным спасением от этого бедствия на передовой стали русские бани, которые мы находили в деревнях. Когда в боях наступало затишье, мы ходили туда мыться так часто, как только это было возможно. После всего пережитого и увиденного баня каза-

лась для нас буквально островком цивилизации, который словно появился на этой варварской земле из другого мира. В бане мы ощущали себя словно в раю.

Михаэль, как оказалось, никогда не был в русской бане, и мы с Зоммером пообещали ему, что сводим его туда, как только представится случай.

Наше наступление было назначено на утро 2 октября. Ночь перед этим командир роты решил выслать на разведку группу, составленную из бойцов разных взводов. В результате я оказался командиром группы, в которую вошло еще двенадцать бойцов, в том числе Конрад и Михаэль. Зоммера командир роты по каким-то своим причинам решил не отправлять в разведку. Возможно, дело было в том, что у нас был на счету каждый командир взвода. К тому же, отправив нас двоих, командир роты рисковал лишиться сразу двух своих лучших снайперов.

Выступать на задание мы должны были около полуночи, и у меня оставалось еще несколько часов на сон. Однако мне не спалось. Где-то вдалеке, к востоку от нас, раздавались взрывы. Вероятно, это немецкая авиация бомбардировала противника. Эти звуки не беспокоили меня, я давно уже привык к грохоту взрывов. Но я знал, что, даже если наша разведывательная миссия пройдет гладко, на следующий день меня ждет очередной кровавый бой. Я думал об Ингрид, о сыне и своей стареющей матери. Мое сердце сжималось при мысли, что я могу погибнуть и им пришлют уведомление с соболезнованиями. Я не должен был допустить, чтобы мой сын рос без отца.

Думая обо всем этом, я в конечном итоге все-таки забылся коротким сном, но, наверное, всего на полчаса. Потом меня разбудил Михаэль.

— Иваны сейчас, пожалуй, дрыхнут без задних ног! — улыбался он. — Пора нам посмотреть, где они прячутся.

Нашей задачей было провести разведку в перелеске, лежащем к востоку от наших позиций, чтобы проверить, свободен ли он от врага. Ровно в полночь мы покинули свои позиции. Караульные были предупреждены о нашем задании, и мы могли не бояться, что по возвращении нас встретят огнем свои же товарищи.

Я убедил Михаэля не брать с собой на задание снайперскую винтовку. Во-первых, в случае ближнего боя в ночном лесу от пистолета-пулемета МР-38 могло быть гораздо больше толку. Во-вторых, если бы мы попали в лапы русским, со снайперами они бы расправились с особенной жестокостью. Об этом я знал не понаслышке. Во время Смоленского сражения у нас пропал один из молодых снайперов, а через несколько дней мы наткнулись на его тело. У него были отрезаны уши, нос и кисти рук, а кроме того, выколоты глаза. Несомненно, русские проделали с несчастным парнем все это, пока он был еще жив.

Моя группа осторожно двигалась следом за мной. Желтая луна ярко светила над лесом. Мы не произносили ни слова. Только время от времени раздавался треск сломанных веток, которые мы задевали, пробираясь между деревьями. Но все шло хорошо, если не считать того, что пару раз члены нашего отряда падали в незамеченные ими воронки от снарядов. Таких воронок в лесу было много, поскольку он подвергался интенсивному огню с обеих сторон.

Однако напряжение давало о себе знать, и наше воображение рисовало перед нами бойцов Красной Армии буквально за каждым деревом и каждым кустом. Продвигаясь глубже в лес, мы все сильнее потели — то ли от быстрого движения, то ли от нервов. Каждый раз, когда луна исчезала за облаками, небо на востоке вспыхивало и все вокруг озарялось от осветительных ракет. Мы всякий раз вздрагивали при этом, говоря себе: «Нас заметили!» Но ракеты гасли, и темнота вновь накрывала лес.

Мы уже начинали верить, что в этом перелеске нет русских, когда грохот русского пулемета вдруг разорвал ночную тишину. Мы тут же повалились на землю, но трассирую-

щие пули пролетели над самыми нашими головами. В панике я попытался зарыться руками в землю. Мой живот сводило от мысли, что это конец. Русские пули попали в позвоночник одному из наших солдат. Он заорал от боли, и это привело ко всеобщей панике. Осознав это, я заставил себя собраться: я ведь был командиром и отвечал за своих людей.

– Открыть ответный огонь! – заорал я, и мой крик отрезвил других бойцов.

Через несколько мгновений каждый из наших занял удобную лежачую позицию или привстал на одно колено, скрытый деревьями. И мы открыли ответный огонь. По всей вероятности, нам пришлось противостоять русскому взводу, который был отправлен в перелесок с тем же заданием, что и мы, то есть выяснить, занят ли он врагом.

Я переживал, что со мной нет снайперской винтовки. Она бы здорово пригодилась против пулеметчика. Но тем не менее нам через некоторое время удалось погасить пулемет очередями из своих пистолетов-пулеметов.

Не теряя ни секунды, мы отступили. Кто знает, сколько еще русских было в этом перелеске. Командир роты не был слишком удивлен нашим докладом.

– Русские, вероятно, ждут нашей атаки именно на этом участке, – сказал он. – Тогда мы выберем другой маршрут для наступления и ударим по ним с тыла.

До начала наступления оставалось всего несколько часов, мы пошли спать.

Перед рассветом шел мелкий липкий дождь. Первой в наступление пошла танковая группа с сопровождавшими ее пехотными частями. Вслед за ними двинулась вперед и наша дивизия. Совместно с танковой группой мы должны были нанести удар в стык 30-й и 19-й русских армий Западного фронта.

Мы, снайперы, двигались пешим маршем на расстоянии примерно пятидесяти метров от головы колонны. Неподалеку от нас шла медицинская рота, а также лошади, тащившие артиллерийские орудия.

Через некоторое время загрохотали огромные 150-миллиметровые артиллерийские орудия русских. В ответ ударили немецкие орудия. Это означало, что наша цель уже рядом. Мы зашагали быстрее.

Вскоре нам стали видны огромные вспышки огня, вырывавшиеся из дул русских орудий. Теперь мы были всего в паре сотен метров от советских войск, и по дивизии прошел приказ рассредоточиться.

Еще не рассвело, к тому же небо на востоке было затянуто тучами. Это была не лучшая погода для снайперской стрельбы. Тем не менее наш снайперский взвод продвинулся немного в сторону от наших бойцов, устремившихся в атаку, и, заняв позиции, мы начали выискивать цели.

Я увидел вспышку на конце ствола пулемета, который явно стрелял в моем направлении. Прицелившись, я сделал три быстрых выстрела. Пулемет затих, но вскоре из него снова открыли огонь. Я сделал еще два выстрела и сменил магазин. После этого я увидел вспышки на концах нескольких винтовочных стволов неподалеку от места, где находился пулемет. Я не был уверен, стрелять ли мне по ним, ведь это могли быть и наши бойцы, продвинувшиеся туда. Но через секунду пуля ударила о край каски одного из снайперов из моего отделения. К счастью, он при этом не был ранен. Но медлить было нельзя, и я начал методично стрелять по каждой вспышке, возникавшей на конце ствола.

Остальные снайперы делали примерно то же самое. Все вместе мы медленно ползли вперед, используя в качестве прикрытий неровности местности и воронки от снарядов.

Вскоре мы подавили пехоту противника, которая защищала свою артиллерию. На нашей стороне был численный перевес, лучшее вооружение. Но, что самое главное, русские орудия не могли эффективно вести огонь по нам с такого близкого расстояния. Когда наш

взвод оказался в паре десятков метров от одного из вражеских орудий, русские артиллеристы попросту побежали прочь. Однако многих из них тут же настигли наши пули.

Русские орудия находились в небольших траншеях. К тому моменту, когда мы достигли этих траншей, уже практически рассвело. Нам стали отлично видны советские солдаты, и, устроившись прямо в русских окопах, мы начали вести прицельный огонь по ним.

В некоторых местах между нашими пехотинцами и русскими завязался рукопашный бой. Однако здесь мы ничем не могли помочь своим. Все происходило так быстро, орудуя лопатами и прикладами, наши и враги постоянно перемещались. В результате мы не могли стрелять в советских солдат, не рискуя попасть в своих.

Однако у нас и без этого было достаточно целей. Мы уничтожали русских пулеметчиков, офицеров и простых пехотинцев. Минут через двадцать нашей дивизией была уничтожена целая артиллерийская часть противника. Но примерно в полутора километрах от нас находились другие артиллерийские орудия противника, которые продолжали вести огонь.

Там шел бой между немецкими и русскими танками. С обеих сторон в нем также принимало участие несколько пехотных дивизий. Нас направили вперед, чтобы нейтрализовать артиллерию русских, долбившую по нашим танкам. Мы, снайперы, устремились вперед вместе с остальной пехотой.

Когда до орудий оставалось около пятисот метров, мы с Зоммером приказали нашим бойцам залечь. Все вместе мы начали стрелять по артиллеристам. Первые наши попадания вызвали смятение у русских. Но потом в нашу сторону начали стрелять сразу несколько пулеметов. А у нас ведь не было даже пулеметов. Мы вжимались в землю, прячась за кочками. Тем не менее четверо наших молодых снайперов погибли, прежде чем мы сумели уничтожить пулеметчиков.

Мы продолжили продвижение вперед. Между тем наши танки хотя и несли потери, но явно теснили русских. Нам удалось уничтожить еще нескольких артиллеристов, а потом к их позициям уже подошли немецкие танки и пехота.

Через полчаса бой был выигран нами, и мы начали преследовать отступающие силы русских. В подобных боях и прошел весь день. В итоге только за один этот день наша дивизия продвинулась вперед на двадцать километров.

Несмотря на накопившуюся усталость от боев, мы наступали, не жалея себя. Каждый из нас знал: чем скорее мы возьмем Москву, тем скорее вернемся домой. Это придавало нам силы и помогало быть почти бесстрашными.

Каждый день мы продвигались вперед на несколько десятков километров. Одновременно с нами другая танковая группа двигалась на Вязьму со стороны Рославля. При этом еще в первый день наступления Люфтваффе нанесли два воздушных удара по штабу Западного фронта. В результате у русских нарушилось управление войсками.

Уже 7 октября мы вышли к Вязьме, где нам удалось взять в кольцо около двадцати стрелковых дивизий и четыре танковые бригады русских. Окруженные советские войска отчаянно сопротивлялись. Это замедлило наше продвижение. Но тем не менее к 13 октября они окончательно капитулировали. Из окружения удалось вырваться лишь немногим русским частям. Но, так или иначе, теперь нам было уже рукой подать до Москвы.

Правда, на помощь русским, как всегда, пришла их ужасная погода. В середине октября началась распутица. Дороги, которые и без того были ужасными, превратились в сплошную грязь. И это существенно замедлило продвижение наших войск.

Однако русские все равно готовились к тому, что мы возьмем Москву. 15 октября Государственный Комитет Обороны СССР принял решение об эвакуации, и уже на следующий день началась эвакуация из Москвы за Волгу управлений Генштаба, наркоматов, военных академий и других учреждений. Иностранные посольства также были эвакуированы из российской столицы. В городе были заминированы мосты, заводы и электростанции. Значитель-

ная часть населения была убеждена, что немецкие войска вот-вот войдут в Москву. Начались беспорядки. Люди грабили магазины и квартиры, оставленные эвакуировавшимися. Однако НКВД продолжал свою работу, арестовывая недовольных и расстреливая мятежников.

Генералом Гюнтерием Жуковым³ для защиты Москвы было сформировано народное ополчение, в которое вошло около 100 000 человек из гражданского населения. Более полу-миллиона жителей сооружали на улицах баррикады и рыли противотанковые рвы. Военные законы теперь действовали и по отношению к гражданскому населению: «разжигатели паники, трусы и предатели» расстреливались. Город готовился к тому, чтобы Гитлер заплатил за его покорение как можно более дорогую цену.

Однако, как бы то ни было, еще в конце осени мы абсолютно не сомневались, что Москва будет взята.

³ Так автор книги называет Георгия Жукова. – Прим. ред.

Глава девятая. Долгая и холодная зима

Вплоть до начала декабря мы продолжали медленно, но верно приближаться к Москве. Однако 5 декабря началось контрнаступление Красной Армии, и мы ничего не могли с этим поделать.

Зимой с 1941-го на 1942 год в северных областях России были зарегистрированы пятидесятиградусные морозы. Столь холодных зим в этой стране не было уже 140 лет. Красная Армия воспользовалась ситуацией и подготовила контрнаступление, чтобы остановить немецкую армию у ворот Москвы. Русские говорили в те дни, что «генерал Мороз» сражается на их стороне.

Земля была промерзшей на метр, а то и больше, поэтому мы не могли даже вырыть окопы. И хотя на нас были шерстяные перчатки, нам приходилось постоянно двигать руками и пальцами, чтобы спастись от сильного обморожения, а также периодически ударять себя по груди, чтобы стимулировать кровообращение. У нас замерзали ноги, потому что наши кожаные ботинки, как оказалось, совершенно не подходили для русских морозов. А наше зимнее обмундирование прибыло к нам только тогда, когда в нем уже практически отпала необходимость.

Обмундированные по-летнему, мы, чтобы не замерзнуть, пользовались любыми покрывалами и меховыми изделиями, которые попадали в наши руки. Каждый надевал под свою летнюю униформу всю одежду, какая у него только была. Но даже при всех этих ухищрениях мы все равно жестоко страдали от холода. Если нам приходилось долго лежать на скованной морозом земле, многие сильно обмораживались. Раненые, которым не получалось быстро оказать помощь, порой замерзали до смерти. Только счастливым удавалось раздобыть русские валенки. Мало того, у нас даже не было меховых головных уборов. И под холодными стальными касками мы носили лишь вязанные подшлемники.

В Германии был объявлен сбор меховых изделий и других теплых вещей. Население откликнулось на этот призыв и жертвовало теплую удобную одежду, веря, что она поможет «мальчикам на фронте». Но, к сожалению, до нас доходила лишь небольшая часть этой одежды, в то время как горы теплых вещей оставались на сборных пунктах.

В ходе непрекращающихся боев численность фронтовых полков сократилась до трети от номинальной. Но мороз продолжал косить ряды тех, кто уцелел. От обморожений мы лишились едва ли не большего количества бойцов, чем в результате боев.

Советские войска также несли тяжелые потери, но в их огромной стране были громадные людские резервы. Кроме того, к морозам русские были гораздо привычнее нас. У них и обмундирование было соответствующее, и оружие в морозы работало лучше, чем наше. Им было легче переносить тяжести фронта, потому что их повседневная жизнь, судя по всему, была ненамного легче. В еде они были неприхотливы. В сумках, висевших у них на ремнях, лежал овес, из которого они на воде варили себе кашу. Помимо этого, в качестве сухого пайка русские часто носили с собой сушеную рыбу. Во время еды они часто запивали ее водкой из своих фляжек. Впрочем, водку они могли пить и в любое другое время дня. Курили они махорку, из которой сворачивали самокрутки, используя газеты вместо папиросной бумаги. В боях они дрались, не жалея себя. В их патриотизме было нечто фанатичное.

В результате всего этого и бесчестной партизанской войны, организованной русскими, мы были вынуждены отступать. 16 декабря последовал приказ фюрера, предписывавший «удерживать фронт до последнего солдата». В этом приказе Гитлер утверждал: «Только подобного рода тактикой можно выиграть время, необходимое для переброски подкреплений из Германии и с Западного фронта, о чем я уже отдал приказ. Только когда резервы придут на запасные позиции, можно будет подумать об отходе на эти рубежи...»

Трудно сказать, что дал этот приказ немецкой армии. Возможно, без него хаотичное отступление наших войск привело бы к распаду всего фронта, и тогда бы немецкая армия повторила судьбу Великой армии Наполеона. По крайней мере, с такой оценкой происшедшего я сталкивался в книгах военачальников Вермахта.

Однако наша солдатская жизнь после этого приказа окончательно превратилась в ад. Каждый день приносил все новые и новые испытания. При этом мы видели вокруг только бескрайние заснеженные равнины, вид которых действовал на нас удручающе. Русские применяли тактику выжженной земли, и когда мы выходили к какой-то деревне в надежде согреться в сельских хатах, перед нами порою оказывалось только пепелище.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.